Альберт Кайков

В Туруханской ТАЙГЕ

Альберт Кайков

В ТУРУХАНСКОЙ ТАЙГЕ

Повесть. Книга вторая

Новосибирск. 2012

ББК 84(2Рос-Рус)
К 14

К14 **Кайков А.С.**
В Туруханской тайге. Повесть, книга вторая. Редакционно-издательский центр «Светоч» Правления Новосибирской областной общественной организации «Общество книголюбов». г. Новосибирск, 2012 г. – 251 с.

ISBN 978-5-93240-178-1

ISBN 978-5-93240-178-1

Кайков А.С. , 2012г.
Редакционно-издательский центр «Светоч» Правления Новосибирской областной общественной организации «Общество книголюбов». 2012г.
ООО «ИД Манускрипт», 2012 г.

Предисловие

Читая очередную книгу Альберта Сергеевича, не перестаю поражаться его трудоспособности. В этом году уже вышло две книги. Это третья книга – продолжение повести «В Туруханской тайге».

Немного вернусь к первой книге повести, чтобы было понятно о чем речь. С самого начала захватывает описание могучего Енисея. Само название – «Енисей» вызывает чувство чего-то загадочного, сильного, всемогущего.

На берега Енисея вывозили раскулаченных крестьян, поволжских немцев без оружия для охоты и снастей для ловли рыбы – на выживание. Они, не зная законов тайги, не умея добывать пропитание в ней, часто умирали с голоду при таком богатстве под ногами. Местные жители проявляли сострадание и помогали выжить этим людям.

Прекрасно описана природа, сцены охоты, чувствуется глубокое знание автором тайги. Не окунувшись в эту природу, не ощутив ее прелесть, конечно же, так не напишешь.

Когда я читала первую книгу, меня все время не покидало чувство – что-то должно случиться, что-то нарушит первозданную красоту тайги. Так и вышло – началась война.

Вторая книга – это уже 1946, послевоенный год. В начале книги автор знакомит нас с историей старообрядчества, подробно описывает жизнь староверов. Они глубоко верующие люди, отвергали все законы и притеснения и, преследуемые властями, уходили далеко по Енисею в глушь тайги. Обживая новые глухие места, они уже прекрасно ориентировались в тайге, познавая ее законы. Вроде бы жизнь налаживается, но надвигающийся пожар нарушил их неспокойную жизнь. Они проявляют находчивость – закапывают свое имущество и в обрывистом берегу роют укрытия для себя.

Автор тонко описывает эти сцены, такие пожары ему случалось видеть в своей жизни.

Главный герой повести Петр, племянник Михаила, любит и знает тайгу, его удивляет: почему же, имея под ногами такие богатства – нельзя брать, т.е. нельзя ловить рыбу. И его много раз наказывают за незаконную ловлю осетров.

Мать, желая его женить, все время напоминает ему об этом и уже невесту присмотрела, а он говорит, что не время.

И вот здесь, читатель, не знаю как вы, а я сразу почувствовала, что любовь свою он найдет именно в тайге. Так оно и вышло. Петр решил разведать незнакомые места по берегам реки Вороговки. И здесь невольно начинаешь волноваться, а что же будет дальше!

Автор настолько интригующе уводит нас вслед за героем, что невозможно оторваться от книги. Но не только эта книга, но и другие его произведения написаны также интересно, и те, кто читал, думаю, согласятся со мной.

Любовь ко всему живому прослеживается в каждой строчке автора. Глубокие знания законов тайги, повадок зверей и птиц. Много полезных советов, примет, интересных сравнений не оставляют равнодушными, появляется желание вновь и вновь перечитать и запомнить его советы, приметы, например:

где кедрач, всегда найдешь белку или соболя;

урожай шишек бывает через 4 года;

кедр у таежников принято называть «кедра», женским именем;

морошка уродилась, значит, будет богатый урожай клюквы;

птицы лучше нас знают, где богатый урожай ягоды.

А вот как автор описывает приготовление косача – давний очень интересный метод – вместе с перьями обмазать илом и глиной, положить в горячую золу, потом снять вместе с пером и кожу – очень вкусно!

Бережное отношение к лесу видим при заготовке дров на зимовке, березу берет ту, у которой только на верху ветки.

И опять зимние советы:

после первого снега все жители тайги притаятся, не желая выдать себя по отпечаткам следов на снегу, только через день-два голод выманит их из укрытий;

в тайге светает медленно;

собака лает по-разному, если лай собаки злобный – это соболь.

А вот, как автор описывает сцену ледохода на Енисее, какие удивительные сравнения: «..реке тесно под толстым панцирем льда.. река, как сказочный богатырь приподняла и разорвала на себе ледяную рубашку…»

В главе «Потомок ссыльных» главный герой Валентин, двоюродный брат Петра, также прекрасно знает и любит тайгу. Эти знания тайги пригодились ему в армии на советско-польской границе. Очень интересные сцены в этой части, где главный герой проявляет смекалку и знания тайги. Не оставит никого равнодушным сцена, где Валентин спасает Лосенка из трясины. Автор пишет, что настоящий охотник не только добывает дичь, но при случае готов прийти ей на помощь! И здесь опять мы видим прекрасные описания природы: «…утренняя роса на траве играла множеством алмазных блесков в лучах восходящего солнца…»

В главе «В родном краю», автор тонко и интересно описывает сцены рыбалки. Например, ловля осетров на «самолов». Очень подробно описана вся технология установки этого «самолова», любой, немного смысливший в рыбалке, сможет, пользуясь описанием, установить этот «самолов» сам! Оказывается, тайменя ловят на мышей! На снасть, называемую «кораблик», именно на этих самых мышей, был пойман таймень – небольшой – всего около 4 кг веса!!! Таймень – это хищник, после его укуса долго не заживают раны. А вот добыча хариусов – тоже особая снасть «леска» с искусственной мушкой на крючке. Мушка сделана из шерсти и цветных перьев из хвоста петуха!

Да, много интересного узнаешь, читая строчку за строчкой в этой повести.

В главе «Таежные встречи» охотники, завезенные на зимовку, не дождавшись вертолета, который за ними так и не послали ввиду того, что началась перестройка, и у промыслового хозяйства не было денег на аренду вертолета, остались без продуктов и вынуждены были по глубокому снегу выбираться из зимовки. Собаку, поранившую себе лапы о мерзлый наст и обессилевшую от голода, бросили на произвол судьбы в избушке. И опять наш герой Валентин, узнав от вышедших охотников, где эта избушка, выносит в рюкзаке обреченную на смерть собаку. Это очень трогательная сцена, но собака все-таки оказалась преданней людей и, окрепнув, ушла искать своего хозяина.

В этой части интересные сведения о зайцах, оказывается зайчихи, как кукушки, после родов накормят зайчат и убегают, оставив их на произвол судьбы, но если какая-то чужая зайчиха наткнется на них, то обязательно накормит. Зайчата часто становятся добычей собак. И еще, оказывается зайцы и лоси – сумеречные животные, они кормятся в сумерках, а днем отправляются на лежку в чащу леса.

Автор описывает сцены встреч с медведями, порой очень удивительные и смешные, но закончившиеся удачно для человека.

В главе «На заре перестройки» автора волнуют человеческие отношения, и тема «экология».

В начале, он описывает, какое прекрасное приполярье летом. Хороводы чаек над озером, летящего красавца-лебедя «…крупная птица плавно, очень медленно взмахивала крыльями, белоснежным кораблем плыла в воздухе. Грациозно вытянув шею, лебедь сиял белизной в лучах яркого солнца…»

В конце автор описывает, что на буровых произошло сокращение, участки полностью ликвидированы. Брошенные вышки стояли как памятники технического прогресса среди тундры, изуродованной, как и человеческие судьбы, выбросами нефти на ее поверхность. И вот на водную гладь, покрытую нефтью, опускаются белоснежные лебеди, обреченные на погибель.

«Валентин вспомнил, как несколько лет назад над озером кружились чайки и ловили мальков. Теперь мертвое озеро стало ловушкой для перелетных птиц, которые десятилетиями привыкли на нем останавливаться во время перелетов. Казалось, что и люди попали в положение этих лебедей, но за ними должен был прилететь вертолет (а как же птицы?). Валентин думал о том, что после добычи нефти ничего живого здесь не останется. Эвенки покинули родовые места, и ушли со стадами оленей дальше на Север. Вертолет, поднявшись над тундрой, сделал прощальный круг вокруг буровой. Под вертолетом тянулась изуродованная прогрессом тундра, с озерами, залитыми нефтью. Только отдельные кедровые острова среди болот сохранились нетронутые человеком. Они вселяли надежду, что природа когда-нибудь восстановит свой первоначальный облик».

Автор и мы вместе с ним будем надеяться, что так и будет!

«И как бы сохранить нам этот Мир,

Чтобы потомки нас благодарили!!!

Огромное спасибо Альберту Сергеевичу за такую книгу - интереснейшую, познавательную и заставляющую читателя задуматься о будущем нашей Планеты Земля!

Я удивляюсь его трудолюбию. Рабочий день у него построен так, что он каждый день выделяет минимум 2 часа для творческой работы. Даже летом на даче он поддерживает этот распорядок дня. Отработав, как положено 2 часа, идет с Музой гулять (это его охотничья собака, очень умная, кажется, понимает наш язык). Прогуливаясь по лесу, обдумывает написание следующих страниц.

Успехов Вам, Альберт Сергеевич, и дальнейших интереснейших книг,
будем ждать.

Татьяна Трофимова,
Член Новосибирского регионального
Пушкинского общества.

Таежная трагедия

1

Пожар в Туруханской тайге 1946 года лишил привычного образа жизни не только жителей поселка Ворогово, большинство которых вынуждены были покинуть край своих предков. Пожар полностью уничтожил поселок староверов, затерянный в дебрях тайги. Они и сами собирались сменить место проживания, но не успели. Последнее время их стала беспокоить власть, требуя для призыва в советскую Армию молодых парней. Старообрядческий толк принадлежал к так называемому «бегунскому», который отвергал первоначально реформы патриарха Никона и царя Алексея, затем нововведения Петра, отвергал все законы и притеснения властей. Им это было «не потребно и не можно». Свое спасение от Антихриста в облике властей они видели только в том, чтобы «бегати и таитися».

С потерей посредника Ивана Вдовина, сдававшего в заготконтору их пушнину не без выгоды для себя, их жизнь усложнилась. После убийства своей любовницы Ивана увезли в Туруханск, осудили, и он отбывал срок, работая в рудниках Норильска.

2

Трагедия русской православной церкви, называемая Расколом, уходит корнями в середину семнадцатого века. Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон под благовидным предлогом исправления богослужебных книг провели в 1653 году реформу церкви. Первые богослужебные книги, переведенные на Руси при князе Владимире, за несколько столетий при переписывании накопили в себе множество искажений. На переход к первоисточникам и внесение в книги изменений по некоторым обрядам требовали греческие миссионеры, господствовавшие в Москве. Долгое время считалось, что раскол в церкви произошел на почве обрядов богослужения, главным из которых было требование креститься тремя пальцами, а не двумя. Раскол произошел по более сложной причине: Никон объявил древние церковные предания, символистические и богослужебные книги Русской Церкви того времени еретическими, наполненными «смрадом нечестия».

Не могли наши предки, в памяти которых еще сохранились живые предания о великих святителях и чудотворцах Русской Церкви, поверить этому. С этого началось великое противостояние старообрядцев новым требованиям. Возникла серьезная оппозиция во всех слоях общества – от церковных иерархов, князей и бояр, до стрельцов и крестьян. Заволновалась вся Русь.

Реформа Никона совпала с окончательным закрепощением крестьян. Все нововведения в сознании народа соединились с лишением его последних вольностей. И смута под названием Раскол началась. О мерах, принимаемых

царем и церковью, мы узнаем по картине «Боярыня Морозова», которая, уезжая в ссылку, подняла руку с символом своих убеждений – двуперстием. Строгие меры усугубили положение. Темная масса людей заговорила о конце света. Убеждения в этом были так велики, что появилось течение, проповедовавшее «во спасение от Антихриста» добровольный уход из жизни. Начались массовые самоубийства. Люди умирали от голода, запираясь в домах. Большое распространение получило самосожжение. Горели семьями и деревнями.

Воцарение Петра Первого с его жесткими нововведениями староверы восприняли, как приход Антихриста. Царь счел разумным раскольников «не гонять», а взять на учет и обложить двойным казенным налогом. Одних староверов это устроило, другие «потекли» от Антихриста в лесные дали. Петр учредил специальную Раскольничью контору для розыска людей, укрывавшихся от налога. Велика земля русская! Много нашлось на ней мест, куда царская рука не могла дотянуться. Глухими по тем временам были места в Заволжье, за Уралом, не говоря уже о Сибири. В этих местах и оседали раскольники, соблюдая старые обряды и обычаи. В самом начале образовались две ветви раскола: «поповцы» и «беспоповцы». Лишенное церквей течение «беспоповцы» скоро распалось на множество сект и толков, обусловленных социальной неоднородностью, образом жизни, а часто прихотью проповедников. Во многих толках царили невежество, изуверства и мракобесие, противные естеству человеческой жизни.

Один из таких толков, гонимый властями, постепенно добрался до дебрей Енисейской тайги. Старообрядцы этого толка отвергали не только петровские брадобритие, табак и вино. Все мирское не принималось – государственные законы, служба в армии, паспорта, общение с «миром». «Дружба с «миром», – говорили они, – есть вражда против Бога».

3

Бурное развитие Красноярского края и события начала двадцатого века вынудили староверов податься по Енисею на север в поисках глухих мест, где они будут недоступны глазу властей. Место подыскивали, заплывая вверх по многим притокам могучей реки. Всем понравился затаенный уголок в Туруханской тайге на притоке реки Дупчес. Могучие кедры под своими кронами могли скрыть их жилища. Вдоль ручья можно распахать землю под огород и посев ржи. В тайге обитали разные звери, в реке водилась разнообразная рыба. Решили, что лучшего места не найти.

Не успели лодки причалить к берегу, как собаки выскочили из лодок и унеслись в тайгу. Вскоре послышался их разноголосый лай то ли по белке, то ли по глухарю.

Перекрестясь, воздав Богу славу, начали выгружать на берег немудреный скарб: деревянные ведра, кадки, ушаты, лопаты, топоры, плотницкий инструмент. Посуда в основном была деревянная, но цивилизация давно коснулась быта староверов. Они не могли обойтись без металлических чайников, чугунов и других принадлежностей. Аккуратно, чтобы не повредить, снесли прялки и ткацкие станки. Мебель с собой не брали, решив, что руки есть – сделаем новую.

Осторожно снесли на берег несколько пчелиных ульев, со дна лодок выгрузили мешки с рожью, картошкой и другими продуктами.

Одежда на всех была немудреная и однообразная, сшитая из отбеленного холста, вытканного из конопляных нитей. Мужчины носили брюки и длинные рубахи на выпуск, воротники некоторых рубах были украшены вышивкой. На женщинах – длинные платья из этой же ткани. Обуты все в ичиги из лосиной шкуры.

Староверы – народ крепкий и трудолюбивый. Застучали в тайге топоры, пугая дикого зверя. За работами присматривал глава общины Харитон. Ростом он был высок, в плечах широк, в черной бороде наметилась проседь. Из-под густых бровей смотрели строгие суровые глаза. По характеру – человек волевой и с ранних лет лидер. Он считал для себя, что не можно работать вместе со всеми. У него хранились церковные книги семнадцатого века, передаваемые по наследству. Что касается старинных икон, то они были в каждой семье староверов. Пока мужики рубили избы, Харитон прошел вдоль ручья, присмотрел место, где можно соорудить плотину и поставить колесо с лопастями, к оси которого с помощью ременного привода подсоединяй хоть токарный станок, хоть жернова.

Вскоре на пригорке, прижавшись к кедровому бору, стояли рубленые избы. В центре стоял самый большой дом Харитона с моленной комнатой в особой горнице. В переднем углу висели иконы, на полочке под иконами лежали библия и старинные книги. Прихожане, видя эти книги, с трепетом и уважением смотрели на пастыря, которому, по их мнению, было ведомо, что написано в этих книгах. Сами они этих книг никогда не читали. Вечерами, после молитвы, Харитон читал вслух при горящей лучине библию собравшимся братьям по вере.

Лучину готовили впрок из березовых чурок длиной около половины метра. Прежде чем ее зажечь, лучина под определенным углом укреплялось над столом на светце. Огонь добывали первобытным способом с помощью кресала, кремня и трута, хотя при случаях не брезговали и спичками.

Весной зазеленела на целинной раскорчеванной земле рожь, хорошие всходы дали картошка, морковь, репа, брюква, свекла, горох, чеснок, лук и другие овощи. Особенно радовали дружные всходы конопли, из которой изготовляли холсты, вили веревки, нити для сетей и удочек. Предварительно стебли конопли сушили, затем вымачивали в ручье, потом снова сушили, мяли и трясли. Из кудели свивали нити, которые шли на любые изделия.

Тайга служила людям вторым огородом. Без ее даров трудно выжить в глухой изоляции. Весной лес угощал березовым соком. Его собирали в березовые туеса и наполняли им кадушки, готовили квас. Для длительного хранения ставили кадушки в естественный холодильник – в холодный ручей. Окрошка из первой зелени на березовом квасе была излюбленным весенним блюдом. Летом собирали грибы, чернику, бруснику, смородину. Заготавливали на всю зиму сушеные грибы и чернику, бруснику и клюкву заливали водой в туесах и кадушках. Осенью наступала страда по заготовке кедровых шишек. Их собирали все – от малого до старого. В урожайный год после ветреной погоды шишки устилали всю землю под кедрами. Их ссыпали в деревянные ящики, установленные тут же на березовых чурбаках, и закрывали тяжелыми крышками от незваных гостей: птиц и зверей. Шелушили их позже на деревянных терках, затем провеивали и хранили в

деревянной таре, оберегая от сырости и грызунов. Орехи старались заготовить впрок, поскольку хороший урожай кедровых шишек случался через четыре года.

Заготовить орехи спешили не только люди. Деловито спускались с деревьев на землю бурундуки, осторожно с оглядкой белки. Кедровки, набрав в клюв орешков, уносили их в свои кладовые. Для медведей наступал период жирования. На легкодоступном лакомстве они жирели и спокойно переносили в берлогах долгую северную зиму. . .

Несколько десятилетий прошло с тех пор, когда секта обосновалась в благодатном таежном углу. Многие пожилые люди отошли в мир иной. Харитон постарел, голова и борода побелели. Он был по-прежнему бодр и крепок духом. И вот нежданно, негаданно пришла беда.

4

Первым вестником надвигающейся беды был сильный ветер, который принес запахи дыма. Харитон позвал к себе проходящего мимо парня и сказал:

– Беги на холм, залезь на самую высокую кедру и посмотри, что творится в тайге.

У таежников было принято называть кедр женским именем «кедра».

Когда парень вернулся, Харитон спросил:

– Что видел?

– Ничего не видел, только за горизонтом молнии сверкают.

–Какие молнии? – удивился Харитон. – Сушь стоит, на небе ни единого облачка.

– Может быть, в тех местах дождь идет, – ответил парень.

– Какой тебе дождь? Это пожар, беги, народ покличь.

Когда вокруг Харитона собрались единоверцы, он твердым голосом произнес:

– В тайге пожар, ветер дует в нашу сторону, надо спасать самое необходимое добро. Если пламя дойдет до нас, избы вряд ли останутся целыми.

– Что делать, Харитон? – послышался испуганный голос женщины.

– Закапывайте все, что можно, в землю. В первую очередь не забудьте иконы и церковные книги.

Закипела работа. Мужики копали ямы, напоминающие могилы, а бабы и дети стаскивали небогатое имущество, туеса и кадушки с зерном, орехами и другой снедью.

Молодая баба, посмотрев в яму, сказала:

– Хороним добро, случись с нами что, никто и не сыщет.

– Типун тебе на язык, – зашумели на нее сразу несколько человек.

Предположение Харитона оправдалось. Скоро над тайгой показались языки верхового пожара, небо заволокло дымом. Из леса выскакивали разные звери, не обращая внимания на людей, проносились мимо, перепрыгивали или переплывали ручей и исчезали в лесу на противоположном берегу. Пробегающий мимо медведь издал рык и ускорил бег. Исполин тайги – лось скакал, как угорелый, запрокинув на спину голову с тяжелыми рогами. Многие белки и соболюшки скакали с зажатым в зубах детенышем. Охотничьи собаки, не понимая общего горя, гонялись за зверьками и терзали их. Люди поддались панике зверей. Кто-то молил

Бога о спасении, кто-то причитал, а некоторые бабы завыли. Все взоры были направлены на Харитона.

– Хватит нюни распускать, – произнес он властным голосом, – всем к обрыву у ручья, будем рыть схроны.

Вновь закипела работа, в отвесном обрыве рыли пещеры, похожие на норы. Слава Богу, грунт был мягкий, песчаный.

В воздухе уже стояла жара, в тайге слышался треск горящих деревьев и завывание приближающегося пламени, на головы людей сыпалась зола, горящие ветки кедров перелетали через ручей и поджигали лес на его противоположном берегу. Крикнув к себе своих собак, люди, как кроты, забирались в вырытые норы. Они крестились, молились и мысленно отдавались на волю Бога.

Ветер довольно быстро угнал пал на противоположный берег ручья, а с ним и духоту в знойном воздухе. Люди вылезали из своих убежищ и не могли узнать окружающую местность. На месте их домов догорали кучи бревен от обвалившихся кровель и стен, лес был завален обгоревшими деревьями, вместо развесистых зеленых кедров на кромке бора стояли голые черные стволы.

Люди стояли, молча взирая на новый ландшафт, в котором оказались по воле стихии. Им нужно было время, чтобы свыкнуться с бедой и принять решение: как жить дальше. Они лишились посевов и второго огорода – тайги. Первым заговорил Потап – мужчина средних лет, крепкого телосложения, бывалый охотник.

– Давно надо было уходить в разведанные мною места по реке Вороговке.

Харитон воспринял это высказывание, как выпад против себя. Он давно заметил, что Потап пользуется авторитетом в общине и, при случае, не прочь занять его место. Ему давно хотелось избавиться от Потапа, но не мог найти подходящего случая. Сегодня не время сводить счеты, надо соблюсти свой авторитет, поэтому, не отвечая на высказывание единоверца, твердо заявил:

– Прежде всего, откопаем инструмент и скарб, будем строить лодки, а там, даст Бог, устроимся на новом месте.

5

Шли годы, тайга постепенно восстанавливалась. Только не было в ней кедров, все гари заполонили сосны. Они росли густо, как морковь на грядке, наперегонки тянулись к солнцу. Те, которые первыми вытягивались и создавали тень подлеску, выживали. Низкорослые засыхали и гибли.

Петр, племянник Михаила, шел по лесу, по милым с детства местам. Он внимательно всматривался в лес, радовался каждой маленькой птахе, встреченной на своем пути, примечал все, даже мельчайшие детали вокруг. Его взгляд привлекли низенькие сосенки со срезанными как бритвой вершинами. «Здесь прошли лоси», – без сомнения решил он и стал рассматривать почву под ногами, на которой увидел отпечатки крупных и мелких следов. Для охотника не составляет труда по следам определить, какой прошел зверь и даже узнать, большой он был или маленький. «Прошла крупная корова с лосенком, – подумал он, – скоро можно будет охотиться и недалеко от дома».

Петр родился после пожара. Дядя Михаил рассказывал ему, какие здесь росли кедрачи, сколько дичи водилось в тайге. С тех пор минуло много лет, большие изменения произошли в тайге. Вместо могучих кедров стояли сосны, едва достигшие пятиметровой высоты. Около озера вместо торфяных бугров зияли провалы, залитые водой. В его сердце появилось радостно-тревожное чувство, когда увидел на воде плавающих уток и лебедей. Он смотрел на них не как охотник-добытчик, а как расчетливый хозяин. Его радовало возвращение птиц на свою родину, он понимал, что их надо беречь и не пугать. Не подходя к берегу, продолжил свой намеченный путь.

Дядя Михаил передал ему свой промысловой участок, который расположен за сотню километров от Енисея. Пожар тот район не тронул, ему преградили путь многочисленные болота и озера. Петр каждый охотничий сезон проводит в избушке, построенной еще его дядей. Охотник – это разведчик тайги. В межсезонье он не может спокойно сидеть дома, его тянет в таежные дали, ему хочется узнать, что происходит в лесу, какие виды на урожай орехов и ягод, какой приплод дали пушные звери. Вот и сегодня такие мысли увели Петра в лес.

Тундровые болота пострадали от пожара меньше. Выгорели только торфяники по берегам, образовав новые озера. На болотной трясине красовалась спелая морошка. Ягода очень вкусная, поспевает много раньше брусники, но ее мало кто собирал, поскольку впрок она не хранится. «Если морошка уродилась, – думал Петр, – значит, должна дать урожай клюква – любимый корм боровой дичи. При пожаре много глухарей улетело через Енисей, должны же они когда-нибудь вернуться». В подтверждение его мыслей из-под его ног вылетела капылуха и полетела над болотом. Проводив ее взглядом, Петр повернул назад в сторону дома.

Петру было двадцать лет. Парень слыл лучшим рыбаком и охотником, в плечах широк, ростом под сажень. Стоит, бывало, среди мужиков – всех выше на полголовы; здоровый румянец играет на щеках, темно-русые волосы вьются. Первым красавцем был не только в Зотино, но и в Ворогово. Ни один праздник с песнями и танцами без него не обходился. Он всегда в центре внимания, многие девчата на него заглядывались. Особенно неравнодушно относилась к нему Татьяна. Девушка на год его моложе, крепко сложенная, сильная и здоровая, с темными, как смоль, волосами и карими глазами. Любое дело у нее в руках горело. В огороде, на сенокосе, в избе ли, одна за двоих могла управиться. Подругам она говорила:

– Девчата, ох и мил мне Петр, обязательно за него замуж выйду.

– Размечталась! – отвечала ей Ксения, лучшая ее подруга, – он что, тебе предложение делал?

– Пока не делал.

– А с какой стати он должен тебе предложение сделать?

– Он всегда на танцах со мной танцует.

– Со мной тоже танцует, – не унималась Ксения, – может, я за него замуж выйду.

– Я тебе выйду! – угрожающе произнесла Татьяна, – все твои волосы на голове мигом выдеру, смотреть не на кого будет.

Ксения прикусила язык и в полемику больше не вступала, зная характер, силу и крепкую руку подруги. Если она задумает, то и в самом деле волосы может выдрать.

Петр знал неравнодушное отношение к себе Татьяны, но жениться ни на ней, ни на какой другой девушке пока не собирался. Считал, что еще рано обзаводиться семьей.

Домой из леса он вернулся вечером в хорошем настроении. Мать Эмма Павловна, взглянув на сына, подумала, что он был где-нибудь на гулянке, и спросила:

– Когда ты нагуляешься? Пора бы уже жениться.

– Так, как сегодня я гулял, никогда не нагуляюсь, а жениться не на ком.

– Как это не на ком? – удивилась мать, – вон Татьяна по тебе сохнет.

– Тебе откуда это известно?

– Многие в поселке говорят, что она твоя невеста.

– Языки без костей, вот и мелят что попало, я повода не давал.

Про себя Петр подумал: «Неужели Татьяна специально распускает слухи, чтобы от него других девчат отвернуть».

Мать тем временем продолжала начатую тему:

– Зря ты так говоришь. Девка она видная, работящая, мне бы хорошей помощницей была.

– Будет тебе, мама, помощница, только в свое время.

– Когда это время настанет?

– Сам еще не знаю.

На этом разговор сына с матерью о невесте закончился. Петр больше был обеспокоен поиском места для зимнего промысла пушного зверя. Ему хотелось подыскать угодья поближе к дому. Он давно мечтал разведать тайгу по правому берегу Енисея. В рыбалке и охоте он с детства освоил все виды промысла, применяемые его предками в течение многих поколений.

Мать пошла в свою комнату писать ответ на письмо Марии, полученное из Новосибирской области. После пожара в Туруханской тайге Мария со своей семьей переехала на работу в зверосовхоз Черепановского района Новосибирской области. Прежде, чем начать писать ответ, она еще раз прочитала письмо. Свояченица пишет: «Скучаю по тайге, по ее запахам. Наш поселок окружают только поля да березовые колки. Нет в них привычных с детства ягод – черники и брусники, не говоря уже о клюкве. Сельчане, у кого есть автомашины, ездят в Сузунский бор за брусникой, но это далеко. Старший сын недавно ездил, к черту на кулички, в Маслянинский район. Там в верховье реки Бердь поймал несколько хариусов. Так я их заморозила в холодильнике и с таким наслаждением отведала строганины. Хорошей рыбы здесь нет. А местная рыба, сказывают, вся заражена каким-то описторхозом. Сын говорит: «Мама, зачем ты сырую рыбу ешь – можешь заразиться». А я думаю: «Бог не выдаст, свинья не съест». Придется ли когда еще осетринки попробовать, не знаю.

Валентин (двоюродный брат Петра) окончил техникум в городе Куйбышеве, сейчас служит в армии на границе с Польшей».

На этом месте письма Эмма остановилась и задумалась. Ее Петра в армию не взяли – у него была судимость. Дважды его рыбнадзор штрафовал за незаконный лов рыбы, но он ловить осетров не прекращал, заявляя, что все его предки для питания ловили осетров и он будет ловить. Он не мог согласиться с тем, что рыбаки государственного лова тралами черпают рыбу из Енисея. Осетрину отправляют в Москву, в другие крупные города, богатые люди ее могут заказать в любом ресторане. Ему же, местному жителю, работающему в леспромхозе на заготовке древесины для страны, предлагают питаться картошкой и рыбными консервами в томатном соусе, которыми завалены все полки в магазине. Попавшись рыбнадзору третий раз, его осудили условно на три года.

6

Одинокий обласок упрямо скользит против течения Енисея вдоль его левого берега. Здесь течение значительно слабее, чем по середине могучей реки. Руки Петра работали непрерывно, как автомат. Однолопастное весло крутилось каруселью около правого борта лодки. Раздетый по пояс, с хорошо развитой мускулатурой, его торс напоминал скульптуры греческих богов. Сильными мускулистыми руками он уверенно преодолевал быстрое течение. Заплыв на значительное расстояние против течения, Петр резко повернул обласок поперек реки. Течение подхватило легкую лодку и понесло вниз. Спорить с течением было бесполезно. Используя течение в своих целях, он греб веслом только с левого борта, удаляясь все дальше и дальше от берега.

Лодку снесло к устью реки Вороговки. Вытянув легкую долбленку на отмель, Петр подошел к устью реки, напился и обмыл потное тело. Перед его глазами происходило слияние двух рек. Это интересное зрелище заинтересовало его. В Енисее вода имела мутно-синий цвет, в него со скоростью вторгалась прозрачная, как стекло, вода Вороговки. Она оттесняла от берега на несколько метров енисейскую воду, текла параллельно, постепенно с ней перемешиваясь.

Берега Енисея и устья Вороговки, высокие и скалистые, казались неприступными. Петр подумал, что они, возможно, оберегают лесные просторы на крутом берегу от незваных гостей. Возникло сильное желание разведать тайгу по берегам еще незнакомой ему реки. Налюбовавшись суровыми красотами, Петр поплыл вверх по Вороговке. Река оказалась полноводнее, чем он предполагал. Она проложила свое русло между скалистыми берегами. На узких полосках берегов лежали гальки и крупные валуны, отшлифованные водой. Сквозь чистую прозрачную воду просвечивалось каменистое дно. В глубоких заводях у дна он видел тайменей, ленков и хариусов. «Богатая река, – подумал Петр, – не уступит нашему Дупчесу».

Оторвав взгляд от воды, он стал рассматривать высокие берега. Его взгляд привлек кедр, который уцепившись корнями в расщелине скал, парил над рекой. «Значит, есть в этих местах кедровый лес, – обрадовался Петр, – где кедрач – там всегда найдешь белку и соболя».

Вскоре его путь преградил шумный перекат-водопад, скатывающийся с пятиметровой высоты в глубокий плес. Через четырехметровую толщу воды виднелись огромные таймени. Они стояли в раздумье: подниматься вверх или ждать добычу, скатывающуюся по перекату. Осмотревшись, Петр понял, что без веревки ему обласок по перекату не поднять. Оттащил его на отмель подальше от воды и начал осторожно подниматься по каменистой отмели вдоль переката. В верхнем бьефе переката берега ущелья стали ниже, и он поднялся на высокий берег, переходящий в холм, посмотрел на солнце, которое подбиралось к полудню, определил направление на север относительно реки и начал спускаться в долину, раскинувшуюся между холмами. Он всегда ориентировался по солнцу, направляясь по незнакомой местности. Его окружали ели и сосны, в лесу стоял полумрак, через развесистые кроны сосен солнце не всегда пробивалось к земле, чувствовалась прохлада.

Петр шел не спеша по распадку, внимательно осматривая местность, пытаясь найти следы зверей и птиц. К его удивлению, с деревьев ни разу не сорвался глухарь, не зацокала на него белка. Постепенно распадок сузился, деревья стали реже и ниже, на него подул холодный ветер. «Надо выбираться из этой трубы», – подумал Петр и стал подниматься на холм. С каждым шагом растительность становилась беднее, на вершине холма росли кедры-карлики, высотой чуть выше его роста. Их ветки были увешены дозревающими шишками. Он остановился и подумал: «Странный здесь лес, но не возвращаться же восвояси, «не солоно хлебавши».

Впереди перед ним до самого горизонта расстилалась таежная ширь. «С Богом, вперед», – сказал сам себе вслух и продолжил путь. Спустившись в долину, попал в кедрово-сосновый лес с мягкой моховой подстилкой, на которой очагами пылала спелая брусника. Здесь лес ожил. Пролетали спугнутые им кедровки, стучал по стволу дерева лесной неутомимый труженик дятел. Под ногами встречались пустые кедровые шишки, брошенные любителями полакомиться молодыми недозревшими орешками. Петр все видел, все примечал.

Неожиданно впереди в просвете между стволами деревьев кто-то промелькнул. «Неужели, лось?», – подумал он. В нем вспыхнула охотничья страсть, захотелось увидеть зверя ближе. Потихоньку, прячась за стволами деревьев, подошел к полянке, на которой увидел девушку, собирающую бруснику. Он остановился за толстым стволом сосны и разглядывал ее стройную гибкую фигуру. На ней был ситцевый сарафан и льняная куртка, надетая, скорее всего, от гнуса в теплую погоду. Из-под косынки на голове выбивалась прядь светлых волос, похожих по цвету на отбеленный лен. Она ходила по полянке, наклоняла гибкий стан и уверенным движением правой руки срывала бруснику, пропуская кисточки ягод между пальцев. Затем изящным движением бросала их в туесок, который держала в левой руке.

Петр стоял неподвижно, боясь спугнуть прекрасное видение. Она, видимо, почувствовала его пристальный взгляд, выпрямилась и повернулась в его сторону. Их взгляды встретились. На него смотрели удивленные и испуганные голубые глаза, в которых, показалось Петру, можно утонуть. Красивое белое лицо украшали чуть вздернутый небольшой носик и слегка припухшие губы.

– Ты кто, красавица? – первым заговорил Петр, – из какой сказки сюда явилась?

– Кто ты и как сюда попал? – не отвечая на его вопрос, проговорила душевным мягким голосом девушка.

– Меня звать Петром.

– Это плохое имя. Царь Петр был Антихристом.

– Я не царь, я простой рыбак и охотник. Скажи свое имя?

– Не можно мне с тобой разговаривать, я и так согрешила, – произнесла она и собралась уходить.

– Постой еще минутку, – умоляющим голосом проговорил Петр.

– Не можно!

– Приходи в следующее воскресенье на это место, я тебя буду ждать, - проговорил Петр вслед удаляющейся красавице.

Это была Наташа – единственная дочь Потапа. Его жена Пелагея скончалась при вторых родах с мертворожденным ребенком. В таежной глуши у староверов врачей не было, повитуха справиться с родами не смогла. Похоронив любимую жену, Потап всю свою любовь отдавал дочери, баловал ее, как только мог. Одним из первых при сдаче пушнины взял для нее ситца, рассудив, что хватит девке в дерюге ходить. Следом за ним такие подарки для жен и дочерей стали делать другие члены общины. Этим он навлек на себя гнев пастыря Харитона.

Наташа, возвращаясь в скит раскольников с неполным туеском брусники, думала: рассказывать отцу о встрече в лесу или не рассказывать. В конце концов, решила, что встреча была случайной, больше его она никогда не увидит, зачем об этом речь вести. Она весь остаток дня загружала себя домашними делами, стараясь отгонять мысли о случайной встрече.

Всю неделю Петр не выходил у нее из головы. Она старалась не думать о нем, но память постоянно возвращала ее к его образу. Наташа то вспоминала, какое красивое у него лицо, то его высокий рост и одежду, слышала его необычную речь. Вечером, засыпая, решила, что на встречу не пойдет. Утром ее решительность постепенно ослабевала. Когда подошел день назначенной встречи, какая-то неведомая сила заставила ее схватить туесок и почти бегом помчаться в лес.

Переплывая Енисей, Петр почувствовал, что нечаянная встреча придала ему прилив физических сил – его обласок с удвоенной скоростью скользил по поверхности воды. Сильно запала в его сердце с первого взгляда неизвестная белокурая красавица. Ему милы были ее стать, манера говорить, голос и, конечно же, голубые глаза, которые он постоянно вспоминал. Он догадывался, что она из секты староверов. Это могло осложнить его общение с ней. Всю неделю он думал о предстоящей встрече и опасался, что она может не придти. В условленное место прибыл раньше назначенного времени.

Когда увидел приближающуюся девушку, неожиданно для нее вышел из-за ствола дерева ей навстречу. От испуга она громко ойкнула и остановилась. Ее сердце учащенно стучало то ли от быстрой ходьбы, то ли от радости встречи.

– Здравствуй, красавица, – как можно ласковее произнес Петр, – я уже думал ты не придешь.

– Дай Бог и вам здоровья, – мягким голосом ответила она.

На ее щеках разгорался румянец, глаза потупились от смущения. Понимая ее состояние, Петр продолжал:

– Не бойся меня, я тебе ничего плохого не сделаю, мне любо с тобой разговаривать и смотреть на тебя.

От этих слов ее белые щеки до ушей залил яркий румянец, глаза потупились. Она взяла в руки косу, спускающуюся через плечо к поясу, и стала теребить ее конец. Такой скромной и застенчивой девушки Петр еще не встречал. Ему показалось, что она пришла в двадцатый век из древней Руси. Красота стоящей перед ним девушки и ее скромность окончательно покорили его, и он решил: во что бы то ни стало добиться ее расположения. Прерывая затянувшееся молчание, спросил:

– Скажи мне, пожалуйста, твое имя?

– Наташа, – ответила она.

– Очень красивое имя. Скажи, Наташенька, как ты здесь оказалась и где ты живешь?

– Недалече скит стоит, в нем я с тятей проживаю, а ты, мил человек, где живешь?

– Я живу по ту сторону Енисея, в поселке Ворогово, наверное, о таком не слышала?

– Почему не слышала? Ведаю! До пожара в том краю наш скит стоял, да сгорел до основания.

– Значит, мы с тобою земляки, по соседству жили.

– А ты, Петя, какой веры? – неожиданно спросила она.

Этот вопрос поставил Петра в тупик. Он в школе был комсомольцем. О вере знал только то, что она – опиум для народа. Правда, в то время он не знал, что такое опиум. Ему хотелось ответить так, чтобы не оттолкнуть от себя Наташу.

– У нас – полная свобода, кто во что хочет, в то и верит.

– Креститесь вы двумя перстами или тремя? – опять задала она странный для Петра вопрос.

– Каждый крестится, как его душе угодно, – уклончиво ответил он.

– Странно, – задумчиво произнесла Наташа, – а наш пастырь сказывал, что в миру живут одни безбожники.

Петр постарался перевести разговор на другую тему, чтобы окончательно не запутаться и не завраться.

– Наташа, ты упомянула об отце, но ничего не сказала о своей маме. Она живет с вами?

– Моей мамы нет в живых, она похоронена около сгоревшего скита. Не ведаю, когда смогу побывать на ее могилке.

– Это дело поправимое, скажи, когда будет желание, я перевезу тебя на тот берег, и вместе сходим на могилу твоей матушки.

Наташу смутило это предложение, и она засобиралась возвращаться в скит, заявив, что уже поздно и ее могут потерять.

– Когда мы еще увидимся? – спросил Петр.

– Приходи в следующее воскресенье в это же время.

Три непродолжительные встречи молодых людей прошли благополучно, а при четвертой встрече их заметила сектантка Марфа, которая невдалеке собирала бруснику. Она опрометью бросилась к отцу Наташи сообщить о страшном грехе, содеянном его дочерью. В секте категорически запрещались встречи с мирскими людьми, тем более тайные. Исключение делалось только мужчинам при сдаче пушнины и даров тайги. К сожалению, Потапа дома не оказалось, он ушел на рыбалку. Тогда Марфа поспешила к пастырю Харитону.

Сбивчиво, заикаясь от волнения, она рассказала, что видела в лесу Наталью с чужим парнем.

Это происшествие взбесило Харитона. Подняв вверх руки, а затем, шлепнув ими по коленям, он выпустил из себя длинную тираду:

– Надо же, что удумала – встречаться тайком. Да с кем? С безбожником! Это во всем Потап виноват, распустил девчонку! Доберусь же я до него! Не возрадуется!

На его громкое возмущение сбежалось из соседних домов несколько женщин.

В это время на тропе из леса показалась Наташа.

– Тащите ее сюда, – приказал Харитон, – суд чинить будем.

Две женщины поспешили навстречу Наташе и привели ее к собравшейся толпе.

– Ты где была? – строго спросил Харитон, – зачем так вырядилась?

Наташа догадалась, что о встрече с Петром стало известно, и не ответила на вопрос.

– С кем встречалась? – задал новый вопрос пастырь.

Наташа потупила глаза и продолжала молчать.

– Стыдно стало! Прячешь бесстыжие очи, говори, кто он? – допытывался Харитон.

– Это все воспитание Потапа, избаловал девку, – продолжал Харитон.

– Может, этот парень властями подослан, – заявила одна из женщин.

Это предположение и молчание Наташи взорвало присутствующих. Все заговорили разом:

– Совесть потеряла!

– Креста на ней нет!

– Вероотступница!

– Выпороть ее розгами!

Харитон ждал этого момента, он рад был унизить Потапа и досадить ему.

– Не надо пороть розгами – свои руки осквернять. Посадим ее голым задом на муравейник. Посидит с часок одумается, уважать старших станет, начнет разговаривать.

Фанатам только мысль подать – они в миг готовы исполнить. К тому же в однообразной жизни хоть какое-то развлечение. Подхватили Наташу под руки и повели к лесу, где огромный муравейник кишел муравьями.

Потап вернулся с рыбалки к вечеру. Застал дочь рыдающей на кровати. Вся кожа спины и зада покраснела и вспухла.

– Кто это тебя? – спросил отец.

– Харитон, – сквозь рыдания ответила Наташа.

– Каким образом так тебя изуродовал?

– Велел посадить на муравьиную кучу.

В Потапе вспыхнула ярость, давно таившаяся в глубине его души. Не расспрашивая дочь о деталях истязания, схватил берданку и выскочил из дома, его трясло от злости на пастыря. Харитона застал около его дома. С криком: «Застрелю», на бегу разрядил берданку. Он редко промахивался в зверя, но вот в человека промахнулся. Перезарядить берданку было нечем. На выстрел, как на сигнал тревоги, из домов высыпало все немногочисленное население скита.

– Хватайте Потапа, – во все горло закричал Харитон, – он помешался, хотел убить человека.

Тем временем Потап отбросил берданку и ринулся на Харитона со словами: «Задушу, убью».

Завязалась драка. Подоспевшие мужики оттащили Потапа, он яростно сопротивлялся. Его рубаха разлетелась по швам, и он остался раздетым по пояс.

– Несите веревки, его надо связать от греха подальше, – скомандовал пастырь.

Пеньковые веревки нашлись быстро, Потапу связали руки и привязали к туловищу. Только теперь Харитон осмелился вплотную подойти к недругу. В его глазах светилась радость победы над противником. Видя этот блеск, Потап понял, что пощады ему не будет. Толпа притихла в ожидании решения, которое примет их пастырь.

Харитон сделал многозначительную паузу, затем предал Потапа анафеме – проклял и отлучил от веры.

– Что теперь с ним делать? Развязать? – спросил мужик с рыжей бородой.

– Ни в коем разе, ведите к озеру.

На берегу озера тот же мужик обратился к пастырю:

– Не бери грех на душу, не топи грешника, он, может, раскается.

– Вот это верно – ему надо раскаяться, привяжите его к дереву и ступайте с Богом по домам. Я подожду его раскаяния.

Пока Потапа привязывали к дереву, его тело облепили комары и мошки.

Оставшись один на один с Потапом, пастырь подошел к нему и произнес буднично без злости и обиды:

– Вот видишь, к чему приводят непослушания. Два медведя в одной берлоге жить не могут.

Потап молчал. Он был не из тех людей, чтобы унижаться и просить пощады. Его мысли были о дочери, – какую судьбу ей уготовил Харитон?

Выждав достаточно времени, убедившись, что никто из членов секты не вернулся к озеру, Харитон медленно побрел домой, оставив жертву на милость гнусу.

На следующий день обескровленное гнусом тело, с опущенной на грудь головой, безжизненно висело, привязанное к дереву.

Похоронили Потапа вблизи озера. Отлученного человека от церкви нельзя хоронить на кладбище и ставить на его могиле крест.

Смерть отца причинила Наташе душевную боль, не сравнимую с укусами муравьев. Превозмогая физическую боль, отправилась она к озеру. Нашла могильный холмик, покрытый мхом, и свалилась на него, горько причитая.

Вечером к ней пришли женщины и попытались увести домой. Она продолжала лежать на животе, обняв руками холмик. На все их уговоры не проронила ни слова.

– Оставьте ее в покое, – произнесла одна из женщин, – выплачется – будет легче.

Многое передумала в тот день Наташа. Все свои девятнадцать лет она жила ни о чем не задумываясь, полагаясь на отца и Бога. Ее устраивал мир секты, она считала его единственно правильным. Теперь эта вера рухнула, она не могла оставаться с людьми, которые погубили ее отца и так жестоко обошлись с ней. «Где выход?» - думала она. Первоначально хотела броситься в озеро и утопиться, но вспомнила Петра. В воскресенье он будет ждать ее в условленном месте. Его могут схватить и поступить с ним, как с ее отцом. Страх за него, а не за себя охватил ее. Она всю ночь провела на могиле отца, обдумывая свое положение и советуясь с отцом, представляя, что бы он мог ей ответить. Домой вернулась только утром.

В ските привыкли к тому, что она каждый день ходит на могилу отца. Дождавшись воскресенья, чуть свет, дабы не вызвать подозрений, поспешила к могиле отца. Отойдя на приличное расстояние, свернула к реке, чтобы упредить высадку Петра на берег.

Наташа знала, что Петр оставляет лодку около переката, значит, надо его встретить ниже по течению. Она хорошо ориентировалась в окружающей местности и направилась по ручью, впадающему в Вороговку. Первые лучи солнца пробивались через кроны деревьев, играя солнечными зайчиками на мокрой от росы траве. Лесные птицы опробовали свои голоса, чтобы начать концерт в честь наступающего дня. Беглянка не замечала красот природы, ее мысли витали вокруг предстоящей встречи. «Только бы раньше его добраться до переката, - думала она, - и спуститься вниз по реке».

Притаившись между камней у обрывистого берега реки, Наташа ожидала появления вдали лодки. Обласок Петра все же появился для нее неожиданно. Он скользил по воде, как однокрылая птица, пытающаяся взлететь с воды. Петр энергично работал веслом с одного борта лодки. Мокрое весло при частых взмахах в лучах солнца сливалось в одно серебряное крыло.

«Что ему сказать? – думала Наташа, – как начать разговор?»

Лодка приближалась к ее укрытию, она вышла на галечную отмель и подняла вверх руку, как делают городские жители, останавливая такси. Ее подавленное настроение не позволило ей весело помахать рукой.

Петр удивился, увидев Наташу в этом месте. Он поднял над головой весло двумя руками и потряс им в знак приветствия и радости встречи. Причалив к берегу, сильным рывком выдернул обласок на отмель и подошел к Наташе.

– Почему ты в этом месте? Что-нибудь случилось? – спросил он, глядя ей в лицо.

За неделю после последней встречи она сильно изменилась. На бледном лице не было румянца, глаза потухли.

– Что случилось? – вновь повторил он.

– Надо бежать, – тихим голосом произнесла Наташа.

– Кому бежать? Зачем бежать? – удивился Петр.

– Тебе надо бежать. Тебя могут поймать и поступить с тобой так, как поступили с моим отцом.

– Расскажи толком, что произошло?

Наташа сбивчиво кратко рассказала о трагедии, приключившейся в ските. В конце добавила:

– Теперь ты знаешь все, скорее уплывай.

– Как же ты останешься с этими варварами?

– Что суждено Богом, того не миновать, – грустно ответила Наташа.

– Поедем со мной, – предложил ей Петр.

– Что мне делать в миру?

– Будешь моей женой.

Он подошел к ней и положил свою руку на ее плечо.

– Ты согласна? – тихим голосом спросил Петр.

Она посмотрела на него влажными от слез глазами и уткнулась лицом в его плечо. Петр почувствовал, что она плачет, слегка вздрагивая. Он положил свою руку на ее талию и слегка прижал к себе. По ее телу прокатилась дрожь, которая передалась ему.

Петр почувствовал ответственность за эту тихую и нежную девушку. Выждав некоторое время, легонько отстранил от себя и, глядя в ее глаза, голосом, не допускающим возражения, произнес:

– Садись в обласок, поплывем к новой жизни.

Она безропотно подошла к воде, помогла ему столкнуть облас на воду и уселась на поперечную доску между бортами в носу долбленки. Так был заключен союз двух сердец людей, полюбивших друг друга с первого взгляда.

Быстрое течение Вороговки подхватило легкое суденышко и понесло его к могучему Енисею. Петру не было необходимости грести, он опустил весло в воду и рулил им, чтобы не налететь на камни, торчавшие иногда из воды. Все его внимание сосредоточилось на Наташе. Перед ним сидела его будущая жена, которую он еще ни разу не поцеловал. «Обрадуется ли его мать при встрече с невесткой? – думал он, – она давно хотела, чтобы он женился». Петр обратил внимание, что Наташа постоянно наклоняется на один борт. «Наверное, ей больно сидеть на доске после укусов муравьев», – решил он и причалил к берегу.

– Наташа, приподнимись, я подстелю на сиденье свою куртку.

Сложив брезентовую куртку вчетверо, положил на сиденье. Немного подумав, снял с себя байковую рубашку, свернул ее в несколько раз и положил на куртку.

Лодка вновь понеслась по течению. Наташа с благодарностью посмотрела на Петра, а он подумал, какие зверства творятся в ските, и вслух произнес:

– Нам необходимо сообщить в милицию о случившемся в ските.

– Ни в коем случае, – взмолилась Наташа, – там есть и хорошие люди, а власти разгонят скит.

– Нельзя же такие зверства оставлять безнаказанно.

– Знать, на все Господня воля.

– Ваш поп изверг какой-то.

– У нас нет попов, мы беспоповцы.

– Тем более, его надо привлечь к ответственности.

– Прошу тебя, Христа ради, не делай этого, пусть все останется на их совести. Бог воздаст каждому по заслугам.

Наташа смотрела на Петра умоляющими глазами. Он увидел в них одновременно боль, страх и решимость к действию. Ему стало жаль ее, и Петр произнес примирительно:

– Хорошо, пусть это будет нашей тайной.

У Наташи повеселели глаза, она почувствовала, что тяжелый груз свалился с ее плеч. Чтобы сменить тему разговора, спросила:

– Далече ли мы плывем?

– На левый берег Енисея в Зотино, к моей маме.

– Как звать твою матушку?

– Эмма Павловна.

– Какое странное имя, у нас в ските таких имен не дают, произнесла Наташа, разглядывая Петра. Ей нравилось в нем все: красивое лицо, русые волосы, мускулистая фигура. В знак благодарности за заботу ей захотелось сказать ему что-то приятное.

– Петя, ты, наверное, очень хороший человек.

– Почему ты так считаешь?

– Мне подсказывает мое сердце, я буду тебе верной женой.

– Спасибо, я буду тебе платить тем же.

Они замолчали, понимая друг друга. Так, порой, поступок в жизни людей играет бóльшую роль, чем десятки лестно сказанных слов.

Енисей их встретил неласково. Северный ветер катил по его поверхности против течения длинные волны. В устье Вороговки ее течение, сталкиваясь с набегающими волнами, образовывало толчею, похожую на кипящий котел.

– Держись за борта руками и не наклоняйся в стороны, – сказал Петр, – обласок никогда не перевернется, если мы сами не опрокинем его.

Он сильными гребками преодолел толчею и вывел обласок между двумя бегущими волнами. Круговым движением весла развернул его нос против набегающей волны. Обласок поднялся на волну и плавно скатился с нее.

В глазах Наташи появился испуг, ей никогда не приходилось плавать по Енисею в такую погоду. Чтобы успокоить и ободрить ее, Петр сказал:

– Теперь нам придется покачаться на волнах, как в детской колыбели. Течение попутное, так что доберемся до того берега благополучно.

Его уверенные слова успокоили Наташу, и она сказала:

– Мне с тобой не страшно даже погибнуть.

– Зачем погибать, нам предстоит счастливая жизнь.

Наташа больше не отвлекала Петра разговорами, она видела, как он сосредоточенно наблюдал за приближающейся волной, поворачивал на нее облас, а скатившись вниз, усиленно греб к противоположному берегу.

Под левым берегом Енисея ветер не чувствовался, волны утихли, Петр, расслабившись, перестал грести, пустив облас на волю течения.

– Вон за тем изгибом реки откроется Зотино, - произнес Петр, кивнув головой в сторону берега.

– Я боюсь повернуться, – сказала Наташа, – хорошо бы мне пересесть лицом вперед.

– Это не сложно сделать, я сейчас пристану к берегу, и ты пересядешь.

Он повернул лодку в сторону песчаной косы, она с разгона выскочила на отмель, заскрипев днищем по песку. Наташа выскочила на берег, потянулась, подняв руки над головой, разминая уставшее тело от длительного сидения в одной позе. «Какая она стройная и красивая», – подумал Петр. Ему захотелось выйти на берег и обнять ее, но он не стал торопить события.

Наташа нагнулась, уперлась руками в нос обласка и попыталась столкнуть его в воду, но он не двигался с места.

– Сейчас я тебе помогу, – произнес Петр.

Девушка выпрямилась, подумав, что он сойдет на берег, и они вместе столкнут долбленку. Вместо этого Петр начал раскачивать обласок с борта на борт, а ей крикнул:

– Теперь толкай.

Она навалилась на обласок, его нос легко сошел с песчаного берега, и он закачался на воде. Теперь, сидя спиной к Петру, она видела другую картину: перед ее взором открылась вся ширь Енисея, по которому вдали от берега бежали волны с белыми гребешками. За береговой песчаной косой зеленой полосой тянулся лиственный лес.

В это время Петр думал: «Мы вовремя пересекли реку, ветер усилился и гонит по Енисею высокие волны. Видимо, Бог был милостив к нам».

За поворотом реки открылся мыс, на котором чернели деревянные домики с постройками.

– Вот в этом поселке я живу, – сказал Петр, – когда-то это был большой поселок. После пожара население намного сократилось. Недавно в Ворогово восстановили работу леспромхоза. С появлением тяжелой техники появилась возможность заготавливать лес за болотами, где лес остался нетронутым пожаром.

– Пожар уничтожил скит, в котором я родилась. Там похоронена моя мама, - грустно произнесла Наташа

– Для тебя, Наташа, слова: леспромхоз и Ворогово, наверное, ничего не значат, - вновь обратился Петр к ней.

– Зря ты думаешь, что я темная лесная отшельница, – впервые возразила ему она, – от нашего скита есть прямая тропа через тайгу, которая выходит к берегу Енисея против Ворогово. По ней всего половина дня хода. Там спрятана лодка, на которой отец плавал в Ворогово для сдачи пушнины. Он много мне рассказывал про жизнь людей в этом поселке, привозил книжки, которые я тайком читала.

Шли семидесятые годы двадцатого века. Цивилизация разными путями проникала в скиты, затерянные в таежной глуби. Достаточно вспомнить семью староверов Лыковых, которых обнаружили геологи в горах Хакассии.

Петр приятно был удивлен ее речью, он причалил обласок к песчаной косе под высоким берегом, по которому поднималась вверх хорошо натоптанная тропа. На косе лежали дюралевые и деревянные лодки, перевернутые днищами вверх. Он подтащил свой облас к толстому стволу дерева-утопленника, полузамытому песком, от которого по косе тянулась толстая цепь, прибитая костылями, затем

вынул из носовой части долбленки цепочку и пристегнул ее небольшим замком к цепи. После этого посмотрел на Наташу счастливыми глазами, взял ее за руку и сказал:

– Пойдем знакомиться с моей матушкой и отцом.

Она безропотно пошла за ним, думая, как ее встретят незнакомые люди, как у нее сложатся с ними отношения. Свою мать она почти не помнила. Та скончалась, когда Наташа была еще маленькой.

Они поднялись по крутому косогору, прошли по улице и остановились около калитки в невысоком заборе, возле которого стояла лавочка. За забором росла черемуха, за ней виднелся дом с голубыми рамами.

Открывая калитку, Петр произнес:

– Вот мой дом, здесь я живу, проходи!

Поднявшись на высокое крыльцо, миновав сени, Наташа вслед за Петром вошла в горницу. Прежде всего, она увидела в переднем углу икону Божьей Матери с Младенцем на руках. Точно такая икона висела в доме ее отца. Она впилась глазами в икону, не замечая женщины в комнате. Перекрестилась двумя перстами, отвесила земной поклон и произнесла:

– Мир дому вашему.

Эмма с любопытством наблюдала за незнакомкой и думала, что это за представление. Главное представление для нее началось через минуту, когда сын, обратившись к ней, произнес:

– Мама, это моя жена Наташа.

Только теперь Наташа повернула голову к Эмме, и их глаза встретились. Обе молча смотрели друг на друга. Наташа первая отвела взор, поклонившись будущей свекрови. Эмма, придя в себя от неожиданного заявления сына, всплеснула руками и спросила:

– А как же Татьяна?

– Причем здесь Татьяна? Я ей никаких обещаний не давал, в любви не объяснялся.

– В поселке все говорят, что она твоя невеста.

- Мало ли что говорят, ты поменьше слушай. Я тебе об этом говорил?

- Нет, не говорил.

Эмма Павловна уже успела свыкнуться с мыслью, что у нее невесткой будет бедовая и трудолюбивая Татьяна. А тут, как снег на голову, сын привел свою жену.

– Когда ты успел жениться? Почему не предупредил меня? Где была свадьба? - посыпались вопросы на сына.

– Мама, не волнуйся, завтра мы пойдем в сельсовет и подадим заявление.

У Эммы немного отлегла обида на сына, ей понравилась спокойно стоящая красивая девушка, и она засуетилась.

Петр повернулся к Наташе, взял ее за руки повыше локтей и сказал:

– Не беспокойся, у меня никогда ничего не было с Татьяной и не будет. Я люблю только тебя.

Вкравшееся в сердце Наташи беспокойство от искренних слов Петра рассеялось, но какой-то осадок остался.

– Проходите в избу, не стойте у порога, я сейчас соберу на стол, – говорила Эмма скороговоркой.

– Где отец? – спросил Петр, – я хочу познакомить его с Наташей.

– Он пошел отогнать медведицу с гривы, на которой собираем бруснику. Сегодня утром женщины пошли за брусникой, а там медведица ходит с медвежонком. Они, конечно, испугались, прибежали с пустыми котомками и сразу к отцу:

– Помоги ради Бога, отгони или подстрели зверюгу. Пятнадцать километров в один конец протопали и без толку.

На столе появились тарелки с наваристыми щами, сваренными в чугунке, жареная рыба, черная икра, отварная картошка, моченая брусника, помидоры и огурцы.

Прежде чем приступить к еде, Наташа перекрестилась двумя перстами и очень тихо прошептала молитву.

Эмма догадалась, что Наташа придерживается старой веры, ей не терпелось узнать подробности о невесте, но она не задавала вопросов, считая, что сын сам расскажет. В их поселке, да и в соседних селениях, такой девушки она не встречала.

Петр, съев тарелку щей, попросил мать налить ему добавки. За дальнюю дорогу он сильно проголодался. Насытившись, начал говорить:

– Мама, Наташа сбежала из скита, у нее там не осталось никого из родственников. Сходи, пожалуйста, в магазин, купи ей одежду и обувь, а я истоплю баньку.

Эмма, взглянув на холщевую одежду девушки, произнесла:

– Выбор у нас небогатый.

– Купи, что подойдет, а позже мы сгоняем на лодке с мотором в Туруханск, там, в магазине, выбор больше.

– Какой ты размер обуви носишь? – обратилась Эмма к Наташе.

– Не знаю.

– Примерь мои туфли, стоящие у порога, – потребовала Эмма.

Наташа встала из-за стола, подошла к двери и одела туфли. Затем подойдя к столу, вытянула вперед одну ногу, как бы любуясь обувкой, и произнесла:

– Немного великоваты.

Она хоть и проходила всю жизнь в самодельных ичигах, но была не лишена женского чутья к лучшей обуви.

– Значит, тебе подойдет тридцать шестой размер, – сделала вывод Эмма.

Из магазина Эмма принесла все, что требует женский гардероб на первое время. Конечно, она там не смогла найти подвенечного платья, среди скудного выбора женской одежды нашлась черная шерстяная юбка и голубая мохеровая кофточка. Черные туфли на невысоком каблуке имели форму лодочки.

Вручая сверток будущей невестке, сказала:

– Посмотри обновки, понравятся ли они тебе?

Наташа развернула узел, завернутый в серую толстую бумагу, достала кофточку и залюбовалась ею. Затем счастливыми глазами посмотрела на Эмму и заговорила:

– Большое вам спасибо, – и осеклась на полуслове, не зная как ее назвать.

После минутного замешательства, спросила:
– Скажите, пожалуйста, как мне вас называть?
– Называй, как тебе больше нравится.
Наташа вспомнила, что Петр на берегу Енисея назвал свою мать матушкой. Ей тогда очень понравилось это ласковое слово, оно ей показалось, что относится не только к матери Петра, но и к ее маме. Долго не думая, спросила:
– Можно, я буду называть вас матушкой?
– Конечно можно, если тебе так угодно.
Про себя Эмма подумала: «Она и в самом деле сама простота, скорей всего мы с ней поладим».
Тем временем Наташа приложила к себе кофточку и подошла к зеркалу. Голубой цвет, как нельзя лучше, шел к ее голубым глазам и светлым волосам.
Молчавший до этого Петр предложил:
– Примерь, Наташа, кофточку и юбку.
– Сначала я схожу в баню и там переоденусь, – ответила она ему.
Эмма поддержала ее, понимая, что после бани переодеться резоннее. Ей все больше и больше нравилась Наташа. Ей даже показалась, что она давно знает ее. «Была бы она люба Петру, – думала будущая свекровь, – а я уж с ней полажу».
Из бани женщины вернулись вместе. Там они успели поговорить о многом и вели себя, как добрые старые знакомые.
Петр обомлел и даже приоткрыл рот, увидев свою возлюбленную в новом наряде. Перед ним стояла совсем другая девушка – стройная и высокая. Черная юбка, туго застегнутая в талии, подчеркивала стройность ее девичьей фигуры. Голубая кофточка, как нельзя лучше подходила к ее большим голубым глазам. Он постепенно опустил взор к ее ногам и обратил внимание, что ей было неловко впервые в жизни стоять в туфлях на каблуках. В его голове промелькнула мысль: «Недолго придется ей ходить в туфлях, скоро начнется распутица и придется надевать резиновые сапоги». Не в силах сдержать свои чувства, Петр подошел к Наташе и произнес:
– Дай я тебя обниму и поцелую.
Она промолчала и опустила взор. Почувствовав себя в его крепком объятии и прижатой к груди, Наташа затрепетала, как птенец, выпавший из гнезда и попавший в руки человека. Ее дрожь передалась Петру, и он все сильнее и сильнее прижимал ее к себе.
Эмма, видя состояние молодых людей, сказала:
– Петя, отпусти ее, а то задушишь, и вместо свадьбы будут похороны.
Петр с неохотой выпустил Наташу из своих рук, затем взял за плечи и поцеловал в щеку. Ему хотелось еще раз прижать ее к себе и поцеловать в губы, но присутствие матери остановило его.
В это время в комнату ввалился отец. Его трясло, он не мог говорить, смотрел испуганными глазами.
Петр подошел к буфету, достал бутылку водки, налил граненый стакан до краев и протянул отцу. Тот принял стакан дрожащими руками и залпом выпил. Только через несколько минут он, заикаясь, произнес: «Я стрелял в медведицу».

В этот вечер от него больше ничего не удалось узнать. Он выпил еще водки и завалился спать на диване.

Наташа на происходящее смотрела с удивлением. В ските категорически запрещалось пить водку и курить табак. «Неужели Петя тоже так пьет водку?», – с ужасом подумала она.

– Уже поздно, – продолжала говорить Эмма, – пора ложиться спать. Наташа сегодня будет спать в моей горенке, а после свадьбы перейдет в твою комнату.

Петру и Наташе плохо спалось в ту ночь. Они думали друг о друге и о предстоящей совместной жизни.

Наташа вспоминала по минутам события прошедшего дня. Петра она полюбила с первого знакомства, была готова следовать за ним повсюду, выполнять любые его желания. Она до забвения благодарила его в душе за то, что он забрал ее из скита и ей предстоит теперь новая жизнь. Рассудительная свекровь ей понравилась, и она решила, что будет к ней относиться, как относилась бы к своей родной матери. Своим женским чутьем она понимала, что отношение Петра к ней будет во многом зависеть от ее взаимоотношений со свекровью. В ските она видела недоброжелательные отношения свекрови с невесткой, доходящие до скандалов. «Не дай Бог таких отношений», – подумала она. Ей понравилось, как отнеслась к ней Эмма, и решила, что всегда будет ей благодарна. Относительно будущего свекра у нее пока мнение не сложилось. Ей не понравилось, что он много выпил водки.

Петр томился ожиданиями будущей супружеской жизни, всю ночь ворочался с боку на бок. Поднялся очень рано, вышел на крыльцо, когда день только начал разгораться. Солнце уже успело выкатиться из-за горизонта на правом берегу Енисея, ветер утих. Над рекой белой дымкой стоял туман, обещая хороший день. Подышав утренней прохладой, вернулся в свою комнату.

Утром отец рассказал о приключении, случившемся с ним накануне. Он осторожно пересек болото, разделяющее молодой сосновый лес от гривы, скрываясь за старыми соснами, медленно продвигался по гриве, покрытой брусничником со спелыми крупными ягодами. Неожиданно он увидел медведицу, но она раньше почуяла его и двинулась навстречу. Пришлось прицелиться и выстрелить. Она свалилась на бок. Сделав несколько шагов к зверю, увидел в стороне медвежонка. Несколько минут посомневаясь в судьбе медвежонка, решил, что без матери он не сможет на зиму залечь в берлогу и погибнет. Добыв медвежонка, подошел к нему, вынул из ножен нож и начал свежевать. Дело привычное, за свою жизнь он освежевал ни один десяток медведей.

Вдруг ему в голову пришла страшная мысль – медвежонок был сорок первым добытым им медведем. Среди охотников существует поверье, что самым страшным медведем бывает сорок второй, с ним лучше не встречаться. Чаще всего от него гибнут охотники. Если благополучно добыл сорок второго – можешь продолжать охотиться на медведей дальше.

Он сидел на корточках и снимал шкуру с медвежонка. Какое-то предчувствие или инстинкт самосохранения заставили его обернуться. В пяти метрах от него стоял на задних лапах огромный медведь, подняв вверх передние лапы с длинными когтями, приготовившийся к прыжку. «Сорок второй, - как током

пронзила его мысль, – или я ранил медведицу, и она, оправившись от ранения, пришла отомстить за медвежонка». Он схватил рядом лежащее ружье и, не прицелившись, выстрелил. Медведь сделал прыжок в его сторону. «Сейчас меня придавит к земле и задерет», – мелькнула у него мысль. Пружинистым движением ног прыгнул в сторону и упал на землю. Затем соскочил с земли и от навалившегося страха бросился бежать. Так он оказался дома . . .

На следующий день группа охотников на КрАЗе поехала к месту встречи с медведями отца Петра. Вернувшись, они привезли три туши медведей и вот, что рассказали: «Медведицу на гриве нашли стреляной в сердце, медвежонок лежал на перешейке, а недалеко от него – крупный медведь. Пуля прошла ему через нижнюю челюсть в голову. Тут же валялось ружье». По их предположению медведица запоздала с гоном, или медведь охотился на медвежонка, чтобы набрать жира перед спячкой в берлоге.

Жители поселка немало удивились, видя идущих по улице нарядно одетых Эмму и Петра с красивой незнакомкой. Они не могли понять, как эта девушка оказалась в их поселке. Пароход в ближайшие дни к ним не заходил, автомашины из соседних поселков не приходили. Для небольшого поселка, где все знают друг друга, эта новость вызвала разговоры и внесла оживление в их однообразную жизнь.

Эмма и Петр здоровались со встречными односельчанами, Наташа следовала их примеру и делала поклоны проходящим мимо людям, они оборачивались и смотрели вслед удаляющейся странной девушке с длинной светлой косой. В то время женщины подстригали волосы, чтобы за ними удобнее было ухаживать и они не мешали в работе.

В поселковом совете у них возникли проблемы. Секретарь совета, молодая, рыжая с веснушками девушка, попросила паспорта. У Наташи отродясь паспорта не было.

– Не могу я вас зарегистрировать, – сказала, делая серьезный вид, секретарь, – мне некуда ставить штамп о регистрации.

– Верочка, ты такая умная девочка, – стал льстить секретарю Петр, – ты обязательно найдешь выход. Поставь два штампа в мой паспорт.

– Два не положено, – улыбнулась Вера, довольная оценкой ее способностей, – кроме того, заявление положено подавать за месяц.

– Так я его за месяц и подал.

– Вы что, шутки шутить пришли ко мне? – сделалась серьезной Вера.

– Ни в коем случае, посмотри, Верочка, на дату в нашем заявлении, - произнес Петр, – оно написано ровно месяц назад.

Вера покрутила в руках заявление, посмотрела на дату и, вздохнув, произнесла:

– Просто не знаю, как мне быть?

– Наташа берет мою фамилию, – продолжал Петр, – тебе напишет заявление, что утопила паспорт, а ты, как обычно в таких случаях, сделаешь запрос в Туруханск для выдачи нового паспорта.

– Просто не знаю, что мне с вами делать? – начала сдаваться Вера.

– Не лишай счастья влюбленных, – Петр стал давить на девичьи чувства Веры, - приходи вечером на свадьбу, будешь почетным гостем.

После регистрации брака весть со скоростью быстрокрылой птицы облетела поселок.

Ксения одна из первых узнала о предстоящей свадьбе и сразу же побежала к Татьяне. Нет, она не испытывала злорадства к подруге, которая мечтала о замужестве с Петром. Она и сама была не против замужества с ним. Ей просто хотелось вместе с подругой обсудить эту новость. Татьяну застала в расстроенных чувствах, недружелюбный взгляд которой говорил о многом. Она набросилась на подругу, словно Ксения была виной в ее несостоявшемся браке.

– Зачем пришла? Порадоваться, что твое пророчество сбылось? – зло произнесла Татьяна, глядя на подругу черными цыганскими глазами.

– Успокойся, я тут совсем ни при чем.

– Откуда взялась эта краля?

– Вера говорила, что приезжая.

– Сама догадалась, что приезжая, не с луны же свалилась? – раздраженно произнесла Татьяна.

– Пойдем на свадьбу, там и узнаем, – предложила Ксения, – молодожены уже обходят дворы и приглашают на свадьбу.

– Я все равно добьюсь своего! – произнесла Татьяна то ли для подруги, то ли для своего успокоения.

– Поживем – увидим, – ответила Ксения.

На севере в старинных поселках сохранилась традиция: молодожены обходят все дворы и приглашают односельчан на свадьбу. Нельзя пропустить ни одной избы, чтобы не обидеть хозяев. Это делается не ради подарков. Подарки на свадьбу там не приносят. Люди приходят в знак уважения поздравить молодых, выпить за их здоровье, немного поговорить и удалиться. Невеста с подносом в руках, на котором стоит стопка с водкой и закуска, встречает каждого вновь пришедшего. Близкие родственники сидят за столом долго, пьют много, поют песни. Эти традиции не исчезли, а укрепились с появлением ссыльных. Первыми ссыльными были политические, которых ссылало царское правительство на поселение. Затем появились раскулаченные крестьяне. В начале войны – высланные с Поволжья немцы, после войны – осужденные за пособничество Германии эстонцы. Вся эта масса национальностей перемешалась, породнилась, и трудно определить через полвека, в каком человеке, какой крови течет больше. . .

За свадебным столом собрались родственники и близкие знакомые. Молодожены сидели во главе стола. По левую руку – родители Петра, по правую – Дядя Миша с женой Марией. В честь любимого племянника он надел пиджак со всеми своими наградами. Среди множества орденов и медалей выделялись три ордена солдатской «Славы».

Стол был заставлен разнообразными закусками, стояли бутылки с водкой и спиртом. Петру где-то удалось раздобыть несколько бутылок шампанского. Яства стояли обычные для застолий на севере: осетровая икра, копченая и вяленая стерлядь, разварная картошка, котлеты из медвежатины, сдобренные чесноком, овощи и, конечно же, морс из сока клюквы и брусники.

Наташа рассматривала собравшихся за столом гостей и думала, что с этими людьми она связала свою судьбу и с ними придется постоянно общаться. Ее

внимание привлекла молодая симпатичная девушка плотного телосложения, похожая на цыганку. Она не сводила глаз с Петра. Женская интуиция Наташи подсказала ей, что это та самая девушка, о которой говорила Эмма.

Тосты следовали один за другим. В адрес Петра говорили много лестного. Наташа узнала, что он опытный рыбак и смелый охотник, пользуется уважением у односельчан. У нее даже появилось чувство гордости за своего избранника, но постоянный взгляд чернявой девушки на Петра вселял в сердце беспокойство.

На крики «Горько» она смело поднималась со скамейки, обнимала Петра и отвечала на его жаркие поцелуи, отдавшись воле своих чувств, чтобы доказать чернявой, что у той нет надежды на Петра.

Когда в комнате стало шумно, многие гости говорили между собой, а некоторые закурили, Наташа положила свою руку на руку Петра и тихо произнесла:

– Давай выйдем на свежий воздух, здесь очень душно.

Стояли последние дни августа, по ночам становилось прохладно, на небе, усыпанном множеством звезд, тусклым светом светилась луна, улыбаясь молодоженам. Петр обнял Наташу, прижал к себе и прошептал ей на ухо:

– Я счастлив, что встретил тебя.

- Я тоже безумно люблю тебя, – ответила она.

Петр подхватил ее на руки и закружил по двору. Наташа почувствовала силу его рук, ей было приятно находиться в его крепких надежных объятиях. Остановившись, он произнес:

– Как мне хочется унести тебя сейчас подальше от людей и остаться наедине.

– А я готова следовать за тобой хоть на край света.

В это время дверь из дома отворилась и во двор стали выходить шумной толпой гости. Петр поцеловал Наташу и опустил на землю. К ним стали подходить родственники, обнимать и прощаться. Каждому хотелось на прощание поцеловать невесту и пожелать ей счастья. Неожиданно к Петру подошла Татьяна, поцеловала в щеку и произнесла:

– Поздравляю и желаю счастья.

Быстро развернулась и почти бегом направилась к калитке. Петр не придал значения этой выходке, а у Наташи испортилось настроение.

- Петя, - обратилась она к нему, - тебя любит эта девушка?

Он привлек к себе молодую жену, поцеловал и сказал:

- Это ее проблема, а я люблю только тебя.

Для убедительности добавил:

- Я люблю только блондинок, а она ты видишь, какая жгучая брюнетка.

У Наташи не было основания не доверять мужу, но червоточинка осталась в сердце.

7

Быстро пролетел медовый месяц. Наташа по зову сердца во всем помогала свекрови по хозяйству. Уборку в доме и мытье полов полностью взяла на себя. Пыталась заменить ее на кухне, но Эмма заявила:

– Готовить я буду сама, ты за свою жизнь еще успеешь наготовиться.

Петр блаженствовал – Наташа во всем старалась ему угодить. Стоит ему утром проснуться, она уже несет ему кружку с брусничным морсом. Стоит ему заикнуться, что сейчас сходит за дровами, она раньше его выскочит во двор и несет беремя дров. Засобирался он за брусникой, мотоцикл завел, корзинки в люльку стал укладывать, а она тут, как тут:

– Я тоже за брусникой поеду, вдвоем быстрее наберем.

Он рад такому предложению, вдвоем веселее. Пошел в дом, принес ружье и положил в люльку.

– Зачем ружье берешь? – спросила Наташа, – сезон охоты только в октябре.

– Вдруг хозяина встретим, и он не захочет пускать нас за ягодами.

Наташа вспомнила случай с тестем накануне их свадьбы и больше вопросов не задавала. Она уселась на заднее сиденье мотоцикла, крепко обняла мужа руками за пояс, и они покатили по лесной дороге, накатанной грузовыми машинами. Дорога тянулась по сосновому лесу, поднималась на взгорки, спускалась в низины. Петр любил быструю езду, но на этот раз вел мотоцикл очень осторожно, объезжая ухабы и рытвины, чтобы не трясти Наташу. Через пятнадцать километров они подъехали к болоту, за которым тянулась грива, заросшая старыми соснами. Петр остановил мотоцикл, заглушил мотор и, повернувшись к жене, сказал:

– Вон на той гриве отец встретил медведей.

– Мы с тобой пойдем туда? – спросила Наташа.

– Здесь все женщины поселка собирают бруснику, мы проедем дальше, – ответил Петр.

Он завел двигатель, и они поехали вдоль болота по бездорожью, виляя между деревьями. Наташа прижалась лицом к спине мужа, чтобы сосновые ветки не задевали хвоей ее лицо. Около перешейка через болото Петр заглушил мотоцикл и произнес:

– Приехали!

Наташа ловко соскочила с заднего сиденья, ей надоело сидеть в неловком положении, и стала разглядывать местность. Перед ней в обе стороны тянулось болото шириной метров двести, заросшее осокой с множеством плесов. Деревья росли только на перешейке, разделяющем болото на две части. За болотом поднималась невысокая грива с хвойным лесом.

Петр тем временем расстегнул чехол на люльке, достал ружье, корзины и рюкзак, в котором был котелок, топорик, плащ и продукты.

Болото спасло от пожара лес, расположенный на его противоположном берегу, и он сохранился в первозданном состоянии. Высокие сосны создавали полумрак под своими кронами, в воздухе стоял запах грибов и сырого мха. Из мохового покрова повсюду выглядывали моховики с матовыми шляпками, на хвойных плешинах красовались маслята с коричневыми шляпками, блестящими, как помазанные маслом.

Наташа шла за Петром по мягкому моховому покрову, не отставая от него ни на шаг, разглядывая грибы и небольшие участки зеленого брусничника с красными ягодами.

Петр, прежде чем приступить к сбору ягод, всегда обходил местность, выбирал самый урожайный участок и только тогда начинал их сбор. Наташа удивлялась,

что он проходит мимо полянок с крупными спелыми ягодами, но вопросов не задавала, полностью положившись на мужа. Неожиданно из брусничника поднялся выводок молодых тетеревов. Они еще плохо летали, отлетели в сторону и опустились на землю.

Пройдя немного вперед, Петр остановился и произнес:

– Птицы лучше нас знают, где хорошие ягоды.

Наташа посмотрела вдаль. Перед ее взором простирался сплошной зеленый ковер, украшенный узорами из темно-красной брусники. Она присела, зачерпнула в ладонь, пропустив между пальцами, несколько кисточек брусники, сорвала их и высыпала в рот. Привычный вкус сока спелых ягод приятно разлился во рту, утоляя жажду. Она даже от удовольствия прищурила глаза.

Петр, глядя на нее влюбленными глазами, спросил:

– Вкусная брусника?

– Кисловатая, но вкусная, – ответила она. Затем немного подумав, добавила:

– Давай наперегонки, кто быстрее наберет корзинку.

– На что будем спорить?

– На желание.

– А ты не боишься проиграть, я собираю совком, а ты руками.

– Не боюсь! – задорно ответила Наташа.

Петр одной рукой держал за ручку корзину, постоянно переставляя ее перед собой, второй рукой совком черпал ягоды и ссыпал их в корзину. Он постоянно посматривал в корзину Наташи. Она в сборе ягод не отставала от него, собирая их обеими руками. Тогда он снизил темп, чтобы дать возможность жене выиграть спор.

Когда Наташина корзина была наполнена брусникой до краев, она взглянула на Петра и гордо произнесла:

– Проиграл, прошу выполнить мое желание.

– И какое же у тебя желание?

– Поцелуй меня.

– С большим удовольствием, – произнес он, поднимаясь с колен, и добавил, - если бы выиграл я, у меня было бы точно такое желание. . .

– Пора уже перекусить, – предложила Наташа, – давай посмотрим, что нам в рюкзак положила матушка.

– Ты смотри, а я ненадолго отлучусь.

Он взял ружье и направился в сторону улетевших косачей. Вскоре послышались два выстрела. Петр вернулся с двумя тетеревами. Бросив их под ноги, подхватил корзины и сказал:

– Бери рюкзак и добычу, пойдем к воде, я угощу тебя необычным блюдом.

Около болота он развел костер, не ощипывая, выпотрошил косачей, отрубил ножом им крылья, лапы, голову с шеей и сказал Наташе:

– Следи за костром, нам надо много жара.

Достав из рюкзака котелок, Петр направился к давно им примеченному выворотню – старой сосне, поваленной ветром. Ее корни высоко торчали над землей. Он надеялся найти под корнями глину, но грунт оказался песчаным. Набрав в котелок песка, пошел к болоту и добавил в котелок ила, приготовив из

смеси густой раствор. У костра обмазал птичьи тушки этим раствором и, как картошку, положил в горячую золу под костром.

Когда дичь поспела, он снял с нее спекшийся раствор вместе с перьями и кожей.

– Попробуй мясо на вкус, жаль, что у нас нет с собой соли, – сказал он, протягивая одну тушку жене.

Запеченное в собственном соку мясо было мягким, ароматным и вкусным.

– Очень вкусно и без соли, – ответила Наташа.

– Где ты научился так готовить? – спросила она, – мне доводилось запекать в костре только картошку.

– Это давно известный среди охотников способ приготовления дичи на костре, я, при случае, угощу тебя более интересным блюдом.

Они сидели на разостланном плаще около догорающего костра, от которого тянуло жаром. Раскаленные угли превращались в золу, сохраняя некоторое время свою форму, затем зола рассыпалась на мельчайшие частицы.

Наташа откусывала кусочки мяса, с удовольствием их пережевывала и смотрела на костер. Ей в голову пришла мысль, что все живое на земле рано или поздно превращается в пепел. От этой мысли появилось неприятное чувство, и она, оторвав взгляд от костра, перевела его на Петра. Их взгляды встретились. Он давно внимательно разглядывал и любовался ею. Ему было приятно угостить ее своим коронным блюдом, хотя он прекрасно сознавал, что добыча дичи за месяц до открытия сезона охоты является браконьерством. Себя утешал мыслью, что добыл косачей только для еды.

– Почему ты на меня так смотришь? – спросила Наташа.

– Ты очень красивая, я счастлив, что ты моя жена.

На щеках Наташи вспыхнул яркий румянец, как пламя в костре от подброшенного хвороста.

– Я тоже тебя очень люблю, даже не представляю, смогу ли жить без тебя? - ответила Наташа.

Насытившись, Петр несколько раз сходил с котелком за водой, чтобы тщательно затушить костер. Затем взял в руки по корзине и, обращаясь к жене, сказал:

– Бери ружье и рюкзак, пойдем к мотоциклу.

– Я сама могу донести свою корзину, – запротестовала Наташа.

– А я могу еще и тебя унести, садись на плечи, – пошутил Петр.

Они направились по перешейку между двух болот к мотоциклу.

– День-то сегодня какой хороший! – проговорила Наташа. – Тишина, не жарко, солнышко льется и ласкает все вокруг.

– Для меня самое яркое и ласковое солнышко – это ты, – сказал Петр.

На щеках Наташи, как и у костра, вспыхнул румянец, но Петру, шагающему впереди, его не было видно.

Домой супружеская пара добралась только к вечеру, когда день источал последний свой свет. Петр понес ягоды в кладовую, а Наташа вошла в дом.

За столом сидели Эмма с сестрой Марией, которые пили чай и вели разговоры о событиях последних дней. Эмма засуетилась:

– Садись, Наташа, к столу, я быстро соберу ужин.

– Спасибо, я сыта, – ответила Наташа, – вот чая попью с удовольствием, а Петя, наверное, голодный. Он вел мотоцикл, а я сидела сзади пассажиром.

– За целый день на свежем воздухе можно проголодаться, чем же ты сыта? – удивилась Эмма.

– Петя накормил меня вкуснятиной, приготовленной из косача.

– Садись, тогда попей чая, – сказала свекровь и налила в кружку чай из стоящего на столе чайника.

Когда Петр вошел в комнату, на столе уже стояла тарелка наваристых щей.

– Садись, Петя, кушай, – сказала Эмма, – это я тебе налила щей.

– А почему не налила Наташе? – удивился Петр, видя сидящую за столом жену с кружкой чая в руке.

– Она отказалась от щей, сославшись, что ты ее накормил.

Петр съел несколько ложек щей и, обращаясь к Наташе, сказал:

– Щи необыкновенные, вот только попробуй, – и протянул к ее рту свою ложку со щами.

Наташа взяла в рот содержимое ложки, немного подержала и проглотила.

– Ну, как? – спросил Петр.

– Очень вкусные щи.

– Мама всегда готовит очень вкусно, – сказал Петр и, обращаясь к Эмме, добавил:

– Налей ей, пожалуйста, щей, теперь она не откажется.

– Так тебе, в самом деле, налить щей? – спросила Эмма Наташу.

– Наливайте, щи очень вкусные, придется есть, коли муж приказывает.

Эмма улыбнулась, ей понравились взаимоотношения сына и невестки. Она зачерпнула половником из чугунка, стоящего на плите, густых щей и, вылив их в тарелку, поставила тарелку перед Наташей.

– Спасибо, матушка, сказала невестка, я после чая почувствовала, что проголодалась.

Эмма присела к столу и наблюдала за молодой парой, работающей ложками без остановки. Она чувствовала себя счастливым человеком. Наконец, сын женился, невестка ей нравилась.

8

Мария поняла, что она здесь лишняя, поднялась из-за стола, попрощалась, сказав, что ее, наверное, уже потерял Михаил и удалилась.

Сестры после свадьбы Петра встретились впервые. Первым делом, войдя в дом к сестре, Мария спросила:

– Петр дома? – словно, она пришла не к сестре, а к племяннику.

– В лес по бруснику уехал.

– А молодая жена?

– Вместе с ним укатила.

– Понятно, дело молодое, – произнесла Мария, – мой Михаил тоже попервости меня с собой всюду таскал.

Сестрам уже перевалило за полвека, обе белокурые, с голубыми глазами, отличались своей внешностью. Мария была стройной, подвижной, энергичной женщиной, вникающей во все дела многочисленных родственников. Вот и сегодня любопытство привело ее к сестре. В отличие от нее полная домовитая Эмма имела спокойный характер. Муж, бывало, говорил ей: «Ты у меня, как на опаре, увеличиваешься, ходила бы чаще в лес с женщинами за грибами да ягодами, стала бы стройной, как твоя сестра Мария».

– Ты почему женился на мне, а не на Марии, – обидевшись, отвечала Эмма.

– Это моя тайна, и тебе не скажу, чтобы не зазналась, – отшучивался муж.

– Грибов и ягод Петя привозит столько, что мне часть раздавать приходится, – оправдывалась Эмма.

Мария подошла к столу, уселась на стул и продолжала расспрос:

– Рассказывай о своей невестке, а то я ничего о ней не знаю.

– Что рассказывать? Невестка, как невестка.

– К тебе-то, как относится?

– Хорошо относится, во всем помогает, матушкой называет.

– Гляди-ка! – удивилась Мария, – это неспроста, что-то ей надо.

– Ничего ей не надо, сирота она круглая.

Тем временем Эмма налила в кружки чай и поставила сахарницу с кусочками пиленого сахара.

Попивая чай, заваренный травами, и похрустывая кусочком сахара, Мария не унималась:

– Молодые дружно живут?

– Дружнее некуда, любовь у них настоящая.

– Татьяна-то видела, что вытворила?

– Что она вытворила?

– При всем честном народе после свадьбы Петра поцеловала.

– Многие на свадьбе молодоженов целовали.

– Так то родственники, а она кто?

Эмма ничего не ответила, а Мария продолжала:

– Татьяна продолжает в поселке трезвонить, что любит Петра.

– Что из того, что трезвонит? Петя ей никаких обещаний не давал, – повторила Эмма слова Петра.

– Все-таки надо поостерегаться, чтобы она каких-нибудь пакостей не выкинула, – предупредила Мария.

С появлением Петра и Наташи на этом беседа сестер прервалась.

9

Отгуляла осень по таежным просторам. Северные ветры сдули с берез и осин дорогие красочные наряды, с кедров осыпали шишки, пожухли травы на болотах и по берегам озер. Первые морозы сковали грязь на разбитых лесных дорогах и улицах поселков. Белки и бурундуки заготовили кедровые орехи на долгую холодную зиму, медведи давно улеглись в берлоги, соболи и колонки, лисы и

песцы начали одеваться в дорогие шубы. Зима на севере приходит не в календарные сроки, в сентябре полетели первые снежинки.

Петр торопился до ледостава завезти в охотничью избушку продукты и все необходимое для промысла. Давно ушло в прошлое то время, когда его дядя Миша заезжал на промысел на весельной лодке. Теперь у Петра дюралевая лодка «Обь» с десятисильным подвесным мотором «Москва». Заплыть по реке на сотню километров много времени не надо.

Наташа с интересом смотрела, как он собирает вещи и продукты в мешки и коробки. Наконец, не выдержала и спросила:

– Петя, ты надолго уплываешь?

– Пока на два дня, затем на весь сезон уплыву на деревянной лодке, которую оставлю в тайге до весны.

Ей показалось невыносимым жить всю зиму без мужа, и она, как можно ласковее, попросила его:

– Петенька, возьми меня с собой на промысел.

Он внимательно посмотрел на жену. Она испугалась, что муж откажет в ее просьбе и скороговоркой произнесла:

– Пожалуйста, возьми, я буду тебе помогать.

Петр подошел к Наташе, обнял ее и сказал:

– Я сам хотел предложить тебе поехать со мной, но не решался.

– За меня не беспокойся, я привычная к лесной жизни.

Эмма, заметив их стоящими в обнимку, спросила:

– Петя, ты уже прощаешься?

Вместо ответа Петр сказал матери:

– Мама, Наташа едет со мной на промысел, помоги ей собраться.

На следующий день лодку, груженую мешками и коробками, Петр повел по Енисею к устью Дупчеса. В лодке сидели Наташа и его любимая собака Азарт. Наташа в теплых брюках, ватной стеганой фуфайке и мужской шапке из собачьего меха сидела лицом по направлению движения лодки. Рев мотора и свист встречного ветра не позволяли разговаривать. Она гладила собаку и вспоминала свое бегство с Петром из скита и первое плавание с ним через Енисей. Ей казалось, что это было очень давно, в какой-то другой жизни. Ее сердце радостно забилось, когда она начала представлять совместную жизнь с Петром в одинокой избушке среди глухой тайги. Она любила его страстной любовью, на которую только способна женщина, и безмерно была благодарна ему за то, что она узнала новую жизнь.

Когда лодка вошла в устье Дупчеса, Петр убавил обороты двигателя и крикнул Наташе:

– Как себя чувствуешь? Не замерзла?

– Нет! – крикнула она с такой силой, чтобы перекричать гул мотора.

Ее ответ отразился эхом от скалистых берегов реки и понесся над руслом, обгоняя лодку. Петр увеличил обороты двигателя, и лодка резко рванула вперед, стараясь выпрыгнуть из-под людей.

Наташа разглядывала берега незнакомой реки и сравнивала их с берегами Вороговки. Во многом они походили друг на друга.

Несколько раз с галечных отмелей слетали глухари и улетали в тайгу, скрываясь за деревьями. До снежного покрова они стараются запасти мелкую гальку в зобе для перетирания грубого зимнего корма. Если бы Петр плыл в лодке один, он обязательно добыл бы глухаря на ужин. У него был навык управлять лодкой одной рукой, а второй – стрелять по взлетающей птице. Сегодня стрельба с лодки была риском, и он не дотрагивался до ружья, лежащего у него в ногах.

Мысли Петра уже давно витали вокруг дел, которые надо выполнить до сезона охоты. Он продумал план, в какой очередности надо все сделать. Конечно, прежде всего надо заготовить дров на весь сезон, чтобы Наташа в его отсутствие не страдала от холода. Затем наловить рыбы и добыть глухаря. Только после этого сделать обход промыслового участка. Конечно, если бы с ним не было жены, он на следующий же день отправился бы в тайгу на разведку. Ему не терпелось узнать, какой был урожай в нынешнем году кедровых орехов, какой приплод дали белки. От этого зависит наличие соболей – желанного трофея промысловой охоты.

Через несколько часов Петр повернул лодку в приток Дупчеса и снизил обороты до самых малых. Он опасался налететь на мель и срезать шпильку у винта двигателя. Ему очень не хотелось заниматься ремонтом в пути. Наташа спросила:

– Еще далеко плыть?

– Скоро доберемся до места, наберись еще немного терпения.

Петр подвел лодку к пологому берегу, перевел двигатель на холостые обороты и подал собаке команду: «Вперед». Азарт не стал ждать второго приглашения, моментально выскочил на берег и умчался в лес.

– Зачем ты выпустил собаку? – спросила Наташа.

– Пускай разомнется, он знает дорогу к зимовью, – сказал Петр.

Он перевел рычаг на задний ход двигателя, вывел лодку на середину притока и на малых оборотах повел ее вверх по течению. Вскоре в лесу послышался лай собаки. Сердце Петра радостно забилось. «Быстро нашел белку, - подумал он, - это хороший признак».

– На кого лает собака? – спросила Наташа.

– Он лает по белке, – ответил Петр охотничьим термином.

– Как ты это определил?

– На каждого зверя собаки лают по-разному.

Вскоре на кромке леса под могучими кедрами, как в сказке, показалась маленькая избушка. Наташа спросила:

– Это твоя избушка?

– Эту избушку очень давно строил дядя Миша, теперь этот охотничий участок закреплен за мной, и я в этой избушке провожу каждую зиму.

Петр развернул лодку носом к берегу, прибавил обороты двигателя, затем заглушил его и поднял из воды. Лодка с разгона выскочила носом на пологий берег.

– Пойдем смотреть наше жилище, – сказал он и первым перешагнул через борт на берег, подал Наташе руку и помог спрыгнуть на землю. Она осмотрелась. Недалеко виднелось большое озеро, между ним и лесом тянулась бесконечная тундра с множеством болот и небольших озер.

После долгого сидения в лодке в одной позе у Наташи затекли ноги, она пошла за Петром, как на ходулях, по тропинке, заросшей травой. Двери избушки были подперты колом. Таежники никогда не закрывают двери на замки, чтобы случайный путник не выломал их. Для него в избушке всегда найдутся дрова и немного пищи. Этот древнейший обычай соблюдается до наших дней.

Петр убрал кол, распахнул настежь дверь и произнес:

– Прошу в мои хоромы.

Из дверей пахнуло затхлостью и сыростью. Наташа вошла вслед за Петром и перед ее глазами предстала убогая картина. На лежанке и под ней лежала прошлогодняя сухая трава. На грязном столе стояли закопченные котелки. Пол никогда не мылся. «Здесь ни к чему не прикасалась женская рука», - подумала она.

– Петя, – сказала она мужу, - пока ты переносишь вещи, я здесь немного приберу.

- Хорошо, – согласился он, – но сначала я затоплю печь.

Наташа прежде всего собрала с лежанки сено и вынесла на улицу, затем побежала в лес и наломала сосновых веток для веника. Подметая пол, подумала, что его надо помыть и отскрести грязь топором. Достала из-под лежанки ведро и сбегала за водой. Вымыла и отскребла ножом грязь с небольшого столика. Сложила в ведро всю найденную посуду и отправилась к реке, чтобы отчистить ее песком. Вода была ледяной, в небольших заводях появились забереги. Наташа сорвала пучок осоки, скрутила ее как мочалку, зачерпнула песка и начала отчищать посуду от жира и сажи. Когда она вернулась, в избушке стояла жара, в открытую дверь вытянуло все старые запахи. «Пора готовить ужин», – подумала она и поставила на печь чайник и котелок с водой.

Петр перенес все привезенные вещи из лодки, ружье поставил в угол, коробки с патронами и снастями засунул под лежанку. Посмотрел на остальные вещи и сказал Наташе:

– Тебе разбирать продукты и вещи, обустраиваться, а я сплаваю на озеро и поставлю сети, соскучился по хорошей ухе.

Петр пошел за избушку, там лежал перевернутый вверх дном обласок. Он осмотрел днище, на котором потрескалась смола. «Надо пройти по днищу паяльной лампой и добавить смолы пока днище сухое», – подумал он и отправился за лампой.

Вновь просмоленное днище блестело черной зеркальной поверхностью. Подхватив обласок подмышку, Петр отнес легкую лодочку к воде, затем сходил за веслом и сетями. Озеро встретило его угрюмой тишиной – не слышно всплеска рыб, не видно плавающих уток. Все перелетные птицы в преддверии наступающих холодов уже покинули места своих гнездовий. Гладкая темная поверхность озера отражала плывущие по небу облака. Создавалось впечатление, что облака плывут в глубине холодной воды.

Вернувшись с озера, Петр не узнал своей избушки. На окне висела занавеска, сдвинутая в сторону, чтобы не мешать проникновению света. На лежанке вместо привычного спального мешка, лежал матрас, застеленный постелью. Стол, накрытый клеенкой, ожидал с приготовленным ужином. Наташа в цветастом фартуке встречала его радостной улыбкой. Он остановился, едва переступив

порог, удивленный произошедшими переменами. Затем снял с себя куртку, повесил ее на гвоздь и, подойдя к жене, крепко обнял и сказал:

– Я никогда не жил в таких комфортных условиях. Без тебя мне пришлось бы сейчас приниматься за приготовление ужина. Спасибо тебе.

Похвала мужа целебным бальзамом разлилась в ее душе. Она поцеловала его в щеку и произнесла:

– Садись к столу и попробуй, что я приготовила.

Петр после нелегкого дня с аппетитом ел борщ и хвалил его. Про себя он думал, что без жены его еда состояла бы из вяленой рыбы с хлебом и чая.

К чаю Наташа подала горячие оладьи. Этим она окончательно убедила Петра, что на охоте жена не помеха.

На следующий день Петр проверил сети. В них попалась разнообразная рыба. Здесь были чиры, пелядь, окуни и щуки. Жирных чиров и пелядей засолил, для остальной рыбы выкопал яму. Земля еще только схватилась тонким слоем мерзлоты, за ночь рыба замерзнет и будет служить кормом для собаки и привадой для соболей. Он решил, что заготовка дров может подождать еще денек, а вот дичи к столу надо добыть. Азарт давно унесся в лес, его голос слышался на пределе слуха. Он облаивал белку или глухаря, поскольку лай был не злобный. Петр знал, что с собакой рябчиков или тетеревов не добудешь. Эти птицы мигом улетают с появлением собаки. Глухарь – совсем другое дело. Он с любопытством смотрит на собаку, иногда даже дразнит ее, бросая вниз обломанные ветки. Немного послушав лай, он крикнул Наташу. Когда она открыла дверь, сказал:

– Я пойду на клюквенные болота, не хочешь пойти со мной и набрать ягод?

– Подожди меня, я мигом оденусь и возьму лукошко.

Наташа обрадовалась, что ей не придется одной сидеть в избушке в ожидании мужа, быстро надела брезентовую куртку, резиновые сапоги, взяла лукошко и выскочила на улицу.

Петр ожидал ее с накинутым на плечо ружьем.

– Не холодно тебе будет в резиновых сапогах? – встретил он жену вопросом.

– Болота еще не замерзли, в сапогах надежнее.

«Вот что значит, выросла в тайге», – подумал Петр и зашагал по кромке бора в сторону болот. Там на клюквенниках всегда можно встретить косачей.

Наташа шла за ним с корзинкой на руке, смотрела на его крепкую фигуру, широкие плечи, легкий шаг и думала: «Как хорошо и надежно быть женой такого человека, с ним не страшно идти куда угодно, хоть на край света».

За изгибом лесного массива открылись просторы болот с низкорослой растительностью из карликовых березок и ив. На зеленых моховых коврах рассыпалась крупная и темная, как вишня, клюква. «Сколько ее здесь? – подумала Наташа, – наших бы из скита сюда женщин, вот бы набрали ягод».

Петр пошел вместе с Наташей на клюквенную поляну, ему захотелось поесть ягод, прежде чем продолжить свой путь. Его ноги провалились через мягкий моховой покров в болотную жижу. «Права оказалась Наташа, - подумал он, - многие болота не замерзают даже зимой». Он набрал горсть замерзших ягод и высыпал в рот. Холодом обожгло язык и небо. Подождав пока ягоды растают,

начал давить их зубами и почувствовал знакомый с детства кислый вкус, хорошо утоляющий жажду. Он набрал еще горсть ягод и высыпал в лукошко.

– Иди по своим делам, – сказала Наташа, – а здесь я сама быстро управлюсь.

Когда Петр вернулся со связкой косачей, Наташа уже была в избушке.

– Вот это добыча, – воскликнула она, увидев в руке мужа косачей, – я думала, что ты вернешься вечером и хотела еще раз сходить за клюквой.

– Клюква подождет, у тебя будет достаточно времени, – сказал он, – давай потушим тетеревов с клюквой.

– Мне такое блюдо никогда не приходилось пробовать. Расскажи, как его готовить?

– Это делается очень просто. Сейчас я сниму перо и выпотрошу двух косачей. Тебе останется их вымыть, заполнить место внутренностей клюквой и поставить тушить.

Петр отрезал головы косачей, собрал все выпотрошенные кишки и положил на крышу избушки. Они будут служить хорошей приманкой около капканов.

Не жирное, сухое мясо косачей, пропитанное соком клюквы, оказалось мягким и ароматным, с привкусом кислинки.

– Петя, ты замечательный кулинар, – похвалила мужа Наташа, пережевывая вкусное мясо.

– Готовила ты, я только тебе помогал.

– Идея твоя, я до сих пор помню приготовленных тобой на костре тетеревов, – возразила ему Наташа.

– Даст Бог, – сказал он, – добуду лося, угощу тебя настоящим деликатесом – лосиной губой.

Только на третий день Петр занялся заготовкой дров. Распилил бензопилой поваленную бурей сосну, круглые сухие чурки прикатил к избушке и расколол. Наташа складывала дрова в поленницу. Затем выбрал высокую березу с ветками только на вершине и спилил ее. Он всегда на зиму заготавливал сырые березовые дрова. На ночь их клал в горящую печь. Они горят очень долго и дают много тепла.

В последующие дни обошел свой промысловый участок, решил, что охота будет не хуже, чем в предыдущий год. Собака облаивала глухарей, белок и несколько раз соболей. Добыл пару белок и убедился, что мех еще не выходной. Капканы решил ставить по белой тропе. Каждый день возвращался домой с глухарем. Первые дни Наташа с радостью принимала крупных лесных красавцев. Затем возмутилась:

– Зачем ты так много добываешь глухарей? Нам надоест питаться одной птицей.

– Зима длинная, пока есть возможность, надо делать запас. Кроме того, Азарту тоже нужен корм, головы и внутренности очень любят колонки и соболи.

– Ты же для Азарта заготовил много рыбы.

– Ему кроме рыбы нужно мясо.

После этого разговора он больше не приносил глухарей. Погода обещала скорый снегопад. Стояла устойчивая отрицательная температура наружного воздуха. По небу плавно плыли темные тучи и уносили свои снежные заряды куда-то на север.

– Сегодня я не вернусь ночевать, – сказал Петр.

– Ты будешь ночевать в тайге? – удивилась Наташа.

– Мне надо занести рыбу и продукты в избушку-переночевку, за светлое время вернуться не успею.

Взвалив на плечи тяжелый рюкзак, взяв в руку ружье, Петр зашагал от избушки. Наташа провожала его взглядом, пока он не скрылся среди деревьев.

Проснувшись как-то утром, Наташа накинула на себя куртку, ноги сунула в обрезки валенок и вышла на улицу. Пред ней предстала зимняя сказка: вся земля была покрыта мягким снежным покрывалом, на ветках кедров лежали хлопья снега, как вата на новогодней елке, с неба медленно опускались снежинки. При полном безветрии в воздухе стояла немая тишина. Ее охватило радостное чувство, с хорошим приподнятым настроением вернулась в избушку. Петр притворился, что спит, даже испускал иногда звуки храпа. Наташа стала трясти его за плечо, но он не просыпался. Тогда она громко произнесла:

– На улице зима, проспал первую охоту.

Он нехотя приподнялся, делая вид, что просыпается, и схватил ее в охапку.

– Разве ты не пойдешь по первому снегу на охоту?

– Не пойду, – ответил он.

– Почему?

– Хочу остаться с тобой.

Затем он объяснил Наташе, что после первого снега все жители тайги притаятся, не желая выдать себя по отпечаткам следов на снегу. Только через день-два голод выманит их из укрытий.

Охотничий сезон Петра начался успешно, отдохнувший за лето Азарт работал неутомимо в полную силу. По мелкому снегу он не уставал носиться по лесу. Каждое утро бодро бежал в тайгу. Его голос раздавался то в одном, то в другом конце тайги. По азартности его лая Петр определял, по какому зверю он лает. Если лай был злобный, Петр спешил к нему изо всех сил, чтобы соболь, загнанный на дерево, не ушел. Редкий день он не приносил в избушку соболя. Его всегда радостно встречала Наташа. В избушке было тепло, готовый ужин стоял на столе. «Как хорошо, что я взял с собой Наташу, – часто думал Петр, – она освободила меня от многих забот».

Наташа садилась против Петра и наблюдала влюбленными глазами, с каким аппетитом он поедал все, что она приготовила. Каждый день задавала ему вопрос:

– Вкусно? Или: ну как?

Для человека, целый день пробывшего на свежем воздухе, исходившем многие километры, любая еда была вкусной. Он всегда хвалил не только еду, но и жену, приготовившую ее. Петр видел, что его похвала всегда доставляет Наташе удовольствие.

Как-то он решил пошутить. Взял ложку в руку и тут же произнес:

– Суп просто объедение!

– Ты же еще не попробовал, – удивилась Наташа, – или ты всегда меня обманывал?

Петр понял, что шутка была неудачной и добавил:

– Я чувствую по запаху.

Затем встал из-за стола, подошел к Наташе, обнял ее и произнес:

– Прости за неудачную шутку.
– Ладно, прощаю, садись, ешь. Сегодня ты пришел очень поздно, что-нибудь случилось?
– Азарт оказался умнее меня.
– Это почему? Расскажи.
– Он загнал соболя на дерево за увалом. Когда я спустился в распадок, то пошел не на его голос, а на эхо, которое раздавалось громче его голоса. Через некоторое время меня догнал Азарт, прыгнул на грудь, толкнул передними лапами, развернулся и побежал назад. Он дал мне понять, что я иду не в ту сторону и предлагал следовать за ним. Я побежал за ним по его следу. На пути попался кедр, под которым весь снег был истоптан лапами собаки. Пока собака бегала за мной, соболь спустился с дерева и убежал. Азарту пришлось начать новую погоню за соболем. Он догнал его в логу, заросшем березами. Соболь забрался на высокую березу и примостился в развилке ветвей, наблюдая за собакой. Начало темнеть. Я осторожно обошел дерево и выстрелил, соболь не упал на землю, а остался в развилке дерева. Пришлось достать из рюкзака топорик и рубить березу. Мерзлая древесина поддавалась очень трудно. Я ходил вокруг ствола и обтачивал его топориком, как карандаш ножом. Когда береза оказалась на тонкой ножке, изо всех сил нажал на ствол. Дерево с треском повалилось. К этому времени уже стемнело. Мы с Азартом наперегонки бросились искать соболя. Я смотрел около дерева, он забрался через ветки кроны к развилке ствола, где сохранился запах зверька. Наши поиски были тщетны. «Не мог же он провалиться сквозь землю» – думал я и отходил все дальше и дальше от кроны березы. Азарт, ломая ветки, искал соболя под кроной березы. Отойдя метров на десять от упавшей березы, я заметил на снегу темное пятно. Это был соболь. Я поднял вверх голову и все понял. Срубленная береза, падая, ударилась о ствол другой березы, и соболь, как из катапульты, улетел дальше упавшего дерева. Взяв добычу в руку, позвал Азарта. Он подошел, понюхал соболя и, убедившись, что запах именно того зверька, которого мы ищем, виновато отвернув в сторону голову, отошел от меня. Обычно Азарт всегда слегка прикусывает добычу. На этот раз не прикоснулся к соболю, он переживал свой промах.
– Как интересно! – воскликнула Наташа, ей надоела однообразная жизнь в избушке в ожидании мужа, и она попросила Петра:
– Петя, возьми меня с собой на охоту.
– Это не женское дело бегать по тайге, – не задумываясь, произнес он.
– Петя, пожалуйста, хоть один только раз, – взмолилась Наташа.
Он посмотрел на жену и его сердце дрогнуло.
- Хорошо, завтра пойдем вместе.
Наташа бросилась ему на шею и прошептала:
– Спасибо, я люблю тебя.
На следующий день до рассвета молодая чета вышла из избушки и направилась в сторону личного заказника Петра. Это кедровый массив на гриве, выдвинутой клином в болото. Его облюбовали не только соболи, но и всевозможные птицы. Здесь для них было изобилие корма. На мшистых болотных кочках даже зимой можно добыть клюкву, по кромке болота росли рябины и калины. Петр никогда

не охотился на этой гриве, давая возможность соболям размножаться и расселяться по тайге. Сегодня он надеялся, что вблизи этой гривы, хотя идти до нее далеко, большая вероятность встретить соболя, чтобы удовлетворить желание Наташи увидеть охоту на него. Идти было легко, небольшой морозец бодрил и придавал силы, мягкий неглубокий снег не препятствовал движению. Азарт убежал куда-то в сторону в поисках следов зверя. Петр шел своим привычным быстрым шагом, Наташа старалась не отставать от него. Ей в предутренней полутьме казалось, что лес порой стоит сплошной стеной, но стоило подойти ближе, стволы кедров и сосен расступались и освобождали проход.

В тайге светало медленно. По небу плыли тучи и не пропускали свет от солнца, поднявшегося где-то далеко над горизонтом. На снегу попадался мусор от сосновых шишек, распотрошенных белками, но притаившихся в густых кронах зверьков без собаки трудно обнаружить. Петр даже несколько раз стучал палкой по стволу дерева, чтобы испугавшаяся белка выдала себя, но безрезультатно. Видимо, на этих деревьях зверьков не было. Только ближе к полудню послышался отдаленный лай Азарта. Лай был странным. Собака лаяла спокойно, переходя иногда на злобный лай. Петр прислушивался, пытаясь определить, по какому зверю он лает.

– Это голос Азарта, пойдем скорее к нему, – заторопила Наташа мужа.

– Я слышу, что это его голос, других собак поблизости нет, не могу понять, на кого он лает.

– Пойдем к нему и узнаем, – резонно сказала она.

Они спешили на лай собаки, Петр почти бежал, Наташа с трудом поспевала за ним. Издали увидели Азарта, который лаял под высоким кудрявым кедром. Когда подошли ближе, обратили внимание, что Азарт, показывал носом на вершину дерева. Там притаилась белка, которую заметили Петр и Наташа. Иногда до собаки поток воздуха доносил с дерева запах соболя, и она срывалась на злобный лай. Петр не стал стрелять в белку, он внимательно осматривал каждую ветку кедра, пока не заметил высунутую из-за ствола голову соболя с глазами-бусинками, внимательно наблюдающими за собакой. Видимо, соболь охотился за белкой, а собака помешала ему. Петр осторожно обошел дерево, но соболя не увидел. Тот, заметив двигающегося человека, переместился по толстому суку на другую сторону ствола дерева. Только теперь Наташа заметила хитрого зверька. Азарт почуял его запах и яростно залаял. Петр вернулся на прежнее место, соболь вновь скрылся за стволом дерева и высунул только голову, с любопытством наблюдая за происходящим на земле.

– Ну и хитрец, – подумала Наташа.

Петр не стал играть с соболем в «кошки-мышки», прицелился в голову зверька и выстрелил. Темный комочек сорвался с сука и медленно стал падать. Петр подбежал к стволу и поймал зверька. Одновременно с ним за соболем сделал прыжок Азарт. В его пасти оказалась рука хозяина, которую он мгновенно отпустил, не причинив боли.

Белка после выстрела перепрыгнула на соседнее дерево и ушла верхом подальше от беды.

Протягивая Наташе теплого безжизненного соболя, Петр сказал:

– Получай свою первую добычу.

Она взяла его в руки и посмотрела на помутневшие глаза. Ей стало до боли в сердце жаль зверька. Совсем недавно он смотрел любопытными живыми глазами и вот поплатился своей жизнью из-за ценного меха. Она решила больше никогда не ходить на охоту, но Петру ничего не сказала. Видимо, он был прав, когда сказал, что не женское дело бегать по тайге.

На следующий день Петр решил поставить капканы на путике за избушкой - переночевкой, расширить площадь охоты. У него был свой метод лова в капканы соболей. Обычно охотники примораживают на язычок капкана кишки боровой дичи или кусочек рыбы и устанавливают их в местах обитания зверьков. Петр заметил, что иногда соболь, подойдя к капкану, заметив его и учуяв запах металла, не льстится на дармовую еду. Он ставил капканы на ветку дерева, а над ним к другой ветке привязывал на шнурке голову тетерева или глухаря. К дереву приставлял палку, чтобы соболю было удобно забраться с земли на ветку, на которой стоит капкан. В этом случае все внимание зверька сосредоточено на висящей добыче и он не обращает внимания на стоящий под его ногами капкан.

Добравшись до избушки, Петра постигло разочарование, всю его рыбу на крыше избушки съела и растащила росомаха. Вокруг избушки повсюду были ее следы. Он крикнул Азарта и приказал искать разбойницу. Следы были очень старые, и собака не могла взять след. До темноты Петр бродил в окрестностях избушки, но свежих следов пакостного зверя не нашел.

Раздавшийся лай Азарта обрадовал Петра как никогда. Ему нужна была привада для капканов. Он поспешил на лай. «Хоть бы Азарт лаял на глухаря, а не на белку», – думал он, осторожно подходя к дереву, под которым увидел собаку. Добыв глухаря, настроение Петра улучшилось. «Теперь можно будет ставить капканы, – думал он, – а рыбу принесу в следующий раз».

Возвращаясь через два дня, Петр свернул в низину, по которой протекал ручей среди зарослей ивы, а по его берегам рос осиновый лес. Здесь было излюбленное место кормежки лосей. Спустившись по склону к ручью, он сразу же обнаружил в снегу наброды кормившихся утром лосей. Посмотрел по сторонам – Азарта не было видно. Кричать собаку, означало поднять с лежки отдыхающих днем зверей. Прикинув, что лоси должны лечь в осиннике или уйти по нему дальше по ручью, решил сделать круг вокруг осинника и убедиться, есть ли выходной след. Сделав большой полукруг и подойдя к ручью, убедился, что лоси остались в осиннике. Выругал про себя Азарта, который, видимо, убежал к избушке сообщить Наташе, что они возвращаются. Она всегда при возвращении из леса кормила его, и он привязался к ней. По опыту Петр знал, что подойти к группе лосей очень сложно, тем более, когда не знаешь точно, где они лежат. Они никогда одновременно все не дремлют. Их уши-локаторы улавливают шум шагов на большом расстоянии. «До завтра лоси не уйдут», – подумал он и направился к избушке, чтобы утром вернуться с Азартом.

Наташа его встретила вопросом:

– Азарт давно прибежал, у тебя что-нибудь случилось?

– У меня все в порядке, - ответил он, ставя в угол ружье.

Сняв верхнюю одежду и повесив ее на гвоздь, сказал Наташе:

– По пути встретил следы лосей. Утром пойдем на охоту втроем.
– Я что буду делать на лосиной охоте? – удивилась Наташа.
– Азарта возьмем на поводок, твоя задача будет спустить его с поводка, когда я скажу.
– Садись к столу, – сказала Наташа, – ужин давно тебя ждет, три дня, наверное, питался всухомятку?
– Когда еду запиваешь чаем, это уже не сухомятка, – ответил он.
Петру не нужно было приглашение, он проголодался за день и, усевшись за стол, взял ложку в ожидании, когда жена нальет ему в тарелку суп.
Подождав, когда Петр немного насытится, Наташа, как всегда, попросила:
- Теперь рассказывай, что у тебя было интересного?
– Интересного ничего не было, а вот неприятности были.
– Какие неприятности? – насторожилась Наташа.
– Росомаха съела всю рыбу, которую я занес в избушку для привады.
– Как она могла съесть почти полмешка рыбы? – удивилась она.
– Наверное, пировала не один день, – ответил Петр.
Утром охотники направились к месту обнаружения следов лосей. Азарту не нравилось идти на поводке, он привык к свободному передвижению по тайге и постоянно тянул в сторону Петра, которому приходилось его сдерживать. Прибыв в намеченное место, Петр передал поводок Наташе и сказал:
– Держи крепче, чтобы не сорвался раньше времени.
Затем снял с руки часы и протянул жене со словами:
– Азарту расстегнешь ошейник ровно через полчаса, я за это время займу место на пути движения лосей. Сама сразу же поднимайся вверх по склону и что-нибудь кричи, чтобы лоси не пошли в ту сторону.
– Что надо кричать? – спросила Наташа.
– Что угодно, только громко. Можешь даже песни петь, – ответил Петр.
Оставшись одна, Наташа не испугалась, ей не впервые бывать в тайге, но все-таки какое-то тревожное беспокойство подкралось к сердцу. Она присела к собаке и стала ее гладить. Это ее не успокоило. Азарт нервничал в ожидании, когда его отпустят с поводка, и на ласку хозяйки не реагировал.
Петр по своему вчерашнему следу сделал полукруг около осинника и, убедившись, что выходного следа зверей нет, присел за стволом дерева, проверил заряженное ружье и стал ждать. Вскоре раздался яростный лай Азарта и топот многих копыт. Вдоль ручья к нему, как на крыльях, летели лоси, вздымая копытами клубы снега за собой. Он увидел семерых лесных великанов. Головы двух передних были украшены массивными рогами. «Этих не стрелять, – мелькнула у него мысль, - мясо жесткое». Прицелившись в грудь третьего, нажал на спусковой курок. Прогремел выстрел, лось споткнулся и повалился на бок. Руки моментально перевели ружье на следующего лося, но Петр не стал стрелять. Он решил, что одной туши вполне достаточно для питания в охотничий сезон. В это время лось поднялся и запрыгал на трех ногах, пуля попала ему в лопатку и не повредила жизненно важных органов. Подоспевший Азарт остановил раненого зверя: лая взахлеб, крутился перед его головой, пытаясь вцепиться в морду. Лось поднимался на задние ноги и бросался на собаку, стараясь попасть в нее передней

здоровой ногой. Второй выстрел прекратил этот поединок. Петр охотничьим ножом перерезал горло, чтобы выпустить кровь, и пошел за Наташей. Он не сказал ей, чтобы после выстрела шла к нему. Азарт с наслаждением лакал теплую солоноватую кровь зверя.

Обогнув осинник, Петр увидел идущую к нему жену. Она сама догадалась, что после выстрела ее роль в охоте закончилась, и пошла в сторону выстрела. Подойдя к нему, спросила:

– Я громко кричала?

– Очень хорошо кричала, – ответил он, хотя крика ее не слышал.

Подойдя к лосю, Наташа удивилась:

– Какой большой и красивый. Тебе не жалко его?

– Жалко, но очень сильно кушать хочется.

– Давай перекусим, я положила в твой рюкзак еду.

– Сегодня у нас с тобой на обед будет жареная печенка, а завтра я угощу тебя лосиной губой.

– Почему завтра, а не сегодня, – спросила Наташа.

– Ее надо опалить паяльной лампой, а потом долго варить.

Петр сходил за хворостом, развел костер и поставил над ним котелок со снегом для чая. Затем сходил еще раз за хворостом, бросил его около костра и сказал Наташе:

– Садись на хворост и поддерживай наш семейный огонь, а я займусь своим делом.

Наташа улыбнулась, ей приятно было слышать такие слова от мужа, Повинуясь его воле, присела на хворост и залюбовалась пламенем костра. Языки пламени, обтекая котелок, обнимали и ласкали его. Она сравнила себя с котелком, а Петра с пламенем, посмотрела на его спину, склоненную над тушей лося, и подумала: «Без этого человека я не смогу жить».

Для бывалого охотника освежевать тушу зверя дело недолгое. Петр уже успел снять с лося шкуру, выпустить кишки и вынуть внутренности. Разрубленную на четыре части тушу бросил подальше от кишок в снег. Он позвал Азарта и предоставил ему возможность заняться кишками. Азарт давно ждал этого момента, на его счету уже не один разорванный желудок зверя. Он острыми зубами отрывал куски желудка, тряс их, чтобы освободить от прилипшей пищи лося, и проглатывал. Из лосиной утробы вывалилась зеленоватая масса пережеванных веток и коры.

Петр срубил острым ножом с дерева несколько тонких веток, нанизал на них кусочки печенки и подошел к костру.

– Наташа, – обратился к жене, – подержи шашлык, я подготовлю для него костер.

Он сдвинул палкой костер немного в сторону, оставив на месте раскаленные угли, затем воткнул в снег палочки, поместив печень над углями. Нежное мясо стало быстро менять свой цвет, на нем закипел, выделяемый сок с кровью. Повернув кусочки печени несколько раз разными сторонами к углям, Петр воткнул палочки с готовой печенью в снег перед Наташей и произнес:

– Обед подан, прошу попробовать.

Она нерешительно взяла одну палочку в руку, подула на печень и немного откусила. Печень была нежной и сочной.

– Очень вкусно, – сказала она, – мне не привычно есть без хлеба, я сейчас достану его из рюкзака.

В это время почти над их головами раздался крик ворона. Крупная черная птица, делая высоко над лесом круги, громкими гортанными звуками созывала сородичей на пир.

– Не первый год охочусь, – начал говорить Петр, – и всегда удивляюсь: стоит только добыть зверя – ворон тут, как тут.

– Не говори, что он прилетел сразу, мы здесь уже больше получаса, – возразила Наташа, взглянув на часы, которые дал ей Петр.

– Наверное, умная птица прилетает на звук выстрела, – согласился Петр с доводами жены.

– Посмотри, Петя, их летает уже трое.

– Скоро соберутся со всей округи, мясо без присмотра оставлять нельзя, – сказал Петр, – вмиг растерзают.

Насытившись печенью, Петр стал готовиться в путь. Он вырезал из головы язык, отрезал губу, и самые деликатесные части добычи сложил в рюкзак. Затем положил на шкуру две части туши зверя, стянул концы шкуры шнуром, чтобы мясо на подъемах не скатилось в снег, привязал постромку к передней части шкуры и импровизированные сани готовы в путь.

– Азарт, ко мне, – крикнул собаку, надел на нее ошейник и привязал к дереву недалеко от мяса.

– Ты хочешь здесь оставить Азарта? – спросила Наташа.

– Без него воронье расклюет все мясо к моему возвращению за остатками, - ответил Петр.

Он погладил собаку по голове и сказал:

– Ждать меня, к мясу никого не подпускать.

Азарт смотрел в глаза Петру и вилял хвостом.

– Ты думаешь, он тебя понял? – спросила Наташа.

– Думаю, что понял, во всяком случае, пока он сидит около мяса, вороны побоятся подлететь.

Петр перекинул шнур через плечо и легко сдвинул с места груз, Наташа последовала за ним.

Около избушки Петр отрубил несколько кусков жирной грудинки с хрящами для приготовления ужина Наташей, мясо поднял на лабаз и отправился с нартами за остальным мясом.

Вернулся в избушку он уже в потемках, по дороге завез голову лося в облюбованное место для привады мелких хищников.

На ужин Наташа налила в миски наваристого супа и положила по большому куску жирной лосиной грудинки.

Откусывая кусочки мяса и запивая их бульоном, она сказала:

– Грудинка для меня – самое вкусное мясо, из мякоти никогда не сваришь такого вкусного супа.

– Погоди немного, я сейчас поем и опалю губу, завтра ты сравнишь, что вкуснее: грудинка или губа.

– На улице темно, как ты будешь палить губу.

– От паяльной лампы вполне достаточно света.

В следующий день на ужин была отварная губа. Петр наблюдал за выражением лица жены, которая с удовольствием откусывала жирное мясо с прослойками тонких мягких белых хрящей. Еда явно доставляла ей удовольствие. Подождав, когда она закончила еду, спросил:

– Теперь скажи, что вкуснее: грудинка или губа?

Наташа улыбнулась, она ожидала такой вопрос, и сказала:

– Конечно, губа вкуснее, но каждый кусок мяса годен для своей цели: из губы не сваришь суп, а из грудинки не приготовишь котлеты.

Потянулись, казалось бы, однообразные дни. Петр через день обходил два путика с расставленными капканами, Азарт помогал добывать ему белок, иногда загонял на дерево соболей. На самом деле, каждый день приносил разнообразие в жизни, оставлял в памяти незабываемые впечатления. То в капкан около реки попадет крупная темно-коричневая норка, то в один день попадутся ярко-желтые пушистые колонки.

В феврале зима не поскупилась намести снега выше колена, Азарт не мог передвигаться шагом, он делал прыжки, выныривая из снега, и скоро уставал. Петр перестал его брать с собой на обход капканов.

Как-то утром пурга резвилась за окном, бросая мягкие снежинки в стекло, раскачивала вершины деревьев, которые, ударяясь друг о друга, аккомпанировали ее завываниям. Петр решил в этот день не ходить в тайгу, а провести в избушке с Наташей. До его слуха донеслось царапанье в дверь Азарта.

– Наверное, проголодался, – сказал он жене, – пойду, покормлю.

Петр взял миску с приготовленным кормом и вышел за дверь. Азарт обрадовался хозяину, крутился около его ног и усиленно вилял хвостом. От предложенной еды отказался, отбежав в сторону.

– Не хочешь, как хочешь, – сказал Петр и вернулся в избушку.

Царапанья в дверь повторились.

– Не пойму, что надо собаке, – сказал Петр и вновь вышел за дверь.

Увидев хозяина, Азарт бросился ему на грудь, толкнул лапами и отбежал в сторону. Петр догадался, что собака зовет его с собой.

– Подожди немного, я оденусь, и ты мне покажешь, что случилось.

Войдя в избушку, Петр сказал Наташе:

– Азарт зовет меня в лес, видимо, что-то случилось, не заблудился ли в такую погоду человек, пойду, проверю.

Одевшись и взяв ружье, Петр вышел из избушки. Азарт обрадовался, увидев хозяина с ружьем, и прыжками по глубокому снегу направился в лес, Петр на широких лыжах следом за ним мял рыхлый снег. Под кронами кедров снег стал менее глубоким, Азарт пошел быстрее. Он держал направление по ветру и продвигался в сторону зарослей молодого пихтача. Когда Петр приблизился к пихтачу, в нем раздавался яростный и злобный лай Азарта. Перед Петром стояла сплошная стена хвойных ветвей с хлопьями снега. Он надел ружье на плечо

стволом вниз, чтобы не забить ствол снегом и, раздвигая ветки руками, стал продираться в сторону лая. Снег сыпался с ветвей ему на голову и за шиворот. Лай слышался уже совсем недалеко. Раздвинув очередной раз перед собой ветви пихт, он увидел на небольшой поляне лося, вокруг которого крутился Азарт. На каждое нападение собаки лось подставлял ему рога и пытался ударить копытами передних ног. В первое мгновение Петр схватился за ружье, но тут же остановился. «Зачем губить зверя, мяса у нас достаточно», – решил он. Раздвинув ветки, Петр крикнул во все горло:

– Азарт, ко мне!

Лось сорвался с места и бросился через заросли, поднимая за собой снежную завесу. Азарт увязался за ним.

Когда Петр вернулся в избушку, Наташа спросила:

– Зачем тебя звал в лес Азарт?

– Видимо, вблизи избушки прошел лось, Азарт его почуял и привел меня к нему.

– Ты добыл лося?

– Я напугал его, и он умчался сломя голову, Азарт увязался за ним.

– Ты оставил Азарта одного? – удивилась Наташа.

– По глубокому снегу он скоро выбьется из сил и вернется домой.

– Садись к столу, – сказала Наташа, – сегодня мы задержались с завтраком.

Азарт вернулся не скоро, уставшим и голодным, он всем своим видом показывал, что обижен на хозяина: не вилял ему хвостом и не ласкался.

10

Охотничий сезон давно закончился, но Петр не торопился выходить из тайги. Ему в этом году незачем было торопиться в поселок. Он ожидал хорошей погоды, чтобы Наташе легче был лыжный переход. Его одолевало неимоверное счастье в маленькой таежной избушке. С ним рядом находилась любимая жена, которая собиралась подарить ему ребенка. Его чувства к ней расцвели с новой силой, ему хотелось петь, плясать, носить ее на руках. Он не знал, как выразить свою радость, узнав, что станет отцом. Ему очень хотелось, чтобы Наташа родила сына. Часто мечтал, как будет обучать его охотничьим навыкам, уже видел его рядом с собой на охоте.

Наташа смотрела на его счастливое лицо, и его радость передавалась ей.

– Петя, кого ты хочешь, чтобы я тебе подарила? – спрашивала она мужа.

Он подходил к ней, обнимал, целовал и говорил на ухо:

– Конечно же, сына, но буду рад любому ребенку, а лучше роди мальчика и девочку.

На лице Наташи расцветала улыбка, она была счастлива видеть радость на лице мужа.

В начале марта установилась теплая погода. После метелей природа радовалась солнцу, которое своими лучами щедро заливало вершины хвойных деревьев, заснеженную поверхность озера и необозримые просторы тундры. Снег еще не

таял, его поверхность темнела и уплотнялась. По утрам стояли небольшие морозы, днем температура воздуха приближалась к нулю градусов.

– Завтра пойдем в поселок, – сказал Петр Наташе, – надо собираться.

Она хорошо понимала, что пора расставаться с таежной жизнью, тем более, что ей через несколько месяцев предстоят роды, но сказала:

– Петя, мне здесь было очень хорошо, я готова прожить здесь всю жизнь.

– Мы обязательно сюда вернемся и не один раз, – ответил он.

Ранним утром, погрузив на нарты палатку, спальные мешки, добытую пушнину, пищу для себя и собаки, они тронулись в дальний путь. Азарт, отдохнувший после охоты, умчался вперед.

– Ты посмотри на этого пса, – сказал Петр, – он понял, что мы собрались домой и умчался в нужном направлении.

Петр, перекинув через плечо лямку от нарт, легко шел на широких охотничьих лыжах без палок. Он, как любой охотник, привык ходить всегда с ружьем в руках, чтобы в любой момент оно было готово к выстрелу. Наташа шла рядом с лыжными палками в руках. Их специально для нее изготовил Петр, чтобы ей было устойчивее держаться на ногах и случайно не упасть. Он беспокоился о своем будущем ребенке, решил более тридцати километров в день не проходить, делал небольшие привалы и длительную остановку на обед. Торопиться было некуда, и они прекрасно проводили время у костра. По вечерам он устанавливал палатку на толстый слой заготовленного им лапника, готовил чай, разогревал мясо, и они, сидя перед костром, вели разговоры о своем будущем ребенке.

– Как назовем ребенка, если родится мальчик? – спрашивала Наташа.

– Мне хочется назвать его Мишей в честь моего дяди Михаила. Кроме того, это имя отождествляется с лесным великаном-медведем. Он у нас должен вырасти крепким, здоровым и сильным.

– Как его папа, – добавляла Наташа его тоном и спрашивала:

– А какое имя дадим, если родится девочка?

– Для девочки я предоставляю тебе право выбора имени.

Наташа давно уже решила, что девочку назовет в честь своей матери. Поэтому, не задумываясь, ответила:

– Если ты не возражаешь, я бы назвала дочку Анной.

– Хорошее имя, – согласился Петр.

Они долго сидели у костра, строили планы на будущее, любовались звездным небом. Некоторые звезды подмигивали им, изредка срывались со своего места и, очертив яркую дугу, прекращали свое существование.

– Говорят, что у каждого человека на небе есть своя звезда? – спросила Наташа, – какая звезда моя, как ты думаешь?

– Наверное, самая яркая, – ответил Петр.

– А что будет, если она сорвется и сгорит, как только что упавшая звезда?

Петр не знал, что ей ответить и сказал:

– Давай думать о земной жизни, нам пора ложиться спать.

Он нагрел у костра спальный мешок Наташи, предложил ей снять верхнюю одежду и залезть в теплый мешок.

Только на третьи сутки подошли они к поселку. По улице бежала стая собак, справляя свадьбу. Азарт незамедлительно присоединился к рычащей компании и исчез в переулке. Из труб домов поднимался белый дым, в воздухе стоял аромат выпекаемого кем-то хлеба и запах скота, доносившийся из стаек соседних дворов. За зиму Наташа и Петр отвыкли от сельского воздуха, и эти запахи казались им очень резкими.

На скрип полозьев нарт на крыльцо вышла Эмма.

– Наконец, прибыли, – радостно заговорила она, – мы уже начали беспокоиться – не приключилась ли какая беда. Заходите скорее в избу.

Наташа последовала за свекровью, а Петр принялся разгружать нарты.

Свекровь смотрела на лицо невестки и не могла понять, какие изменения произошли в ней. Когда Наташа сняла верхнюю одежду и осторожно пошла к печи, Эмма заметила, что фигура ее округлилась, исчезла тонкая талия.

– Наташа! – обрадовавшись, произнесла она, - ты в положении?

– Как видите, матушка.

Эмма подошла к невестке, обняла ее и поцеловала в щеку.

– Поздравляю! Я очень рада. Садись к столу, с дороги, небось, проголодалась, я мигом накрою стол.

Когда Петр вошел в дом, мать и Наташа сидели за столом и о чем-то беседовали. На его голос из своей комнаты вышел отец и, протягивая сыну руку, произнес:

– Здорово, охотник, фарт был?

– О каком ты фарте говоришь? – вмешалась в разговор Эмма, – вот его главный фарт сидит рядом со мной.

Она положила руку на плечо невестке и осторожно прижала ее к себе.

Петр ответил отцу:

– Добыл пушнины не меньше, чем в прошлом году.

– Значит, молодая жена не помеха охоте, – удивился отец.

– Наоборот, – ответил Петр, – она мне во всем помогала. Приду, бывало, вечером голодный, а она уже ужин приготовила. На следующий год обязательно возьму с собой.

– Не думай даже, – сказала Эмма, – куда ты возьмешь ее с маленьким ребенком, не разрешу.

Петр удивился твердости матери в этом разговоре и больше не поднимал эту тему.

Эмма во всем опекала невестку, освободила от любой тяжелой работы. Наташа шила распашонки для будущего ребенка, готовила пеленки и подгузники. В те годы в магазине не продавались ползунки и памперсы, все приданое для ребенка матери готовили сами.

В июне на Енисее стали раздаваться звуки, похожие на тяжелые вздохи, могучей реке стало тесно под толстым панцирем льда. Затем послышались громкие взрывы ломающегося льда. Река напрягла свои силы, как сказочный богатырь приподнялась и разорвала на себе ледяную рубашку. С шумом и треском пошел по Енисею ледоход, вода поднялась в реке на несколько метров. Река сокрушала все на своем пути, подхватывала оставленные на отмелях старые лодки и уносила с собой, разливалась вширь по низким местам, заносила туда огромные льдины,

которые, зацепившись за деревья, оставались в лесу на все лето. Течение всех рек, впадающих в Енисей, пошло вспять, заливая берега, пополняя водой многочисленные болота и озера.

После ледохода наступили теплые дни, прилетели перелетные птицы, на затопленные берега устремились косяки разных пород рыб на икромет, начался весенний сезон охоты на селезней и гусей.

Петру было не до охоты, он готовил моторную лодку: настало время отвезти жену в фельдшерско-акушерский пункт за пятнадцать километров. В их поселке не было даже фельдшера.

Наташа собрала в узелок приданое для ребенка, положила его на кровать и села рядом с ним, положив на узелок руку.

В этой позе ее застала Эмма и предложила:

– Пойдем перед дорогой посидим на лавочке, погреемся на солнышке.

Они вышли за калитку и уселись на лавочке. К ним подошли две соседки, беседующие у калитки соседнего дома, и примостились рядом на лавочке. Одна, взглянув на Наташу, обратилась к Эмме:

– Не пора ли тебе отправлять невестку к акушерке?

– Сегодня Петя увезет ее, – ответила Эмма.

В это время мимо них проходила Ксения. Остановившись, поздоровалась и спросила:

– Почему среди вас Петра не видно?

– Он лодку готовит к отплытию, – ответила Эмма.

– Что-то не видела его около лодок, – лукаво произнесла Ксения, - наверное, опять нырнул к Татьяне.

Довольная своей шуткой, Ксения с ухмылкой продолжила свой путь.

От этих слов подруги Татьяны у Наташи что-то оборвалось внутри, помутился разум. «Значит, он по-прежнему любит Татьяну, а меня обманывает», - пронеслась мысль у нее в голове. Она вспомнила поцелуй Татьяны на свадьбе. «Раз так, я не буду мешать их любви», – мелькнула опять мысль в ее голове. Она поднялась с лавочки и пошла в дом. Взяла узелок с приданым, прижалась к нему лицом, и горькие слезы потекли из ее глаз. Затем достала из кладовки ружье «Белка», зарядила нарезной ствол мелкокалиберным патроном, села на пол к стене, положила узелок на колени и выстрелила в область сердца. Она хотела попасть в сердце, но пуля прошла мимо.

На выстрел в дом прибежала Эмма и увидела невестку, сидящую на полу, а рядом с ней ружье. Она опустилась на колени, увидела кровавое пятно на груди Наташи и запричитала во весь голос. На ее душераздирающие вопли вбежали соседки. Никто не знал, что делать. Следом за ними на пороге появился Петр. Он опробовал мотор лодки и пришел, чтобы везти жену на роды.

– Что случилось? – спросил он.

Женщины расступились, и он увидел Наташу на полу. Рядом лежали узелок с приданым и ружье. Быстро оценив обстановку, бросился к жене, встал на колени и пощупал пульс на шее. Пульс слабо бился. «Она жива», – крикнул он и разорвал у нее на груди платье. Из небольшой раны сочилась кровь. Оторвав от платья кусок окровавленной материи, прижал его к ране. Кровь перестала сочиться.

– Мама! Дай мне бинт, – крикнул Петр.
– У нас нет бинтов, – ответила она.
– Оторви полосу от чистой простыни.
Петр туго перебинтовал рану Наташи, поднял на руки и перенес на кровать. Положив руки на ее щеки, громко сказал:
– Наташенька, дорогая, не умирай, я побегу в контору и вызову врачей из Туруханска. Ты меня слышишь?
Она лежала с побелевшим лицом, как полотно, и молчала. Он выскочил из дома и понесся по улице, что было силы. Запыхавшись, влетел в контору и потребовал у радиста вызвать Туруханск.
– Что случилось? – спросил радист, – напиши на бланке радиограмму.
Петр написал: «Пулевое ранение человека, срочно вышлите врачей». Дождавшись, когда радиограмма была отправлена, помчался домой. В те годы телефонной связи с райцентром не было, о мобильных телефонах еще никто не слышал.
Прибежав домой, Петр опустился на колени перед кроватью и стоял, не отходя от нее ни на минуту. Наталья лежала неподвижно, как мумия. Он положил руку ей на грудь и почувствовал слабое дыхание и биение сердца. У него появилась надежда, что она останется живой. Из него рекой полились слова, которые раньше говорил ей редко: «Любимая, дорогая, ненаглядная, зачем ты это сделала?»
– Будь счастлив, – прошептала Наташа.
Она хотела еще что-то добавить, но не смогла. Даже перед смертью ее мысли были о Петре.
Через сутки она скончалась. Петр закрыл ей глаза, опустил голову на ее грудь и зарыдал громко по-мужски, плечи вздрагивали, из глаз катились слезы. Его охватило непоправимое горе, яростная злость на мотор, который плохо заводился после зимы и на того человека, который довел жену до самоубийства. Он понимал, что Наташа не могла без причины наложить на себя руки. Ему вспомнились ее слова, повторяемые много раз, что она не сможет жить без него. Когда поднялся на ноги, мать не узнала сына. Она увидела его страшные глаза и поседевшую за одну ночь голову.
– Кто это сделал? – спросил он, глядя в упор на мать обезумевшими глазами.
Эмма испугалась за себя и за сына. Она никогда не видела его в таком невменяемом состоянии. Ей пришлось рассказать о словах, брошенных между прочим Ксенией.
– Убью! Задушу собственными руками, – взревел Петр, выскочил из дома и бросился бежать к дому Ксении.
Во дворе застал ее братьев.
– Где Ксения? – спросил срывающимся на крик голосом.
– Не знаем, – ответил младший брат, стоявший на пути Петра к двери дома. Петр, как котенка, отшвырнул его в сторону и, взбежав на крыльцо, открыл дверь.
– Выходи, дрянь поганая! – закричал во все горло.
В доме было тихо. Тогда он вошел в дом и осмотрел все комнаты. В доме никого не было.

Братья стояли молча, не связываясь с Петром. Они вчера увезли сестру в лес и спрятали в избушке.

Осмотрев дом, Петр побежал к бане. Там Ксении не было, он вернулся и обследовал хлев. Покидая братьев, пригрозил:

– Найду вашу сестрицу – задушу.

Братья понимали, что Петр не шутит, они знали его крутой нрав. Через несколько дней они тайком увезли сестру в соседний поселок и отправили на теплоходе в Красноярск к родственникам.

От дома Ксении Петр направился в дом ее подруги Татьяны, надеясь застать виновницу трагедии там.

– Ксения у тебя, – вместо приветствия спросил он.

– Ее здесь не было, – ответила Татьяна, – проходи в дом, убедись сам.

Видя состояние любимого человека, ей стало жалко его, и у нее навернулись на глаза слезы. Это не ускользнуло от внимания Петра. Татьяна больше не проронила ни слова, понимая, что не время разговаривать с ним.

Вертолет с врачами прилетел из Туруханска только через два дня. Они констатировали смерть и просили не торопиться с похоронами, пока не прилетит следователь.

Наташу похоронили на окраине поселкового кладбища. На лесной гриве разбросаны могильные холмики. Стоят кресты, как люди, раскинув руки, охраняя покой умерших. Петр заказал шестиконечный крест из лиственницы и сам установил его на могиле любимой жены. Этот крест и поныне возвышается птицей над низкими крестами и памятниками с красными звездочками.

Петр был воспитан в школе атеистом, но относился с уважением к вере жены, которая крестилась двумя перстами. Он каждый день приходил на могилу, подолгу разговаривал с Наташей, как с живой. Припадал грудью к могильному холмику и отдавался своему горю. К его горлу подкатывался комок горечи и печали, из глаз катились слезы.

Постепенно увяла трава на дерне, которым был обложен холмик, с берез падали желтые листья и укрывали могилу перед наступающими холодами и снегопадами. Уныло и тоскливо на кладбище осенью. Ветер срывал листья с беззащитных берез и оставлял их раздетыми перед наступающими морозами.

Петр продолжал каждый день приходить к могиле. Он сильно изменился. Лицо заросло щетиной, глаза затуманились, веки припухли. Слегка покачиваясь, садился у могилы и доставал из внутреннего кармана нераспечатанную бутылку водки. Обращаясь к могиле, говорил:

– Милая Наташа, я потерял себя, мне не мил белый свет без тебя. Я не нахожу себя в этом мире, пытаюсь залить горе водкой, но не получается. Понимаю, что ты бы осудила меня, но ничего не могу с собой поделать.

По тайге разнесся трубный голос сохатого, призывающего соперника на поединок, но Петр ничего не слышал. Он выпил из горла бутылки несколько глотков водки, поднялся на ноги и, пошатываясь, побрел по лесу к болотам, где собирал с Наташей на гриве бруснику, где был счастлив и носил ее на руках. Далеко отойти не удалось, он споткнулся и упал на моховую подстилку леса. То ли во сне, то ли в бреду, он сидел с Наташей у костра, угощал ее запеченным на

костре тетеревом, обнимал и целовал. Затуманенный водкой мозг перенес его воображение в охотничью избушку, где он впервые в жизни был по-настоящему счастлив. В памяти возникали одна за другой сцены из их совместной жизни. Водка помогала ему уйти от реальной жизни и вернуться в прошлую счастливую жизнь. Домой он вернулся только утром, протрезвев на холодной земле.

В поселке начали поговаривать, что на Петра нашло помутнение, ходит он как неприкаянный, постоянно пьяный.

Дождавшись, сорока дней, Петр с ближайшими родственниками помянул Наташу, сел в лодку и помчался на предельной скорости к своей таежной избушке. Он не мог оставаться среди людей, ему хотелось одиночества, чтобы остаться наедине со своими чувствами и горем.

Мотор ревел, разгоняя волны к берегам Дупчеса, которые с плеском накатывались на каменистые отмели. Казалось, что Петр мстил мотору за то, что тот закапризничал в тот момент, когда ему срочно надо было везти свою жену. Ненагруженная лодка высоко подняла над водой нос, готовая при бóльшей скорости взлететь над рекой.

В избушке он нашел порядок, оставленный Наташей. На чисто выскобленном ножом столе стояла чистая посуда, прикрытая перевернутыми котелками, до блеска очищенными от копоти. Его охотничьи принадлежности висели на гвоздях, вбитых в стены. Около двери на гвоздике висел ее передник в красных цветочках. Она забыла его или специально оставила до следующего охотничьего сезона. Ему показалось, что в избушке сохранился запах ее тела. Он упал на нары и предался воспоминаниям. Его горло сдавливал твердый комок, из глаз катились горькие слезы. Он вспоминал лучшие месяцы своей жизни, проведенные в этой избушке.

Потомок ссыльных

1

Весеннее солнце играло лучами на лужах длинной улицы Зверосовхоза. После недавно прошедшего дождя земля парила, в воздухе стояли привычные для села запахи, исходящие из дворов с коровниками, свинарниками и курятниками.

Только что прозвучал последний звонок, и ученики шумной гурьбой высыпали на улицу. Они радовались окончанию учебного года и началу каникул. Только Валентин не принимал участия в общем веселье. Он окончательно решил бросить школу, закончив шестой класс. До переезда сюда из Ворогово закончил там всего два класса.

Валентину не нравилось в совхозе все: улица с домами, построенными по линейке, свиньи, лежащие в грязи, куры, разгребающие конский навоз. Бескрайние поля с редкими колками за околицей наводили на него тоску. Его сердцу была милее природа крайнего севера с таежными дебрями, бескрайними просторами тундры, с многочисленными болотами и озерами. Он часто вспоминал могучий Енисей, несущий воды в океан, а здесь нет даже маленькой речки, чтобы искупаться или порыбачить. Там небо летом голубее, воздух свежее и чище, в нем

нет запаха пыли от проехавшего транспорта. Прирожденного охотника, которого родной дядя Михаил обучил всем тонкостям охоты, постоянно тянуло в таежные дали. Он вспоминал эпизоды охоты, иногда они снились ему во сне. До мельчайших подробностей помнил участие в охоте на медведя. Ему тогда пришлось сидеть на березе, и он с высоты наблюдал за всем происходящим у берлоги. Для него дядя Миша был героем, не спасовавшим перед выскочившим из берлоги зверем. Он давно для себя решил, что как только вырастет, обязательно поедет в Ворогово к дяде Мише.

2

После войны в совхозе осталось трое мужчин: директор – инвалид войны и два старика тракториста. Весь тяжелый труд лег на плечи женщин и подростков. Закончив шесть классов, Валентин пошел работать на прицеп к пожилому трактористу. Мать уговаривала его закончить семь классов, чтобы получить свидетельство о неполном среднем образовании, но он категорически отказался. Семейная традиция продолжалась. Когда-то Мария сама, несмотря на уговоры своей матери, отказалась ходить в школу. В классе Валентин был переростком, его дразнили каланчой, за что обидчики всегда получали хороших тумаков от его увесистых кулаков. После таких потасовок приходилось выслушивать несправедливые нотации классного руководителя.

Работа Валентину нравилась, он прилежно всему учился. Вскоре освоил вождение трактора, а после зимнего ремонта двигателя знал устройство трактора досконально. В то время в совхозе было два трактора КТ-12, работающие на газе от сжигания в топках дров. Весной тракторист часто доверял Валентину пахать землю, а сам, приняв самогонки, укладывался на кучу прошлогодней соломы в тени берез беззаботно почивать. Неоднократно застав такую картину, директор совхоза увещевал старика как мог, но тот не изменял своей привычке. У него была болезнь с сильными болями, которые он не чувствовал в выпившем состоянии. К Валентину директор относился с уважительным покровительством. Когда Бог призвал пьянчугу в мир иной, директор доверил Валентину трактор. Другого выхода у него и не было.

В погожий день после страды Валентин и пожилой тракторист двумя тракторами тянули стог соломы, обхватив его стальным тросом. У старенького трактора деда из выхлопной трубы вылетали искры. Он не сразу заметил, что сзади загорелась сухая солома. Когда увидел пламя, заглушил двигатель, выскочил из кабины трактора и бросился затаптывать ногами огонь. На нем вспыхнула фуфайка, пропитанная маслами и мазутом. Тракторист упал на землю и начал кататься по ней, пытаясь погасить на себе пламя. В это время к нему подбежал Валентин, снял с себя фуфайку и затушил на напарнике огонь. Придя в себя от испуга, трактористы увидели, что трактор деда пылал факелом возле копны соломы, горящей ярким пламенем.

В совхозе остался один трактор. После завершения осенней страды Валентина направили в Сузун учиться на курсах механизаторов.

Учеба давалась ему легко, устройство трактора он давно изучил. В свободное от учебы время бродил по окрестностям поселка. Сузунский бор напоминал ему Туруханскую тайгу. Валентин забирался в его глубь, чувствуя родную стихию, с наслаждением вдыхал воздух, пропитанный хвойным ароматом. Внимательно всматривался в каждое дерево, разглядывал лесную подстилку под ногами. Его охватило радостное чувство, когда с сосны, с шумом хлопая крыльями, сорвался крупный глухарь. Пролетев низом, виляя между стволами деревьев, он уселся на сук сосны. Проследив направление его полета, Валентин осторожно, прячась за стволами деревьев, подкрался к нему. Птица – великан сибирских лесов с бородой и красными бровями сидела на толстом суку во всей своей красе. Налюбовавшись птицей, Валентин подумал: «Глухарь не пуганый», – и продолжил изучать лес.

Под густыми кронами сосен, через которые с трудом проникают солнечные лучи, он набрел на моховую поляну, вспучившуюся множеством бугорков. Сдвинув мох с одного бугорка, он увидел крупный сырой груздь. Его шляпка раструбом, наполненная влагой, уже потемнела. Гриб давно перерос. Валентин обвел взглядом поляну. Грибы под моховым покровом росли рядами, как на грядках.

Возвращаясь в училище, он набрел на бугристый участок леса. На буграх не росла трава, их поверхность покрывала хвойная подстилка. «Любимое место для белых грибов», - подумал Валентин. Его взгляд привлекли лосиные экскременты. Он определил, что здесь ходила лосиха с теленком.

После войны в Сузуне осталось мало охотников, лес изобиловал птицей и зверем, которых изредка можно встретить и в наши дни.

3

Застава на советско-польской границе соответствовала всем требованиям послевоенного времени. Она находилась на берегу озера, разделяющего два государства. В озеро впадал ручей, в его устье стояла баня и прачечная. Внутри ограды размещались казарма, дом для офицеров, столовая, пекарня, вольеры для служебных собак, конюшня, скотный двор. В центральной части на поляне проводилось построение солдат перед выходом на охрану государственной границы.

Капитан Клыков вышел из дома на развод караула и остановился на крыльце, вдохнул полной грудью свежий прохладный утренний воздух и посмотрел по сторонам. Ему показалась, что недавно появившаяся молодая трава, покрывающая территорию заставы, за ночь подросла. Утренняя роса на ней играла множеством алмазных блесков в лучах восходящего солнца. Он засунул большие пальцы рук за широкий офицерский ремень и расправил гимнастерку, сдвинув складки на спину. Затем осмотрел все строения и перевел взгляд на солдат, столпившихся в центре поляны. Капитан удивился, что солдаты не стояли в одну шеренгу, как обычно перед разводом, а столпились около лужи, образовавшейся после дождя в ложбине поляны. Подойдя к солдатам, увидел плавающих в луже крупных щук.

– Это что за представление? – строго спросил он, – рыба что, вместе с дождем свалилась с неба?

– Та ни, товарищ капитан, – ответил солдат Титоренко – це старшина, як Емеля, ведром из озера словил рыбу.

– Кто его на рыбалку отпустил?

– Та вин воду в баню таскал и словил рыбу. Теперь треба щукам загадать желание, чтоб они его срабили. Яко ваше желание будэ?

Капитан разделял интерес солдат к щукам, плавающим по траве в луже с темными спинами над поверхностью воды, и ответил:

– Я желаю, чтобы они оказались у повара на кухне.

– Як нэ романтычно, товарищ капитан, – сказал Титоренко.

Командир отделения подал команду: «В шеренгу по одному становись!»

Солдаты выстроились, готовые выслушать традиционное наставление командира.

Наряд шел дозорной тропой, вокруг знакомая картина, милая для сердца Валентина. Здесь лес, конечно, не тайга, но лучше чем луга, поля. С карабином в руках он чувствовал себя как на охоте. Постепенно вошел в роль охотника, представил себе, что идет по тайге и в любой момент может из-за деревьев показаться медведь или лось. Даже снял с плеча карабин и направил ствол вперед, а приклад взял под мышку. Его ноги осторожно ступали на тропу, чтобы не треснула ни одна сухая ветка. Впереди в небе показался табун гусей, летящий навстречу пограничникам. Не отдавая себе отчет, что делает, Валентин вскинул к плечу карабин, прицелился в гуся и нажал на спусковой крючок карабина. Как гром среди ясного неба прозвучал выстрел. Крупный гусь, подломив крылья и шею, падал на землю. Радость охватила Валентина. «Я попал пулей в летящего гуся, – думал он, – будет подарок к офицерскому столу».

На заставе, услышав выстрел, решили, что завязалась перестрелка с нарушителем границы, объявили тревогу, и группа пограничников помчалась на помощь дозору.

Лейтенант, задыхаясь от быстрой пробежки, увидев в руках пограничника гуся, обрушился длинной тирадой:

– Вы почему нарушаете устав? Это же ЧП на заставе. Капитан, наверное, доложил наверх о происшествии. Приедет комиссия, вас ждет трибунал.

– Товарищ лейтенант, – обратился к нему старослужащий пограничник, – капитан не будет докладывать, пока не выяснит причину тревоги. Пускай Петров бежит на заставу и доложит обстановку. Там и получит фитиль от капитана.

– Бегом! – закричал лейтенант срывающимся голосом.

За первый свой проступок Валентин получил трое суток гауптвахты, но очень сильно не тужил, утешая себя солдатской поговоркой: «Солдатской жизни тот не знал, кто гауптвахты не видал». Этот случай не стал уроком его охотничьей душе.

Однажды он с напарником был в секрете. Из хорошо замаскированного места среди леса наблюдали за пограничной полосой. Стояла предутренняя тишина, луна бледным светом освещала приграничную распаханную полосу. Постепенно начинало светать, луна поменяла свою окраску. Из желтой стала белого цвета. Солнце выглянуло из-за горизонта, оповещая о начале нового дня. В лесу еще стоял полумрак, деревья не выспались за короткую летнюю ночь и дремали в утренней неге. По тропе, проходящей около секрета, послышался отдаленный

шорох. Валентин напряг слух и сжал в руках карабин. Постепенно непонятный шум перешел в четкий звук приближающихся шагов. Кто-то тяжелой походкой шел по тропе прямо на секрет. У него возникло желание позвонить на заставу. Телефон, спрятанный под пнем, находился на расстоянии вытянутой руки. Эту мысль тут же отбросил, решив, что если он будет кричать в трубку, нарушитель услышит его голос и скроется. С приближением шагов в Валентине росло напряжение. Он вспоминал уставные слова, которые надо произнести при задержании нарушителя границы. Шаги раздавались уже совсем рядом. И вот на просеку вблизи секрета выходит властелин местных лесов - красавец лось. Его голову украшали лопатообразные рога с десятком отростков. Загривок казался горбом на мощном развитом крупе, загнутая вниз верхняя губа казалась мощным клювом.

Валентина обуяли страсти охотника. Не думая о последствиях, вскинул к плечу карабин и выстрелил в лопатку лося. У могучего зверя подкосились ноги, и он рухнул на землю. Хлесткий выстрел, как щелчок кнута пастуха, нарушил утреннюю тишину. Эхо понеслось вдоль границы, оповещая заставу об очередном происшествии. От неожидаемого выстрела напарник Валентина испугался, повернулся к нему и произнес:

– Что ты делаешь?

– Не видишь разве? Добыл лося.

– Начальство тебя по головке не погладит.

– Чему быть, того не миновать.

– Звони скорее на заставу, пока тревоги не объявили.

С тревожным волнением в груди Валентин доложил на заставу, что лось хотел перейти границу и скрыться в чужом государстве, его попытку пришлось предотвратить выстрелом. В конце сумбурного доклада попросил прислать телегу за мясом.

К приходу вызванной телеги Валентин успел освежевать зверя и разделать на части. Приехавшие на телеге пограничники с любопытством смотрели на массивную голову с рогами. Им никогда не доводилось видеть лося.

Въехавшую на территорию заставы телегу встречали все свободные от дежурства пограничники. Вышли из своего дома и капитан с лейтенантом.

– Який бугай був, – удивлялся Титоренко, разглядывая привезенные части мяса лося.

– Туша больше, чем у хорошей коровы, – поддержал его кто-то из пограничников.

– Что будем делать? – спросил лейтенант у начальника заставы.

– Мясо на кухню, а старшине объяви выговор, чтобы его пример не был заразительным.

В тот день повар приготовил на обед суп из жирной грудинки и котлеты из лосятины. В столовой пограничники с удовольствием ели новые блюда. Им изрядно надоела однообразная пища из консервов и каши. Они обсуждали событие дня, в их глазах Валентин выглядел героем, но это его от наказания не спасло.

Как-то, находясь в дозоре, Валентин с напарником продвигались вдоль болота. Его взор привлекли голова и спина лосенка, торчащие из болотной трясины. Поверхность болота, заросшая невысокой травкой, походила на зеленую лужайку. «Как он туда попал?» – подумал Валентин и посмотрел по сторонам. Лосихи нигде поблизости не было видно. Он знал, что встреча с разъяренной матерью лосенка ничего хорошего не сулит. Долго не размышляя о том, как лосенок оказался в трясине, решил его спасти. Настоящий охотник не только добывает дичь, но при случае всегда готов придти ей на помощь. Валентин передал карабин напарнику и осторожно ступил ногой в болото. Сапог увяз в иле, сделав второй шаг, понял, что добраться до лосенка не сможет. Он попытался повернуть назад, но ил не выпускал из своих объятий его сапоги.

– Сруби толстую ветку и передай мне палку, – попросил напарника.

Когда Валентин выбрался на сухое место, товарищ спросил:

– Что будем делать?

– Не бросать же на верную смерть лосенка, – ответил Валентин и, вынув кинжал из ножен, висевших на поясе, начал рубить ветки и мостить ими гать к лосенку.

– Не стой истуканом, – сказал напарнику, – положи карабины на землю и помогай рубить ветки.

Когда гать была готова, подобрался к обессилевшему лосенку и попытался за шею вытащить его из трясины. Это ему не удалось. Чем сильнее он тащил лосенка, тем сильнее сам проваливался в трясину. Валентин вернулся на твердый грунт, срубил жердь, пристегнул к ней один ремень от карабина, из второго ремня сделал ошейник и скрепил его с первым ремнем.

Надеть на шею лосенка ошейник труда не составило. Вдвоем с напарником они вытащили из трясины малыша. Голодный и уставший он не реагировал на людей. Валентин взял его на руки и принес на заставу. Отбоя от любопытных посмотреть диковинного зверя не было конца. Каждый старался его чем-нибудь угостить. Лосенку предлагали траву, ветки от кустов, кору и листья осины, но он от всего отказывался. Наконец, смекалистый боец вспомнил, что в детстве его младших братьев кормили жеваным хлебом. Хлеб пришелся по вкусу лосенку. Со временем он стал щипать траву и обгладывать верхушки кустов. Каждый день не забывал подходить к окошку пекарни, где ему всегда была припасена краюха хлеба.

На заставе его все любили, стремились часто навещать, погладить шерсть и покормить. Он свободно гулял среди лошадей, те охотно приняли его в компанию своих жеребят. К своему спасителю лосенок преданно привязался, часами ходил за ним по пятам. По утрам до подъема старшина обходил пекарню, столовую, конюшню и заканчивал обход вольерой для собак. Лосенок, как адъютант, всегда следовал за ним, периодически получая кусочки хлеба.

В вольере Валентин открывал дверцу к своей любимой старенькой овчарке и заходил к ней. Она моментально поднималась с места, подходила к нему и вставала около левой ноги, как на смотре. Он гладил ее по голове и вспоминал эпизоды из совместной службы. Овчарка от избытка чувств виляла хвостом, давая понять, что готова ему служить. По возрасту ее давно списали, в списках она не числилась, аттестат на корм не выдавали, как для других собак. Валентину было жалко пускать в расход умного и преданного друга, он надеялся подыскать ей

хороших хозяев. Ему приходилось содержать ее нелегально и прятать, когда на заставу приезжали из отряда офицеры с проверками. В кормах собаки не знали недостатка. В обход обычного порядка, он часто вместо каши кормил собак лосиным мясом и вареной рыбой.

Начальство большого значения одной лишней собаке не придавало. Хозяйство у старшины всегда в хорошем состоянии, придраться к нему нет причин. Солдаты обуты и одеты по форме, питание лучше, чем на соседних заставах, жалоб на старшину никогда не было. Во всех делах сказывалась дедушкина хватка, не зря он был внуком кулака.

В родном краю

1

Теплоход медленно разворачивался и подходил к песчаной косе у мыса, выдвинутого в Енисей. На косе лежали перевернутые днищами вверх деревянные и дюралевые лодки «Казанки» и «Обь». Лучи осеннего солнца играли блестками на их днищах. На мысе раскинулся поселок Ворогово.

Валентин стоял у борта теплохода и с трепетом наблюдал знакомую с детства картину. Многие годы он мечтал попасть на свою родину. И вот перед ним родная, но изменившаяся панорама. В его детские годы ни у кого не было дюралевых лодок, а теперь их на косе больше, чем деревянных. Поселок разросся и вытянулся в сторону Дупчеса, захватив бывшие выпаса для скота. Как в прежние годы, на косе стояла толпа сельчан, встречающих теплоход. Он всматривался в лица людей, но не мог найти среди них знакомых. От этого стало немного грустно. После его отъезда выросло новое поколение людей, появилось много приезжих. «Может, меня кто-нибудь узнает», – подумал он, но сразу отбросил эту мысль. Уезжал он из Ворогово десятилетним мальчишкой, а возвращается взрослым мужчиной. С волнением спустился по трапу и ступил на родной берег. Поднимаясь по крутой тропе на высокий берег, думал: «Как давно я мальчишкой бегал по этой дорожке, кажется в другой жизни».

Дом дяди Миши отыскал легко, постучал в дверь и вошел внутрь. Поздоровавшись, остановился у порога. За столом сидели дядя Миша и его жена Мария – родная сестра Эммы. Мария смотрела с любопытством на незнакомого мужчину. Дядя Миша сразу узнал Валентина. Его трудно было не узнать. Лицом Валентин – вылитая копия своей матери. Нос с горбинкой, острый взгляд черных глаз, как смоль черные волосы.

– Валентин! Это ты? – произнес дядя, вставая из-за стола. Он сильно постарел, но был еще крепок и в силе.

– Конечно, я.

– Почему не сообщил, каким теплоходом прибудешь?

– Не хотел беспокоить, я дорогу до вашего дома еще не забыл.

Дядя и Валентин обнялись и расцеловались. Мария, моложавая подвижная женщина, быстро вышла из-за стола со словами:

– Присаживайтесь к столу, с дороги, наверное, проголодались, я мигом соберу на стол.

Разговор за столом длился до позднего вечера. Валентин рассказывал, как сложилась жизнь его матери и многочисленных братьев в Новосибирской области. Сам расспрашивал о родственниках в Ворогово и Зотино. Ему хотелось принять участие в охоте и рыбалке. В конце разговора дядя сказал:

– Староват я стал по тайге ходить, да и зверь в нашем краю после пожара не восстановился. Завтра поедем в Зотино к сестре Марии Эмме. Ее сын Петр, твой двоюродный брат, браконьер высшей гильдии. Вот с ним вдоволь поохотишься и порыбачишь.

Валентин не понял по интонации дяди, осуждает он Петра или одобряет. Во всяком случае обрадовался, что сможет побывать на охоте и рыбалке.

В разговор вмешалась Мария:

– Я еду с вами, давно не видела сестру Эмму.

– На прошлой неделе она была у нас, разве это давно? – пытался остановить свою жену Михаил, но не тут-то было.

– Для меня это вечность, – ответила она.

Сестры очень любили друг друга, часто общались, всегда всем делились. Чем можно делиться в тайге? Конечно же, рыбой и дичью. Выслушав перепалку супругов, Валентин сказал:

– До отъезда мне хочется побывать у памятника воинам, погибшим в войну. Ты, дядя, писал, что там есть фамилия моего отца?

– Конечно, есть, как я мог забыть своего родного брата, когда составлялся список погибших.

Утром, стоя у стелы с красной звездой наверху, Валентин нашел фамилию своего отца среди почти двухсот человек, погибших на войне. Он впился глазами в позолоченные буквы и пытался представить своего отца. В его памяти сохранились только проводы отца на фронт. На берегу Енисея собрались все жители поселка, каждая семья провожала в армию кого-нибудь из родных или близких. Женщины причитали, маленькие дети, глядя на них, плакали. Отец поцеловал своих детей, обнял жену и пошел к трапу парохода. Когда пароход дал гудок и отошел от песчаной косы, все побежали на высокий берег, чтобы дольше видеть уплывающий пароход. Мальчишки, в том числе и Валя, бежали по высокому берегу за пароходом, пока тот не скрылся за мысом. Тогда Валентин пятилетним мальчишкой не сознавал беды, обрушившейся не только на их поселок, но и на всю страну. Сейчас он представил трагедию того времени, горе матери, провожающей отца на фронт. Его душу надрывали воспоминания тяжелой детской поры. Михаил, заметив состояние племянника, тронул его за руку и сказал:

– Надо идти, скоро отходит автомашина в Зотино.

Хорошо наезженная дорога тянулась по гривам, их склоны заросли молодыми соснами. Старый лес давно был вырублен и сплавлен в Игарку. Валентин смотрел по сторонам и думал, что где-то здесь в начале тридцатых годов его деда Бутурлакина Александра Ивановича задрали волки. В те далекие годы ездили из

поселка в поселок только на лошадях, сегодня на автомашине проехать пятнадцать километров составляет несколько минут.

Эмма обрадовалась приезду сестры, бросилась ее обнимать, словно не виделась с ней вечность. Стройная худощавая фигура Марии скрылась в объятиях колоритной фигуры сестры.

– Не задуши мою жену, – нарочито грубо обратился Михаил к Эмме.

Только после этих слов Эмма выпустила из рук сестру и обратилась к гостям:

– Проходите, гости дорогие, как я рада, что вы приехали к нам, а то все я к вам наведываюсь.

На шум разговора из соседней комнаты вышли Петр и Татьяна. На лице Петра расплылась улыбка, когда увидел дядю и двоюродного брата. Он поздоровался за руку с дядей и, подавая руку Валентину, произнес:

– Ты как раз вовремя, поедешь со мной на рыбалку?

– Зачем я сюда приехал в отпуск? – вопросом ответил Валентин, – конечно, чтобы с тобой порыбачить и поохотиться.

Татьяна стояла, молча рассматривая брата мужа. Она впервые видела его, хотя о нем слышала много.

– Не стой столбом, – обратилась к ней Эмма, – беги в погреб и принеси тогунка.

Татьяна сорвалась с места и быстрым шагом направилась к выходу из дома. Под ее ногами зашатались половицы пола. Валентин смотрел в след плотной, широкой в плечах фигуре и думал: «Татьяна добилась своего. Она – полная противоположность Наташе, та была тихая и спокойная, эта бойкая и энергичная».

Вскоре стол был накрыт, в центре стояла миска с соленым тогунком, издавая аромат не менее приятный, чем осетрина. Тогунок - это местное название мелкой рыбешки, достигающей двадцати сантиметров длины, имеющей широкую спину и веретенообразное тело. Он очень жирный, нежный и вкусный. Ловится только осенью на песчаных отмелях сплавными сетями с мелкой ячеей, на которые заходит для икромета крупными косяками. Затем исчезает и неизвестно, где обитает в течение года.

– Где Артур? – спросил Михаил, не видя за столом мужа Эммы.

– Уехал в тайгу, – ответила она.

Вопросов больше не задавали, каждый знал, зачем охотники ездят в тайгу.

Когда окончательно стемнело, Петр взял весла от дюралевой лодки, крикнул Валентина, и они пошли к лодке, лежащей на песчаной косе под высоким берегом. Столкнув лодку на воду, Петр открыл замок на дверце носового отсека лодки и вынул подвесной мотор.

На малых оборотах, чтобы производить меньше шума, Петр вел лодку к острову «Кораблик». По ночам рыбнадзор по Енисею не плавал, биноклей ночного видения еще не было, но лучше поостеречься, считал он. Около острова в глубокой яме Енисея у него стоял самолов. Это браконьерский лов осетров, применяемый с глубокой древности, но другого способа лова не придумали и до наших дней. Самолов представляет длинный прочный шнур, к которому сантиметров через семьдесят привязываются поводки с пробками и самодельными крупными крючками на концах, заточенными острее иголки. Самолов с якорями на концах опускается на дно реки. Постановка самолова - дело не простое, а порой

опасное. До выхода на рыбалку самолов аккуратно раскладывается на доске, пробка около пробки, крючок около крючка. Эта доска крепится на корме лодки. Рыбак сначала бросает в воду груз со шнуром, к которому привязан самолов, затем садится за весла и гребет поперек реки. Шнур от груза тянет за собой самолов, пробки и крючки один за другим стягиваются в воду. В этот момент ни в коем случае нельзя поправлять самолов. Острые крючки могу впиться в руку, и самолов утянет рыбака с собой на дно реки. У поставленного самолова пробки всплывают и приподнимают от дна крючки, образуя изгородь, через которую трудно пройти крупной рыбе, не зацепившись за крючок.

Петр подвел лодку к одному ему известному створу деревьев на берегу и, заглушив мотор, выбросил за борт в воду кошку. Лодку понесло течением, кошка царапала дно реки, пока не зацепилась за шнур самолова. Кошка – это якорь из толстой проволоки. Если он зацепится за камень или утопленное бревно, усилием рук проволоку можно разогнуть.

Подтянув самолов к лодке, Петр осторожно начал его перебирать. Его руки почувствовали тяжесть и рывки. И вот у поверхности воды показался крупный осетр. Одной рукой удерживая шнур, Петр второй рукой взял багорчик, лежащий на дне лодки, и, подведя его под осетра, вонзил в него и выдернул крупную рыбу в лодку. Следующий попавшийся осетр усиленно сопротивлялся, он несколько раз уходил под лодку. Петру стоило больших усилий удерживать шнур, чтобы не выпустить его из рук. Когда в очередной раз голова осетра показалась на поверхности воды, он со всей силой ударил по ней обухом топора. Только после этого подцепил рыбину багром и перевалил в лодку.

К Зотино рыбаки подплывали в четыре часа утра. На дне лодки лежали девять осетров весом более пуда каждый. Поселок погрузился в предутренний сон, ни в одном окне не горел свет, не слышно лая собак. Не успели они вытащить лодку на косу, как по тропе раздались тяжелые шаги спускающегося бегом человека. Это была Татьяна с мешком в руке. Она, видимо, наблюдала из окна за рекой. Ни слова не говоря, подошла к лодке, взяла сильной рукой за хвост осетра и опустила в мешок, затем второго. Взвалила мешок на плечо и торопливо стала подниматься по косогору.

– У тебя Татьяна, как бульдозер, в гору бежит, – похвалил Валентин жену Петра.

– Она, как бульдозер, меня к нормальной жизни вытащила.

– Интересно, как она тебя тащила, ты вроде бы не легкий?

– После смерти Наташи мне не мил стал белый свет. Я крепко запил, три года не просыхал. Появились друзья-приятели, которые всегда были рады составить мне компанию. И вот, как-то в нашей веселой мужской компании появляется Татьяна. Обвела всех своими черными глазами и говорит: «Хватит Петра спаивать, поднимайся, пойдем домой». Это она мне говорит. Ты знаешь, я не люблю, чтобы мной командовали, на нее ноль внимания. Мужики за меня стали заступаться: «Мы его не спаиваем, он сам пьет, сколько хочет. Ты ему кто такая, чтобы здесь нам права качать?» Она посмотрела в глаза моему защитнику и говорит: «Сейчас закатаю тебе между глаз, пьяная физиономия, надолго запомнишь, кто я такая». Рука у нее крепкая, не каждый мужчина устоит от ее удара. Мужики притихли. Подходит ко мне, берет под мышку и выводит из дома. Мне стало смешно и

весело – девка ведет меня по улице. И что ты думаешь? Привела меня домой к моей матери. Так повторялось несколько раз. При очередном случае я говорю ей:

– Пойдем к тебе домой.

Она отвечает:

– Пьяниц я к себе домой не вожу.

– Это почему же? – спрашиваю я.

– Не хочу родить дурачка или алкоголика.

– Эти слова запали в мою душу, я стал задумываться, что когда-нибудь у меня родятся ненормальные дети. Бросил пить и вскоре женился на Татьяне. Теперь у меня растут две прекрасные дочки. Короче говоря, Татьяна вытащила меня из болота и вернула к жизни, - подвел он итог своего рассказа.

– Кто же тебе милее, Наташа или Таня? – допытывался Валентин.

– Трудно сказать, обе милы. Наташа была для сердца, Таня – для дома.

– Значит, еще вспоминаешь Наташу?

– Первая любовь не забывается, ей всегда есть уголок в сердце. Постоянно думаю, что не выполнил ее просьбу – побывать с ней на могиле ее отца. Давай как-нибудь сплаваем порыбачить на Вороговке и разыщем могилу ее отца.

– Я сам хотел просить тебя сплавать порыбачить на Вороговке, чтобы вспомнить знакомые места.

2

Поселок Зотино небольшой, двадцати домов не насчитать. В каждом дворе по нескольку собак. На привязи собак никто испокон веков не держит. Они свободно бегают по поселку, знают друг друга, драки случаются редко во время собачьих свадеб. И вот все собачье племя поселка собралось на улице и устроило невыносимый гвалт. Собачий хор со злобным лаем на разных нотах разносился по поселку. Валентин выглянул в калитку и увидел среди улицы женщину, окруженную разъяренными собаками. Он схватил подвернувшуюся под руку палку и побежал на выручку женщины. С помощью палки пробился через плотный ряд собак ближе к женщине и с удивлением остановился. Женщина держала на поводке медвежонка и отмахивалась от собак прутом. Медвежонок жался к ее ногам, скалил зубы и фыркал на собак.

Валентин проводил женщину до ее дома и вошел вслед за ней через калитку во двор. Она расстегнула ошейник на медвежонке и произнесла, обращаясь к Валентину:

– Спасибо, что помогли мне избавиться от собак. Я что-то вас не знаю, вы к кому приехали?

– К вашему соседу Петру, он мой брат.

– Что-то вы не похожи друг на друга. Он блондин, а вы чернявый.

– Мы двоюродные братья, – ответил Валентин.

На этом любопытство женщины закончилось, и она обратилась к медвежонку, который крутился у ее ног:

– Машка, подожди меня здесь, я принесу тебе еды, – и пошла в пристройку к дому.

Машка закосолапила за ней на трех лапах, пытаясь одной лапой схватить ее за подол. Женщина остановилась, топнула ногой и произнесла:

– Сядь и жди!

Машка присела на задние лапы и стала втягивать ноздрями воздух, пытаясь понять, чем ее будут кормить.

Женщина вернулась с большой миской каши с вареной рыбой и поставила перед своей питомицей.

– Скажите, пожалуйста, как появился у вас этот ручной медвежонок? - спросил Валентин.

– Весной муж пошел в лес и встретил очень маленького медвежонка. Он был меньше валенка. Муж сначала испугался, подумал, что поблизости может быть медведица. Тогда ему несдобровать, если тронет ее ребенка. Он потихоньку удалился. На обратном пути любопытство заставило его подойти к тому месту, где видел медвежонка. К его удивлению, медвежонок оставался на прежнем месте, а медведицы не было видно. Он забрал обессилевшего звереныша и принес домой. Первый день мы ожидали, что медведица придет по следу мужа за своим малышом, но она не появилась. Видимо, нефтяники застрелили ее, а медвежонка не заметили. Наши собаки первое время злобились на Машку, но со временем к ней привыкли, а щенок постоянно играл с ней. Когда Машка подросла и однажды в игре отвесила ему хорошую оплеуху, он стал ее сторониться. Вот так у нас появилась Машка, – подвела итог рассказа женщина.

– Вы водите ее на прогулку на поводке? – задал новый вопрос Валентин.

– Здесь совсем другая история. С возрастом Машка стала нам доставлять беспокойство. Стоит оставить дверь в избу открытой, она обязательно заберется в нее и перевернет все вверх дном. Муж стал закрывать ее в сарае. Ей это не понравилось, она стала стучать в дверь и ломать ее. Муж за это наказывал ее плеткой. Она невзлюбила своего спасителя и при любом случае старалась укусить его за ногу. Вчера у мужа с ней произошла очередная ссора. Он закрыл ее в сарае, а она ночью выломала дверь и убежала в лес. Забор для нее препятствия не составил. С самого утра я ходила по лесу и кричала ее по кличке. И представьте себе, она пришла на мой зов, и вот мы вместе вернулись домой. Спасибо вам, что вы помогли мне избавиться от собак.

– Какая судьба ждет вашу Машку, неужели вы ее заколете? – допытывался Валентин.

– Что вы! Побойтесь Бога! Как так можно думать? – обиделась женщина.

– Почему тогда не отпускаете на волю?

– Мы хотели оставить ее в лесу, но она не сможет сделать себе берлогу и перезимовать одна без матери. Муж устроил ей берлогу в сарае, застелил пол сеном. В октябре она должна залечь в спячку, а весной отпустим на свободу.

– Она не боится людей и быстро попадет на глаза охотникам. Вам не будет ее жаль? – спросил Валентин.

– Весной наши охотники медведей не стреляют, а к осени, даст Бог, она освоится в лесу.

Валентину больше ничего не оставалось делать, как распрощаться с женщиной и пожелать Машке удачи.

3

В ожидании воскресенья для поездки на рыбалку Валентин решил сходить на болото и набрать клюквы. В окрестностях Ворогово он знал каждое болото и озеро, а вот вблизи Зотино клюкву не собирал. Эмма пояснила ему, что дорога из Зотино на запад идет вдоль множества болот, на ближних болотах местные бабы клюкву давно собрали. «Иди дальше и поглядывай, где место облюбуешь, там и собирай ягоды. Не маленький, не первый раз в тайге, будешь искать – обязательно найдешь», – закончила она свое пояснение.

Идет Валентин по лесной дороге, вдыхает свежий утренний воздух, насыщенный хвойным ароматом и озоном. Душа поет, сердце радуется, глаза видят родную лесную стихию. Повсюду стоят гнилые пни, покрытые мхом, напоминающие о заготовках леса в тридцатые годы двадцатого века. За десятилетия вырос молодой лес, над ним небольшими группами и в одиночку возвышаются, как великаны над лилипутами, столетние сосны. Их пощадили лесорубы за кривизну стволов и оставили семенниками для нового поколения сосен.

Отойдя на приличное расстояние от поселка, он заметил тропу между болот и свернул по ней, надеясь, что она приведет его к клюквенным местам. Ноги постоянно цеплялись за низкие кусты карликовых березок, на болотных кочках, покрытых мхом, краснели ягоды клюквы, но их было мало, и Валентин решил не задерживаться для сбора, чтобы не тратить время.

Впереди показалась фигура человека, двигающаяся навстречу. «Наверное, человек собирал клюкву, – подумал Валентин, – расспрошу у него, где найти места, богатые клюквой». Когда расстояние сократилось, Валентин заметил, что навстречу идет эвенк. Он остановился и поздоровался.

– Тебе тоже здорово, – ответил эвенк.

Валентин достал из кармана сигареты и начал прикуривать. Эвенк вынул из-за пазухи маленькую трубку с длинным мундштуком и взял ее в рот. Валентин догадался, что у него нет табака, и протянул пачку сигарет. Вынув из пачки одну сигарету, эвенк разломил ее и высыпал табак на ладонь, затем стал набивать им трубку.

После нескольких затяжек, Валентин спросил:

– Скажи, пожалуйста, я найду здесь поблизости клюкву, чтобы быстро корзинку набрать.

– Конечно, найдешь.

Немного подумав, добавил:

– Должен найти.

– В какую сторону лучше пойти?

– Моя не знает.

– Почему не знаешь или не хочешь говорить?

– Моя баба знает.

– Она может мне показать?

– Сегодня не может. Сегодня она рожает. Завтра приходи.

– Почему же ты ее бросил в такой момент?

– Моя ее не бросил, моя построил ей отдельный чум для родов.
– С ней кто-нибудь остался?
– Все остались в другом чуме. Она одна рожать будет.
– Ты-то, куда отправился в такой день?
– Шибко курить надо.
– Почему пешком, на оленях бы быстрее съездил?
– В поселке шибко плохой собаки. Наши собаки оленей охраняют, ваши собаки шибко пугают.
– Возьми мои сигареты, – сказал Валентин, протягивая едва начатую пачку, - а сам возвращайся к жене.
Эвенк взял пачку, заглянул внутрь и вернул со словами:
– Шибко мало.
Простившись, они разошлись в разные стороны. Валентин догадался, что тропа приведет его к чуму, свернул по болоту в сторону возвышавшегося в километре от него островка, заросшего лесом. Ходить по болотам он умел с детства. Старался ставить ноги, придавливая под них густые заросли карликовых березок. Тогда ноги не прорывали мохового покрова и не проваливались в жижу под ним.
Остров, как зеленый корабль, возвышался среди тундрового болота. На его твердой почве росли обычные березы, а рядом, в нескольких метрах от них, все болото было покрыто их карликовыми родственниками, которые имели такой же формы маленькие листочки, ветвистые тоненькие стволы покрывала такая же кора. Валентин остановился и стал размышлять над этим творением природы, пока не заметил, что стволы карликовых березок украшены гроздями клюквы. Стебли клюквы по веткам березок тянулись к солнцу и украшали их крупными спелыми ягодами. Валентин подставил кромку лукошка под куст березок и резко ударил рукой по веткам. Клюква, как горох, посыпалась в лукошко. «Надо сходить на остров, – подумал он, – и вырубить палку-колотушку. Набрать ягод здесь большого труда не составит». Он направился к острову, под ногами повсюду краснели ягоды клюквы. Добравшись до твердой почвы, вынул из ножен охотничий нож, с которым никогда не расставался в тайге, срубил молодую березку, отрезал от нее полуметровую палку и ошкурил ее. Получилась удобная колотушка, похожая на скалку.
Наполнив лукошко клюквой, он осмотрелся. Идти через болото к лесу, в котором проходила дорога, было в несколько раз дальше, чем до гривы за островом, по которой можно дойти до дороги. Приняв решение идти новым маршрутом, пересек остров, полосу болота, отделяющую остров от леса, поднялся на гриву и зашагал по ней в сторону дороги.
По гриве, заросшей смешанным лесом, идти было легко, на твердой почве ноги отдыхали от ходьбы по мягкому моховому покрову. С левой стороны гривы тянулось болото, а с правой - проходил лог. До слуха Валентина из лога донесся рык медведя. Он остановился и присмотрелся. По низу лога медведица тащила пихту, ухватив ее зубами за вершину. Дерево проходило у нее между ног и било их ветвями. Она останавливалась, рычала на ветку, хватала ее зубами и отгрызала. Затем вновь принималась тащить дерево. Через несколько минут все действия

зверя повторялись. Понаблюдав за медведицей, Валентин спустился по склону ближе к болоту, чтобы медведица не почуяла его, и продолжил свой путь.

4

Перед тем, как плыть на рыбалку, Петр с вечера расставил мышеловки. Утром, прежде всего, пошел их проверять. От пойманных мышей зависел успех лова тайменей. Попалось три мышки. «Что ж, три - лучше, чем ни одной», - подумал он и отправился завтракать.

Подвесной мотор завелся с первого оборота, Прогрев двигатель, Петр повел лодку к устью Вороговки. День обещал быть погожим, по-осеннему теплым. Енисей спокойно катил свои воды на север. Ближе к фарватеру кто-то из рыбаков проверял сети. Петр подумал: «Совсем недавно через Енисей приходилось плавать на деревянных маленьких лодках, а теперь у каждого рыбака дюралевая лодка с подвесным мотором». Валентин любовался могучей рекой, ее шириной, крутыми берегами, заросшими лесом. Его душе милы северные просторы с единственным рыбаком на реке, на котором сосредоточил свое внимание. Неожиданно лодка рыбака перевернулась, и рыбак исчез в воде.

– Поворачивай лодку к рыбаку, – закричал Валентин, – он тонет.

Петр сидел спиной к рыбаку и не видел момента аварии. Он сделал крутой разворот и на полном ходу помчался догонять плывущую по течению лодку. Не подплывая близко к лодке, заглушил мотор, взял в руки багор и поднялся на ноги. Человека на воде видно не было.

Суров и жесток «старик» Енисей. Редко кому удавалось выбраться живым, попав в его ненасытное чрево. В нем погибали не только люди. Провалившиеся по тонкому льду автомашины исчезали навечно, их уносило течением с места аварии и засыпало песком. В моей памяти остался случай семидесятых годов прошлого века. УАЗик начальника Игарской научно-исследовательской мерзлотной станции провалился под лед на Енисее. Водитель успел выпрыгнуть, а Ермаков Владимир Федорович ушел на дно вместе с машиной. В образовавшуюся майну спускались водолазы, но машины не нашли. Прилетевшие из Якутска геофизики обследовали дно реки на несколько километров ниже по течению, но признаков автомашины не обнаружили.

Петр на всякий случай покричал, взял перевернутую лодку на буксир и поплыл к берегу.

– Кто мог сегодня рыбачить? – спросил Валентин.

– Кто-то из нашего поселка, трагедия будет для всех, – ответил Петр.

На мелководье он и Валентин перевернули лодку, чтобы легче тащить на песчаную косу. К их удивлению под лодкой был человек. Он обнял сидение лодки и не отпускал его.

– Тимоха, это ты? – спросил Петр.

В ответ молчание.

– Тимоха! Ты живой?

– Ж-ж ж-живой, – послышался ответ.

Валентин подошел к Тимофею, тот обдал его винным перегаром. С трудом разжав посиневшие и окоченевшие руки спасенного человека, помог ему сойти на берег. Осенняя вода Енисея не для приема водных процедур, в ней трудно долго продержаться на плаву. Губы Тимофея посинели, его бил озноб.

– До дома сможешь дойти? – спросил его Петр.

– Смогу.

– Беги быстрее, опохмелись, и пусть тебе затопят баню, – напутствовал его Петр.

Рыбаки оттолкнули лодку с мели и, молча, поплыли к устью Вороговки. Испорченное настроение при виде перевернутой лодки почему-то не улучшилось от спасения человека. Каждый думал о своем.

Перед устьем Вороговки, ниже по течению Енисея, вытянулась песчаная коса, которую от берега отделяла неширокая протока. Высокий скалистый берег Енисея казался неприступной крепостью. Петр направил лодку вверх по течению Вороговки. Валентин смотрел на скалистые берега реки, тихие заводи и речные перекаты. Эти знакомые с детства места радовали его душу. Он чувствовал себя приехавшим на свидание со своим детством. Петр заглушил двигатель перед длинным широким плесом, за которым слышался гул переката-водопада. Он подвел лодку к берегу под прикрытие огромного валуна, лежащего в воде.

– Выходи на берег, – сказал он Валентину, – и придержи лодку, здесь будем рыбачить.

Петр достал снасть, называемую корабликом. Она сделана по принципу воздушного змея. Здесь функцию воздушного потока выполняет течение реки. Валентин внимательно следил за всеми действиями брата, который опустил в заводь за валуном дощечку с грузом на одном ребре. Дощечка всплыла в вертикальном положении. Затем на крючок-тройник, привязанный на поводке к леске, отходящей от кораблика, зацепил за шкуру на спине мышь. Натягивая леску, вывел кораблик на течение. Подхваченная течением дощечка стала удаляться от берега, а с ней и мышь на поводке. Петр медленно шел по берегу и вел кораблик по середине реки, леску держал на такой высоте от воды, чтобы мышь едва касалась воды и не утонула. Так он дошел до переката, на мышь никакая рыба не польстилась. Ему пришлось спустить кораблик по течению вниз плеса, отвести ближе к противоположному берегу и вновь повторить движение кораблика вверх по течению. На этот раз у переката вода взбурлила, и таймень схватил наживку-мышь и вглубь умчался. Кораблик скрылся с поверхности воды, попавшая на крючок рыба металась по плесу. Она то уходила в глубину, то выскакивала на поверхность воды. Петр только успевал выбирать и отпускать леску. Когда рыба измоталась и выбилась из сил, Петр подвел ее на отмель и, подхватив рукой под жабру, выбросил на берег. Таймень был небольшой – около четырех килограммов весом. Это не умаляло страсти в борьбе и радости победы над сильным хищником местных водоемов. Он имел тупую голову с острыми, как у щуки, зубами. Его бока украшали поперечные темные полосы и х-образные темные пятна. Не дай Бог попасть в его пасть рукой, полученные раны долго не заживают.

Валентин, полюбовавшись добычей брата, взял удочку и отправился вниз по реке удить хариусов. Он остановился около переката, за которым простирался

небольшой плес, размотал леску с искусственной мушкой на крючке. Мушка, сделанная из шерсти и цветных перьев из хвоста петуха, походила на неизвестного насекомого. Рассмотрев мушку, забросил леску на перекат, течение подхватило ее и вынесло на тихую воду. Этого, казалось, только и ждала стайка хариусов у дна реки. Они наперегонки бросились к мушке, и самый проворный хариус схватил ее первым. Он не успел уйти на глубину, как рыбак сделал подсечку, и рыба взлетела над водой, сверкая серебряными боками, украшенными черными пятнами, в лучах утреннего солнца.

Поймав нескольких хариусов, Валентин вернулся к лодке, чтобы взять корзинку с крышкой под рыбу. Его встретил Петр со словами:

– Валентин, ты продолжай рыбачить, а я схожу и разыщу могилу отца Наташи.

– Зачем тебе нужна эта могила? – удивился Валентин.

– Я обещал ей, что мы вместе сходим на могилку и приведем ее в порядок.

– Прошло много лет, ты можешь не найти следов могилы.

– Все эти годы меня мучает совесть, что я не выполнил просьбу Наташи. Для меня ее просьба как завещание. Я хочу выполнить свой долг перед ней.

– Тогда сходи, очисти свою совесть, – сказал Валентин и подумал, что Петр до сих пор не может забыть Наташу.

Петр положил топорик в рюкзак, накинул его на плечи и пошел вдоль бурлящего переката. Вода с шумом билась о валуны, обдавая его брызгами. Он вспомнил, как пробирался по этому месту на свидание с будущей женой. В душе проснулись долго дремавшие скорбь и печаль по ушедшему времени.

Поднявшись на высокий берег реки, Петр увидел седовласого старца, стоящего на берегу, опираясь на длинную палку. Он, видимо, давно наблюдал за рыбаками. Невдалеке поднимался дым из трубы крохотной избушки. Всего несколько лет назад Петр не видел здесь жилья.

– Здравствуйте, дедушка, – произнес Петр.

– С чем пожаловали в наш край? – вместо приветствия спросил старик.

Петру не понравилось такое обращение с ним, и он спросил:

– Разве здесь запрещена рыбалка?

– Эти угодья отведены властями нашим охотникам.

– Я сам охотник и знаю, что угодья закрепляются для охоты, а рыбачить может каждый человек.

– Вот и рыбачьте там, где стоит ваша лодка.

– Откуда ты, дед, знаешь, что внизу стоит лодка? – поинтересовался Петр, – ее отсюда не видно.

– Здесь у нас пост, работу двигателя далеко слышно.

Петр подумал, что раскольникам-бегунам удавалось бегать от царской власти, а вот от советской спрятаться в тайге не удалось, пришлось обращаться за закреплением угодий. Чтобы заинтриговать и смягчить неразговорчивого старика спросил:

– У вас в ските все еще Харитон командует?

– Тебе откуда Харитон ведом? – заинтересовался старик.

– Я знаю не только Харитона.

– Кого интересно ты знаешь еще?

– Мне надо найти могилу Потапа.
– Он кем тебе будет, может, родственником? – с насмешкой спросил старик.
– Потап был моим тестем.
– Не дури мне, паря, голову, у него была одна дочь и та погибла после его кончины. Мы первоначально думали, что она утопилась в озере, но, обшарив все озеро, утопленницы не нашли. После этого решили, что ее задрал медведь.
– Она не погибла, а сбежала от вас.
– Ну и д-е-л-а, – в растяжку произнес старец, – а мы по ней и панихиду справили.
У Петра защемило сердце, он подумал, что может быть преждевременная панихида способствовала гибели Наташи. Он спросил старца:
– Как мне пройти к могиле Потапа?
Старец заметил изменения на лице Петра и, смягчившись, ответил:
– Иди, паря, вдоль реки пока не увидишь избы, обойди их стороной, за ними наткнешься на тропу, по которой мы ходим на рыбалку, она приведет тебя к озеру.
– Озеро большое, на каком берегу искать могилу?
– Ищи недалече от тропы, найдешь, – подытожил разговор старец.
Петр поблагодарил старика и пошел вдоль реки. Тот, глядя ему в спину, тихо произнес: «Прости меня, Господи, грешного», – и перекрестился двумя перстами.
Найти озеро и небольшой холмик среди зарослей травы для Петра труда не составило. Он стоял и смотрел на бугорок, к которому так стремилась Наташа. Голову посетили мысли о бренности нашей жизни. Он думал о том, что живет человек, кого-то любит, к чему-то стремится и в конце остается от него вот такой бугорок. Отбросив мрачные мысли, Петр достал из рюкзака топорик и срубил всю траву на могиле и вокруг нее. Затем пошел вдоль озера и нашел рябинку ростом меньше его. Вырубил ее из почвы с большим комом земли и принес к могиле. Сделал топориком ямку и посадил в нее рябинку. «Может засохнуть», - подумал он, и сходил несколько раз с фуражкой за водой к озеру и полил деревцо. Мысленно пожелал рябинке расти и напоминать проходящим мимо людям о разыгравшейся здесь трагедии. Затем его мысли переключились на Наташу. «Я выполнил твою просьбу, моя дорогая», – думал он. Комок горечи подступил к его горлу, на глаза навернулись слезы. «Прощай, моя милая», – произнес он вслух почему-то над могилой ее отца. Еще немного постояв с тяжелыми думами, отправился в обратный путь. Он думал, что после выполнения просьбы Наташи сможет ее забыть, но она оставалась в его памяти до глубокой старости, всегда вспоминалась молодой, красивой и желанной.

5

Отпуск Валентина стремительно подходил к концу. Как-то вечером Петр сказал ему:
– Завтра утром поедем искать сохатого, надо угостить тебя лосиными деликатесами.
Валентин подумал, что давно не ел лосиной печенки и губы, но брату сказал другое:
– У тебя нет лицензии, а ты собираешься охотиться.

– Лицензии нужны городским начальникам, чтобы беспрепятственно с мясом проехать, а нам пропуск не нужен, мы в лесу живем.

– А как же участковый, ему могут донести о браконьерстве.

– У нас не было случая, чтобы свой житель кому-нибудь пожаловался, лосиное мясо ест каждый живущий здесь человек. Что касается участкового, то он один на три селения: Ярцево, Ворогово и Зотино. Он у нас и рыбинспектор, и охотинспектор, и следователь. Разве один человек за всем уследит? Кроме того, ему самому мясо нужно. Придет сезон, и он сам к нам приедет и попросится на охоту, чтобы мясом запастись. Вот так мы, брат, живем, – закончил свою речь Петр.

До рассвета охотники выехали на леспромхозовском КрАЗе. За рулем сидел водитель Гена – приятель Петра, Валентин между ним и Петром. Ехали по дороге, разбитой лесовозами, в свете фар выбоины на дороге казались глубокими ямами, фары то и дело высвечивали по сторонам дороги старые пни на делянах лесозаготовителей. Неожиданно в свете фар появился заяц, он несся перед машиной по освещенной фарами дороге, не сворачивая в сторону. Его пугала темнота, стоящая стеной за пределами освещенной полосы. Водитель на несколько секунд выключил свет фар, после их включения зайца на дороге уже не было.

Зайцы и лоси – сумеречные животные, они кормятся в сумерках, а днем отправляются на лежку в чащу леса. Лоси кормиться предпочитают на старых вырубах молодыми побегами подрастающих кустарников и сосен или около болот – ветками тальников и осин. Петр хорошо это знал, и к рассвету машина ехала вдоль старых вырубов. К сожалению, лосей нигде не встретили.

– Сворачивай по просеке влево, – сказал Петр водителю.

– Там же мертвое озеро, около него делать нечего, – ответил Гена.

– Поедем дальше к болотам.

Тяжелая машина, наклонившись на бок, грузно повернула на просеку и, подпрыгивая на кочках, покатила дальше.

– Что это за мертвое озеро? – спросил Валентин.

– Его так прозвали за то, что в нем не водится рыба и никогда не гнездятся утки, - ответил Петр.

Машина медленно ехала по гриве, внизу простиралось озеро, над которым клубились испарения.

– Стой! – сказал Петр, – лось стоит.

Машина остановилась. Только опытный глаз Петра смог разглядеть среди узких просветов между деревьями силуэт сохатого, который стоял на склоне гривы между озером и дорогой впереди них. Зверь, услышав рокот машины, стоял настороженно, вслушиваясь в работу двигателя.

– Может, подъедем ближе, – предложил Гена.

– Он стоит далеко от дороги, из ружья его не достать, – сказал Петр.

Немного подумав, он предложил:

– Вы стойте здесь и не глушите двигатель, будьте готовы стрелять через открытое окно машины, а я обойду лося со стороны озера и пугну его на вас.

Петр без скрипа открыл дверку автомашины, осторожно спустился на землю и под прикрытием кузова машины скрылся в лесу. Ждать пришлось долго, он делал большой круг. За это время лось убедился, что машина ему ничем не грозит, продолжил прерванный завтрак. Периодически он поднимал голову и прислушивался. Не услышав ничего кроме работающего двигателя, лось вновь принимался объедать побеги молодых сосен.

Охотники заметили Петра, двигающегося вдоль озера навстречу автомашине. Он шел медленно, прячась за деревьями, и останавливался каждый раз, когда лось поднимал голову и прекращал кормиться.

Валентин сжимал в руках ружье и наблюдал, как в кино, за лосем и охотником. Он даже подумал, что если лось будет вести себя так беспечно, то Петру удастся подкрасться к нему на выстрел. Видимо, все внимание зверя было сосредоточено на шуме автомашины, и он не слышал охотника, подкрадывающегося с противоположной стороны. В это время с озера подул ветерок, и туман медленно стал наплывать на берег. Неожиданно Петр, не прячась за деревьями, побежал вверх по косогору, споткнулся и упал. Лось, услышав шум, встрепенулся и большими прыжками понесся по склону, пересек дорогу и скрылся за деревьями.

– Не пойму, что творит Петр, – удивился Гена.

– С ним что-то случилось неладное, – сказал Валентин, – бежим к нему.

Они выскочили из машины и побежали под уклон к лежащему на земле Петру. Приближаясь к нему, Валентин почувствовал в воздухе неприятный запах, затаив дыхание, подхватил брата под руку. За другую руку Петра взял Гена, и они вдвоем вытащили его к дороге.

Постепенно Петр пришел в себя. У него кружилась голова и подташнивало.

– Я надышался газами мертвого озера. Спасибо, что вытащили меня, – произнес он тихо.

– Оставайтесь здесь, – сказал Гена, – я сейчас подгоню машину.

Поднимаясь в кабину машины, Петр чувствовал слабость, как после хорошей выпивки.

– В какое место поедем? – спросил его Гена.

– Поворачивай домой, – ответил Петр, – сегодня охоты не будет.

Водитель прибавил обороты двигателя, и машина, вздрогнув, покатила по лесной дороге. Над лесом низко плыли темные тучи, день обещал быть пасмурным и холодным.

Неожиданное происшествие испортило Валентину настроение. Он думал о том, что окажись брат один у озера, Петр мог бы погибнуть. Предстоящий отъезд сулил ему скорую разлуку с родственниками и таежным краем.

6

Теплоход встречали почти все жители поселка, свободные от работы, хотя он возвращался с севера, и вряд ли кто мог прибыть в поселок. Ребятишки толпой бегали по берегу, они не могли пропустить такого зрелища, других развлечений в поселке для них не было.

На небе между туч выглянуло осеннее солнце, и его лучи осветили белые борта теплохода, разворачивающегося на реке. Загремела якорная цепь, и теплоход остановился недалеко от берега, покачиваясь на воде.

Валентина провожали многочисленные родственники, они нагрузили его кедровыми орехами, клюквой и, конечно же, вяленой осетриной. Среди провожающих с грустным видом стоял дядя Миша, Мария и Эмма оживленно вели разговор.

Валентин увидел печаль на лице дяди и спросил:

– Дядя Миша, почему ты такой грустный, не на войну же провожаешь меня?

– Я, Валя, думаю, увижу ли я еще когда-нибудь сына моего родного брата. Передавай поклон своей матери, скажи ей, что ее не забываю, часто вспоминаю нашу молодость. Время летит неумолимо быстро. Провожал я тебя когда-то десятилетним мальчишкой, а теперь передо мной стоит взрослый мужчина. Если бы ни глаза и нос, доставшиеся тебе от матери, я бы тебя не узнал.

Петр, пожимая руку Валентину, сказал:

– В следующий отпуск обязательно приезжай, буду тебя ждать.

– Я рад приехать на родину не только в отпуск, но и на постоянное жительство, но приходится решать это не самому.

Валентин имел в виду свою жену Галину, которая наотрез отказалась ехать с ним на его родину, а поехала отдыхать на Черное море.

Поднявшись по трапу на теплоход, Валентин остановился у борта, как много лет тому назад на пароходе «Мария Ульянова», и смотрел на провожающих теплоход людей и поселок, который был его родиной.

7

Прошло много лет после поездки Валентина на родину, он успел окончить техникум в городе Куйбышеве Новосибирской области и поработать на многих стройках по прокладке газопроводов.

База механизации треста «Трубопроводстрой» располагалась в небольшом компактном поселке Сокур Новосибирской области. Механизаторы жили в каменных двухэтажных домах со всеми коммунальными удобствами. Жить бы век и радоваться условиям жизни в уютной и теплой квартире, но когда Валентину, как опытному бульдозеристу, предложили поехать в заполярье на строительство газопровода, он, не задумываясь, согласился. В его памяти мгновенно всплыли милые сердцу родные места в Туруханской тайге, по которым он в детстве бродил с ружьем, озера и болота, где собирал клюкву, кедры-великаны с тяжелой ношей шишек на ветвях.

Возвращаясь домой после смены, его сердце радостно билось – появилась возможность попасть в заполярье, в котором прошло его детство, которое он часто видел во сне. Валентин уже мечтал об охоте в таежных дебрях, он уже слышал призывный трубный рев сохатого, весеннюю песню любви глухарей.

Жена Галина воспротивилась его поездке на север на длительный срок, но когда узнала, какой у него будет заработок, уступила его намерениям.

8

Бригада Валентина на восьми бульдозерах пробивала трассу шириной в шестьдесят метров через тайгу для прокладки газопровода большого диаметра. Он шел первым на своем импортном бульдозере «Фиат-аллен» весом семьдесят пять тонн и шириной гусениц почти в метр. Вековые стройные сосны трещали и ломались, как спички, под давлением мощного ножа бульдозера. Покой таежной тишины нарушал шум техники, от которого разбегались дикие звери, улетали птицы. Сидя высоко над землей в комфортабельной кабине с кондиционером, Валентин думал: «Сколько строевого леса мы губим. По-хозяйски надо было бы его заранее спилить».

Он вспомнил, как в его родном поселке Ворогово на берегу Енисея ссыльные ручными пилами пилили и валили лес, вязали плоты для сплава в Игарку. Сегодня в Красноярском крае строевого леса осталось мало, торговля им с зарубежными странами сильно сократилась. И вот нашлись новые природные богатства – газ и нефть, освоение которых идет высокими темпами, чтобы гнать за рубеж сырьевые ресурсы.

Времени и людей для заготовки леса у начальства не было. По плану бригада Валентина должна была проложить трассу длиной сто километров через тайгу, тундру, болота и озера. Дневная норма – девятьсот метров не всегда давалась легко. Их поджимали трубоукладчики. Работы вели несколько управлений. Одно разрабатывало грунт для траншеи, второе сваривало трубы, третье трубы изолировало, а следующее укладывало их в траншею.

9

К весне бригада Валентина закончила прокладку трассы на своем участке. Солнце уже высоко поднималось над горизонтом и спешило вознаградить своим теплом людей и природу за перенесенную суровую зиму. Оно заливало своими лучами необозримые просторы тундры. Снег быстро сошел с торфяных бугров, которые черными пятнами возвышались над снежной поверхностью тундры.

Принимать выполненные работы приехал начальник управления Леонид Петрович Свистунов. Он спешил перегнать технику на новый участок строительства до наступления лета.

Валентин в легкой ветровке, без головного убора, с черной давно не стриженой шевелюрой подошел к Свистунову и поздоровался. Тот протянул ему руку и спросил:

– У тебя в родне цыган не было?

– Почему вы задаете такой вопрос?

– Уж очень у тебя черные и вьющиеся волосы.

– Цыган не было, только казаки и ссыльные.

– Тогда, казак, собирай бригаду, пускай седлают своих железных коней и в обратный путь, пока окончательно тундра не растаяла.

– В каком состоянии дорога через болото? – спросил Валентин.

– Я проехал по ней на машине, вы на тракторах тем более пройдете.

Валентин не случайно интересовался этим участком трассы. Он помнил, с каким трудом прокладывали дорогу через незамерзающее болото шириной километра два. Зимой ее постоянно чистили от снега, чтобы проморозить под ней болотную жижу.

Проезжая мимо кранового узла на газопроводе, Свистунов задержал Валентина для устранения увиденных недочетов. Остальные бульдозеры продолжили путь.

Когда Валентин догнал свою бригаду, перед ним предстала жуткая картина. Над заснеженной поверхностью болота торчали кабины техники. У одного бульдозера над болотом торчал только рыхлитель. На крыше кабины дальнего бульдозера стоял незадачливый бульдозерист, остальные собрались кучкой на дороге. Перед ними и Свистунов со сложенными на груди руками. Валентин услышал длинную тираду ругательств, которую стыдно воспроизводить, и последние слова: «Надо же, как на Курской дуге».

Позже Валентин узнал, как произошла эта трагедия. Когда оставалось проехать по болоту всего метров сто до гривы, заросшей старыми соснами, перед впереди идущим бульдозером Николая Желудова оказались бетонные блоки, которыми трубоукладчики придавливают трубы, чтобы утопить их в болоте. Николай решил объехать блоки левее. Правая гусеница наехала на блок, бульдозер накренился и боком скатился одной гусеницей с дороги. Под слоем снега оказалось непромерзлая вода, и бульдозер свалился боком в болото. Следом идущий бульдозер стал объезжать блоки правее и угодил в болото. Сзади идущие машины начали разворачиваться и тоже оказались в болоте.

Свистунов доложил по рации обстановку управляющему трестом и обратился к Валентину:

– Что будем делать? Как будем спасать технику?

– Надо выбираться из болота на гриву и валить лес.

Валентин осторожно ножом своего бульдозера сдвинул в сторону бетонные блоки и поехал к берегу. Промерзшая дорога на небольшую глубину качалась на плаву от тяжести техники. Несколько раз под гусеницами слышался треск льда, дорога оседала и на ней появлялась вода. «Не дай Бог и мне утопить бульдозер», – думал Валентин. Он на всякий случай открыл дверку кабины и крепко сжал в руках рычаги управления. Когда выехал на твердый грунт, остановил бульдозер, с облегчением вздохнул и вылез из кабины. Следом за ним приехал Свистунов и пришли бульдозеристы. Начальник управления смотрел на Валентина таким взглядом, словно видел его впервые.

– Леонид Петрович, – обратился к нему Валентин, – вы почему на меня так уставились?

– Валентин, ты поседел, – ответил Свистунов.

В это время из-за гривы показался УАЗ управляющего трестом.

– Сейчас начнется разнос, – произнес Николай.

– Что заслужили, то и получим, – ответил ему Валентин.

Управляющий трестом Щелкунов быстро оценил обстановку.

– Живы все? – был его первый вопрос.

– Все, – несмелым голосом ответил Свистунов.

– И то, слава Богу. Не хватало нам еще несчастного случая. Вы, Леонид Петрович, становитесь специалистом по купанию техники. Начинайте валить лес, я пришлю на помощь людей с бензопилами и технику.

Не сказав больше ни слова, Щелкунов сел в машину и укатил в трест.

Валентин вспомнил случай по купанию техники, на который намекал управляющий трестом. Требовалось перегнать бульдозер на базе трактора С-100 к месту работ через небольшое болото. В объезд дорога была длинной. Свистунов зашел на лед, постучал ногой и говорит трактористу:

– Езжай, лед должен выдержать.

Стоило трактористу выехать на лед, как трактор ухнул носом под лед по самую кабину. Валентин без труда своим мощным бульдозером вытащил С-100 на берег. Горе-специалисты оставили бульдозер до утра на берегу. Вода, попавшая в двигатель и в блок шестерен, разморозила агрегаты.

Не прошло часа, как вновь появился УАЗ управляющего трестом. Щелкунов привез два ящика водки и мешок колбасы. Взглянув на уныло стоящих бульдозеристов, громко произнес:

– Разгрузите машину.

Увидев ящики с водкой, лица людей повеселели, на некоторых появились улыбки. Вскоре приехала бригада с бензопилами.

Весна набирала обороты как катер, отошедший от причала после зимней стоянки у стенки. По чистому голубому небосводу катился раскаленный диск солнца. Его лучи, отражаясь от чистейшей поверхности снега, слепили глаза с такой силой, что людям приходилось носить черные очки. Солнце ненадолго скрывалось за горизонт, заменяя день светлыми сумерками. В северных широтах наступал полярный день. В такое время года можно работать круглые сутки без освещения. С шутками и подковырками трактористов, утопивших свои машины, к утру общими усилиями вымостили дорогу из нескольких рядов бревен к утопленной технике. Подошедший трубоукладчик помог вытащить все бульдозеры. Двое суток без отдыха механизаторы спасали технику.

Таежные встречи

1

Северное солнце выглянуло из-за холма и покатилось по чистому весеннему небу. Оно поднималось все выше и выше по небосводу. В его лучах заиндевевшие за ночь вершины сосен и елей заиграли ослепительными блесками. Потеплел воздух, постепенно стал отмякать наст – корка замерзшего снега, называемая чилимом, на поверхности которой множество ледяных иголок и острых пластинок. В дыхании

природы, в гомоне птиц чувствовался перелом в погоде. Зима больше не вернется метелями, не ударит сильными морозами.

Тунгус бежал по следу лося, подушки его лап, изрезанные настом, кровоточили, оставляли кровяные следы на снегу. Пытаясь приглушить жажду и тяжелое дыхание, он на бегу лизнул наст. Вместо облегчения почувствовал порезы на языке.

Солнце пригревало сильнее и сильнее, наст слабел. Вот он проломился под копытами сохатого, и зверь завалился тяжелой тушей в снег, оставив в нем вмятину. Лось пружинисто вскочил на ноги и в один миг оказался на насте. Теперь его прыжки стали короче, копыта часто пробивали наст, и ноги безжалостно резала его кромка.

Настал решительный момент. Наст уже не держит зверя, но еще держит собаку. Тунгус из последних сил устремился вперед. Он должен догнать лося и задержать до подхода охотников. Его дыхание было частым, язык вывалился из пасти, живот подвело, под кожей можно было пересчитать ребра. Последние дни хозяин кормил его несколькими ложками каши вместо мяса, к которому он привык во время охоты.

Солнце подбиралось к полудню, отогрело наст, и он стал проваливаться под собакой. Тунгус потерял скорость бега, лапы до костей изрезанные настом, кровоточили. Наконец он выбился из сил, безвольно опустился на снег: лапы отказали служить. Немного отдохнув, стал зализывать окровавленные раны.

За этим занятием его застали подошедшие охотники. Он посмотрел на хозяина виноватым взглядом и безвольно вильнул один раз хвостом, попытался подняться на лапы, но силы покинули его, и он рухнул на снег.

Охотники понуро стояли около собаки. Они понимали, что рухнула последняя попытка добыть пищу себе и собаке.

– Что будем делать? – спросил Осип у хозяина Тунгуса Павла.

– Надо выбираться из тайги, пока сами не свалились с ног как Тунгус.

– Я не о том. Что будем делать с собакой? Ему не дойти до избушки, не то что до села. Корма у нас нет, чтобы ему оставить. Будет мучиться и умрет от голода.

– Что ты предлагаешь?

– Может помочь ему, чтобы не мучился.

Павел догадался, о чем ведет речь Осип, но решил уточнить:

– Что советуешь?

– Надо пристрелить. Он уже не работник и не жилец.

– У меня не поднимется рука, и тебе не разрешу, – с возмущением ответил Павел. – Восемь лет Тунгус мне верно служит, всегда был товарищем на охоте. И вот теперь ты предлагаешь его так отблагодарить? Пойдем к избушке.

Путь оказался нелегким. Лыжи проваливались в размякший снег, лыжню приходилось мять, проваливаясь почти по колено в снег. Голодные люди изнемогали от усталости, но опыт и упорство заставляли идти вперед. Они знали, что с каждым шагом сокращается расстояние до избушки. Добравшись до тенистого сосново-кедрового массива, вздохнули с облегчением. Здесь наст держал человека на лыжах, но стоило выйти на открытый от тени участок, как лыжи проваливались, и охотник оказывался по пояс в снегу. Приходилось снимать лыжи, вытаскивать их из снега и укладывать перед собой, чтобы, опираясь на них, выбраться из снежной ямы, стать на колени, а затем осторожно подняться на ноги.

Нелегок труд охотника-промысловика. Удача – фарт зависит от погоды и многих других факторов. Зима в тот год была многоснежной. С мутного неба часто валил снег. Лоси и олени откочевали с их участка, пушные зверьки отсиживались в своих убежищах. После каждой метели приходилось откапывать капканы и ловушки. За весь сезон им не удалось добыть ни одного копытного зверя. Довольствовались редко встречавшимися глухарями.

Когда солнце покатилось к закату, охотники поднялись на вершину холма, с которого их взору открывалась долина. Где-то там, на берегу ручья, стоит их маленькая добротная избушка, рубленная из бруса. Брус доставляли вертолетом. Охотничий промысел давал хорошую прибыль. Охотников завозили и вывозили с промысловых участков вертолетами. Павел около десяти лет промышлял на этом участке. Каждый год вертушка прилетала за ним в назначенное время. В этом году почему-то не прилетела. Как на грех, сели батарейки рации, и он не мог связаться с промхозом. В ожидании вертолета закончились продукты. Вчера на берегу ручья они увидели следы лося и решили его добыть, прежде чем отправиться в дальний путь домой.

Не знали охотники, что начавшаяся перестройка многое изменила в жизни простых людей. Их промысловое хозяйство обанкротилось, у него не было денег на аренду вертолета.

Спуск с холма оказался не легче, чем подъем. Когда показалась избушка с дверью, подпертой колом, их силы были на исходе.

Затопив печь дровами, приготовленными утром, Павел повалился на нары. Теплый воздух от печки-буржуйки стал быстро распространяться по избушке. Он приподнялся, снял суконную охотничью куртку и вновь улегся на спину с закрытыми глазами. Его мысли были о брошенном Тунгусе. Как наяву, он видел лежащую на снегу собаку с изрезанными окровавленными лапами, с умными все понимающими глазами. Его видение прервал голос Осипа:

– Выходить придется с рассветом и идти только по насту, – он продолжал начатую в уме мысль, – как ты думаешь, за сколько дней преодолеем восемьдесят километров?

– Нам придется сделать круг, – ответил Павел.

– Это еще зачем?

– Пойдем на профиль, по нему за день доберемся до нефтяников. У них добудем продуктов, отдохнем и спокойно двинемся домой.

– Тогда поднимайся, попьем чая и на боковую, чтобы встать раньше.

Павел поднялся задолго до рассвета, затопил печь, поставил варить кашу из последней горсти овсянки. За дверью послышался слабый скулящий голос Тунгуса. Павел не поверил своим ушам и опрометью бросился открывать дверь. Свет от лампы осветил через проем сидящего на снегу Тунгуса. Необычайная радость охватила Павла, он подошел к собаке и погладил по голове. К его горлу подступил комок. В ответ на ласку Тунгус жалобно заскулил. В этом звуке слились воедино радость встречи с хозяином, боль от полученных травм, обреченность и горечь разлуки. В мыслях Павел уже простился с верным другом.

Собака оказалась преданней людей. Ночью по насту, превозмогая голод и боль, она пришла к людям, которые бросили ее на произвол судьбы.

– Заходи в зимовье, – только и смог произнести Павел.

Тунгус с трудом поднялся на четыре лапы и, пошатываясь, зашел в избушку.

Увидев Тунгуса, Осип по-своему обрадовался и обдумывал, как высказать свои мысли.

Павел разделил сваренную кашу на две части. Одну миску поставил перед Осипом со словами:

– Ешь, пора в путь.

Затем, посмотрев на свою порцию, поставил миску перед Тунгусом. Тот благодарным взглядом посмотрел на хозяина и, не спеша стал языком подбирать кашу из миски.

– Что ты делаешь? – удивился Осип. – Собака обречена. Тебе самому нужны силы, чтобы выбраться из тайги.

– В старые времена у приговоренного человека к смерти выполняли последнее желание. Я выполнил желание Тунгуса.

Немного подумав, Осип высказал давно таившуюся у него мысль:

– Может, мы его освежуем? Мяса хватит напрямую добраться до дома, не надо будет делать крюк к нефтяникам.

Эти слова возмутили Павла, он почувствовал плевок в душу, на свои переживания, поэтому ответил грубо:

– Я скорее застрелю тебя, чем Тунгуса.

С этого момента он понял, что больше у него дружбы с Осипом не будет, и он не возьмет его в следующий сезон напарником в свои угодья.

Охотники надели рюкзаки с пушниной, закинули на плечи ружья и вышли из избушки. Павел остановился около дверей и посмотрел в избушку. Тунгус не вылез из-под нар. Тогда он открыл дверь настежь и придавил колом, чтобы не захлопнулась.

Павел шел впереди, он знал направление на профиль. Небо на востоке начинало сереть, предвещая рождение нового дня. В тайге стоял полумрак, она казалась вымершей, только скрип наста под лыжами нарушал покой спящего леса. Идти через кедрач было легко, стволы кедров-великанов на несколько метров от земли не имели ветвей. Когда вошли в массив пихтача, пришлось продираться через густой подлесок. Его лапы цеплялись за одежду, царапали лицо. С восходом солнца Павел повернул правее градусов на тридцать.

– Почему ты изменил направление маршрута? – послышался сзади голос Осипа.

– Профиль проложен строго с севера на юг, так мы быстрее попадем на него.

После этих коротких фраз, бывшим приятелям не о чем было разговаривать. Каждый думал о своем. Павел о Тунгусе, вспоминал отдельные эпизоды охоты с ним, которые останутся в памяти на всю жизнь. Осип прикидывал в уме, на какую сумму сдаст добытую пушнину и как распорядится полученными деньгами.

Неожиданно лес перед охотниками расступился, они вышли на широкую просеку среди хвойного леса, называемую профилем. Павел достал из рюкзака маленький аккуратный топорик и по привычке сделал затес на молодой сосне.

– Ты собираешься сюда когда-нибудь придти? – удивился Осип.

– На всякий случай, вдруг пригодится.

Профиль вывел охотников поздним вечером к буровой вышке, залитой электрическими огнями, как новогодняя елка. На их пути в нескольких километрах от

вышки стояли вагончики участка гидронамыва. Остановившись у ближайшего из них, Павел снял лыжи и постучал в дверь.

– Кто там? Входи! Дверь не закрыта, – раздался голос.

Валентин Петров взглянул на вошедших людей с заросшими лицами и впалыми глазами и вмиг оценил обстановку. Перед ним стояли мужчины среднего роста в охотничьей одежде. У одного борода была черной, как сажа, у второго – рыжей. По их волосатым лицам трудно определить возраст, но, судя по осанке и глазам, они были не старики.

– Раздевайтесь, садитесь к столу.

Он ценил и соблюдал традиции севера. Путника, уставшего с дальней дороги, прежде всего надо накормить. Если захочет, сам расскажет, кто он и куда идет.

Неожиданным гостям приглашение дважды повторять не требовалось. Они поставили ружья в угол, туда же положили на пол рюкзаки, повесили куртки на вбитые в стену гвозди и присели к столу.

– Попейте сначала с дороги чая, – сказал Валентин, ставя перед охотниками эмалированные кружки, – а я на скорую руку что-нибудь приготовлю.

Он не спеша нарезал хлеб, пододвинул на середину стола сахарницу и, сняв со шнура, натянутого у дальней стены вагончика, двух вяленых язей, положил перед гостями. Затем снял с плиты горячий чайник и, поставив на берестяную подставку на угол стола, произнес:

– Наливайте сами, будьте как дома.

– Но не забывайте, что в гостях, – продолжил поговорку Павел.

На его губах скользнула улыбка и потухла под густой черной бородой. В карих глазах усталость сменилась блеском. Он подумал: «Мы встретили хорошего человека, теперь благополучно доберемся домой».

Тем временем Осип налил в кружки рыжеватого цвета жидкость. По вагончику распространился аромат таежных трав. Чай был заварен шиповником и разными травами.

После нескольких дней голодания охотники с удовольствием жевали хлеб с кусками жирной рыбы и запивали чаем.

– Никогда не думал, что чай с соленой рыбой вкуснее, чем с сахаром, – произнес Осип.

– Не торопитесь наполнять желудки чаем, – сказал Валентин гостям, – сейчас будут готовы макароны по-флотски.

За неимением макарон, он насыпал в кастрюлю с кипящей водой вермишели. Затем вынул из ножен охотничий нож, всегда висящий у него на поясе, открыл две банки говяжьей тушенки и выложил ее в кипящую вермишель. Валентин хотел еще поджарить лук на свином сале и заправить им готовящееся блюдо, но передумал, видя как голодны люди.

Утолив немного голод, Павел обратился к хозяину вагончика:

– Как звать тебя, добрый человек?

– Валентином.

– Мое имя Павел, а это мой напарник по охоте Осип. Мы промышляли в верховье ручья Холодного.

– Запозднились что-то вы с выходом из тайги, – удивился Валентин, – сезон охоты давно закончился.

– Нас должен был вывезти вертолет, но в назначенное время не прилетел. Прождав его, мы упустили время, вдоволь наголодались и намучались.

– Это я по вам сразу определил. Вы из какого места в наши края попали? - спросил Валентин.

У охотников не принято задавать вопрос со слова - куда или откуда. С давних пор укоренилось поверье, что эти слова не принесут удачи.

– Мы живем в Старом Васюгане.

– Большой круг приходится вам делать, чтобы попасть домой.

– Без продуктов нам до своего поселка не добраться, вот и решили завернуть к нефтяникам, чтобы разжиться харчами на дорогу.

– Весной не сложно было бы сплавиться по реке, а в оттепель изрядно намучаетесь.

– Идти придется по насту, морозы еще должны постоять.

Разговор длился долго. Охотники подробно рассказали о неудачной охоте в последний день. Каждый рассказал о брошенной собаке со своей точки зрения. Валентин не мог понять, как можно бросить на произвол судьбы собаку, которая многие годы служила верой и правдой. Он расспросил о рабочих качествах и возрасте собаки, узнал кличку. Затем спросил:

– Как добраться до вашего зимовья?

Павел охотно рассказал:

– В трех часах хода по профилю увидишь затес на сосне, поворачивай вправо под прямым углом и выйдешь в распадке на ручей Холодный. Там сам сообразишь, в какую сторону по ручью идти к избушке.

Городскому жителю трудно понять, как по двум ориентирам в тайге можно найти избушку, удаленную на несколько десятков километров. В большом городе порой трудно найти дом, расположенный внутри квартала.

Ночью подул северяк, мороз окреп, оттепели не предвиделось. Прощаясь с Валентином, задержав его руку в своей, Павел сказал:

– Спасибо тебе за приют и помощь, окажешься в нашем поселке, заходи, будешь званым гостем.

Весь день на дежурстве Валентин думал о брошенной собаке, ему было жаль ее и стыдно за людей, бросивших друга. Он представил себя на ее месте – голодным, обессиленным, без всякой надежды на спасение. После этого он не мог оставаться равнодушным к ее судьбе и принял решение завтра отнести ей пищу. Рассудив, что собака, оправившись от голода и ран, сможет уйти домой.

С напарником по дежурству на земснаряде, не работающем в это время года, договориться о переносе смены труда не составило. Чуть свет, положив в рюкзак хлеб и куски мяса, надел лыжи и покатил по профилю. Ему – потомственному охотнику, пробежать несколько десятков километров дело привычное. Невысокого роста, коренастый, он легко скользил на лыжах в привычном темпе, при котором не сбивается дыхание. Орлиным взглядом зорких глаз осматривал стволы деревьев.

К избушке Валентин добрался во второй половине дня. В раскрытых дверях его встретил рычанием из-под нар Тунгус.

– Не сердись на меня, – как можно ласковее произнес Валентин, – я принес тебе еду.

Услышав незнакомую речь, Тунгус грозно зарычал, переходя на лай.

Достав из рюкзака кусок мяса, Валентин подошел к нарам и протянул к собаке руку с мясом. Около его пальцев лязгнули собачьи зубы. Он еле успел отдернуть руку.

– Ты слишком серьезный пес, – произнес Валентин и бросил мясо собаке.

Тунгус был очень голоден, но не схватил сразу брошенный кусок. Он обнюхал его и, не учуяв ничего подозрительного, осторожно взял в пасть.

Валентину понравилось поведение собаки. Он вышел из избушки, набрал дров из поленницы и вернулся, чтобы затопить печь. Тунгус его встретил молчанием.

– Вот так-то лучше, – сказал Валентин и бросил ему второй кусок мяса, - на сегодня достаточно.

Затопить печь березовыми дровами дело плевое. Он оторвал от полена кусочек бересты, нащипал лучины, положил их в печь, над ними аркой дрова и поднес зажженную спичку. Огонь весело побежал по бересте, вспыхнула лучина, и дрова начали разгораться. Только теперь Валентин почувствовал, что голоден. Взял чайник, стоящий на плите, и направился к двери. Около порога остановился, посмотрел по сторонам, надеясь найти пешню или топор. «Видимо, хозяин избушки спрятал ценные вещи где-нибудь на улице, – подумал он с сожалением, – придется наколоть льда ножом».

Натоптанная в снегу тропинка привела его к замерзшей проруби на ручье. Она выделялась гладким чистым льдом среди окружающего снежного покрова. Наполнив чайник кусочками чистого голубоватого льда, вернулся в избушку. Прежде всего, заглянул под нары. Тунгус вяло вилял ему хвостом, в печальных глазах собаки промелькнула радость. «Неужели он испугался, что я брошу его и обрадовался, когда вернулся», – подумал Валентин.

Вскоре избушка наполнилась живительным теплом, Валентин снял куртку, выложил из рюкзака на стол хлеб, вяленую рыбу, отварное мясо и принялся за еду.

Засыпая на нарах, он думал о собаке, но окончательного решения, как с ней поступить, не принял.

К утру, избушка выстыла. Затопив печь, Валентин взял кусочек мяса, присел около нар и тихим спокойным голосом произнес:

– Тунгус, иди ко мне.

Собака, лежащая калачиком, вытянула голову, втянула в себя воздух с запахом человека и мяса. Немного повременив, выползла из-под нар. Валентин протянул к ней руку с мясом на ладони. Тунгус лизнул ему пальцы, взял мясо и мигом проглотил. «Ты умеешь быть благодарным», – произнес Валентин, внимательно осматривая собаку. Перед ним лежал пес серой волчьей масти с крупной головой, на которой торчали острые уши. Длинная, как у овчарки, морда заканчивалась черным носом. В приоткрытой пасти виднелись белые крепкие зубы с длинными мощными клыками. «Не завидую тем, кто испытал на себе эти клыки», – подумал Валентин, а вслух произнес:

– Давай-ка посмотрим, на что ты способен сегодня.

Взяв кусочек мяса, отошел к двери и позвал к себе собаку:

– Поднимайся на лапы, иди ко мне, а то отлежишь себе бока.

Тунгус медленно поднялся с пола. Он был высокого роста, истощенный до последней степени. Хребет и ребра выпирали из-под кожи. На изрезанных лапах наросли коросты.

– Тунгус, иди ко мне, – еще раз позвал Валентин собаку и протянул к ней руку с мясом.

Медленно переставляя лапы, пошатываясь, он побрел на зов. Его зад заваливался в сторону, и ему стоило больших усилий удержаться на лапах.

– Ну и довели тебя горе-хозяева до полного истощения, – произнес Валентин и отдал ему мясо. Затем провел по голове и спине рукой. От прикосновения руки Тунгус вздрогнул, по его коже пробежала дрожь.

– Тебя разве никогда не гладили? – спросил он собаку.

Тунгус не мог ответить на его вопрос, только смотрел удивленными глазами.

– Лежать! – твердым голосом приказал Валентин.

Тунгус повиновался и медленно опустился на пол у порога.

«Лапы заживут быстрее, чем собака окрепнет и наберет вес», – подумал Валентин.

Поев на дорогу и потягивая горячий чай из деревянной плошки, Валентин принял решение забрать с собою Тунгуса. «Вес у него небольшой, будет не больше двадцати килограммов, – думал он, – донесу как-нибудь».

Прежде всего, дал Тунгусу обнюхать рюкзак, затем осторожно приподнял зад собаки и надел на него рюкзак.

Словно понимая намерения человека, собака доверилась ему и не сопротивлялась. Натянув на нее рюкзак до шеи, завязал его и осторожно поднял на плечи.

Переступив порог, плотно закрыл дверь, надел лыжи и отправился знакомым маршрутом. Тунгус лизнул его ухо. Этот «поцелуй» растрогал Валентина, хотя он и не был сентиментальным человеком. Появилось приятное радостное настроение, которое прибавило ему силы. «Неужели собака понимает, что я ее спасаю, – подумал он, – даст Бог, мы с тобой подружимся и еще поохотимся вместе».

На хорошем корме Тунгус отъелся и быстро поправился. Он уже верховодил среди местных собак, некоторые задиристые кобели испытали на себе его крепкие зубы. Вскоре началась течка у Найды, Тунгус пас ее две недели, не подпуская к ней ни одного соперника. Валентин радовался, что у его собаки появятся добрые щенки.

Быстро пролетела весна, растаяли снега в тундре и тайге, отшумели весенними водами ручьи и реки, вскрылись ото льда многочисленные озера. Перелетные птицы вывели потомство, и табунки уток с утятами плавали на каждом, даже самом захудалом, озерке. У зайчих уже появился второй помет зайчат. Эти кроткие, пугливые зверьки поступают со своим потомством почти как кукушки. После родов накормят зайчат и убегают, оставив их на произвол судьбы. Если какая-нибудь другая зайчиха наткнется на чужих зайчат, она обязательно накормит их. Зайчата часто становятся добычей бродячих собак.

Каждый день, возвращаясь с работы, Валентина у вагончика встречали Найда и Тунгус. Собаки имели разные характеры и вели себя каждая по-своему. Найда, извиваясь всем телом и усиленно виляя хвостом, бросалась к ногам, показывая всем видом, что она хочет, чтобы ее погладили. Тунгус останавливался в шаге от Валентина и, вильнув несколько раз хвостом, стоял невозмутимо, давая понять, что он серьезная рабочая собака и ей не до ласк. Он не любил, когда его гладят. Первым

делом Валентин кормил собак и разговаривал с ними. Работая целый день на бульдозере, ему не с кем было переброситься словом. Сегодня Тунгуса не было на месте. Валентин не придал этому значения, мало ли какие дела могут быть у собаки. Когда Тунгус не пришел на второй и третий день, он забеспокоился. Тешил себя мыслью, что возможно он загулял на собачьей свадьбе. Стал расспрашивать владельцев собак, но никто Тунгуса не видел. Через неделю понял, что собака пропала. Постороннему человеку в руки он не мог даться, значит, не поладил с медведем и попал под его тяжелую лапу. Валентин долго переживал утрату, ему жаль было пса, рухнули надежды на охоту с ним. Каждый вечер, перед тем как уснуть, до мельчайших деталей вспоминал встречу с ним в избушке и нелегкий переход от нее к своему вагончику.

На следующий год весной Валентин летел на вертолете из Стрежевого в поселок нефтяников Ломовской. Закончилось таяние снегов, реки вышли из своих берегов, залив все пониженные места бесконечного пространства болот, тундры и лесов. Под вертолетом вся поверхность земли представляла сплошную водную гладь с небольшими островами грив и лесов.

Пилоты получили радиограмму залететь в поселок Старый Васюган и взять на борт больного жителя. Когда подлетели к поселку, он предстал островом среди моря воды. Дома вдоль реки стояли в воде, как деревянные кораблики, готовые пуститься в плавание. Вертолет приземлился на поляну в центре поселка. Его быстро окружили немногочисленные жители. Для них это чрезвычайное событие и возможность общения с внешним миром.

По метеоусловиям вылет вертолета отложили на несколько часов. Валентин пошел осмотреть поселок. По улице ему навстречу бежала стая собак, среди которых высоким ростом выделялся кобель, похожий на Тунгуса. «Не может быть», – подумал он, но сердце тревожно забилось.

– Тунгус! – крикнул Валентин срывающимся голосом.

Кобель отделился от сородичей, подбежал к Валентину и, остановившись в метре от него, приветствовал своего спасителя виляниеем хвоста. Это был Тунгус. Он узнал своего спасителя.

– Здравствуй, бродяга, я рад, что ты живой и остался верным своему первому хозяину, – с горечью в горле произнес Валентин.

Тунгус вильнул еще несколько раз хвостом и побежал догонять свору.

Валентин провожал его взглядом, к горлу подкатил комок, на глаза навернулись слезы. Ему было грустно, что он не смог приручить к себе Тунгуса, и радостно, что тот оказался живым. Видимо, охотничьей собаке недостаточно ласки, ей дороже что-то другое. У него не появилось желания идти дальше по поселку и разыскать Павла. Немного постояв в задумчивости, вернулся к вертолету.

2

Вагончики участка гидронамыва стояли вдоль дороги, проходящей к пятому кусту нефтяных качалок. Валентин вернулся с вахты, открыл дверь и вошел в вагончик. Его окутал табачный дым, воздух был насыщен едким запахом. После

первого вдоха закашлялся. Его легкие после работы на свежем воздухе сопротивлялись принимать в себя табачный дым.

За столом сидели трое рабочих и от души стучали костяшками домино по столу.

– Проходи, садись к столу, будешь четвертым, – радостно предложил Валентину один из играющих.

– Вы бы хоть двери открыли и проветрили помещение, здесь задохнуться можно.

– Не хотим напускать комаров в вагончик, – ответил тот же рабочий.

– От вашего дыма они вмиг передохнут.

– Так ты будешь играть или мы начнем новую партию?

– Начинайте, я несколько дней не проверял фитиль, надо идти к реке.

– Как знаешь, – ответили ему, и по столу застучали костяшки.

Валентин достал из-под кровати рюкзак, положил в него целлофановый мешок, топор и вышел из вагончика. От табачного дыма у него слегка кружилась голова. Он отошел на несколько метров, остановился и с наслаждением вдыхал воздух с запахами испарений болот и леса. Перед его глазами открывалась привычная картина. Справа возвышалась огромная гора намытого песка, за ней раскинулся искусственный водоем глубиной до двадцати метров, на котором стоял земснаряд. На противоположной стороне дороги вдали виднелся поселок нефтяников Игольский, вблизи дороги – небольшой водоем, из которого несколько лет назад брали песок, за ним – остатки неиспользованного песка и до самого горизонта лиственный лес.

Хорошо укатанная песчаная дорога привела Валентина к кусту качалок, дальше шла по лесотундре просека, называемая профилем, по которому предстояло пройти три километра до реки Чертала. Он пересчитал количество качалок, хотя прекрасно знал, что их двенадцать штук. Идти по профилю было трудно: ноги проваливались в толстый слой мха, спотыкались о кочки. В воздухе царствовал гнус. Гудели комары, мошка без предупреждения лезла в глаза, оводы запутывались в его густой курчавой черной бороде. Валентин с детства относился к гнусу как к неизбежному атрибуту тайги и тундры, но все-таки подумал: «Скорее бы наступили заморозки, чтобы исчезли эти надоедливые насекомые». По лицу, заросшему окладистой бородой, трудно было определить, что ему еще не было тридцати лет. Только веселый блеск карих глаз выдавал в нем нестарого человека. Среднего роста, с широкими плечами и мозолистыми руками он был незаурядной силы человек, привыкший к физической работе.

Стояло бабье лето – вторая половина сентября. Осень давно позолотила листья берез, заставила лиственницы сбросить хвойные иголки. Только пихтач, росший вдоль правого берега реки, не изменил своего зеленого цвета. Лето в тот год было жарким и засушливым. Природа быстро реагирует на отсутствие дождей – не было урожая на кедровые орехи и ягоды, обмелели ручьи и реки.

Недалеко от профиля в прибрежных кустах Валентин разыскал небольшую лодку, называемую местными жителями веткой, вытолкнул ее к реке и поплыл вниз по течению Черталы. Проплыл, не останавливаясь, мимо омута, в который буря свалила старую дуплистую осину. Здесь он ставил жерлицы на щук и подружился с бурундуком, обосновавшимся в дупле осины. Он всегда привозил бурундуку гостинцы – орехи и сухарики. Сегодня он торопился и не задержался около

поваленного дерева, чтобы пообщаться с бурундуком. За излучиной река сужалась. Здесь стоял фитиль. Его длинные крылья с ячеей сети в четыре перста перегородили реку. Причалив к берегу, Валентин разделся до костюма Адама и, держась за лодку, вошел в реку. Около палки, воткнутой в дно реки, остановился, привязал к себе лодку, чтобы не унесло течением. Затем отвязал крыло фитиля от палки и приготовился вынимать рыбу и складывать в лодку. К его огорчению почти вся рыба протухла. Он стоял лицом против течения реки, вынимал из ячей рыбу и бросал в воду. От брошенной рыбы сзади слышался легкий шлепок по воде, и слабое течение подхватывало ее и уносило вниз по реке. Над рекой стоял запах протухшей рыбы. Постепенно он добрался до середины реки и приподнял фитиль, в нем билась живая рыба. Только собрался приподнять фитиль и высыпать рыбу в лодку, сзади услышал шлепок по воде. «Что за диво, – удивился Валентин, – рыбу не бросал, а слышатся шлепки». Любопытство заставило его обернуться. От увиденной картины он остолбенел, фитиль выпал из его рук. Ниже по течению недалеко от него в воде стоял крупный медвежонок, хватал лапой брошенную им рыбу и отправлял в пасть.

Придя в себя, Валентин взял в руку топор, лежащий в лодке, отвязал от себя лодку и, направив ее на зверя, с яростным криком «Э-э-э-э» бросился к медведю. Он рассчитывал ударить медведя лодкой, а пока тот ломает лодку, нанести ему удар топором по голове. Медведь вызова не принял, прыжками помчался из воды, поднимая фонтаны брызг, выскочил на отмель и во все лопатки бросился по крутому склону на берег. Весенние воды подмыли берег, и над ним нависал дерн с кустами. Забросив передние лапы на берег, медведь оторвал кусок дерна и кубарем покатился к воде. Валентин продолжал кричать. Это еще сильнее напугало медведя, и он вновь помчался на берег. На этот раз ему удалось вскарабкаться на крутояр и скрыться в прибрежном пихтаче.

Как после тяжелой работы побрел Валентин по воде к фитилю, с трудом переставляя ноги. В фитиле билась живая рыба, протухшая издавала неприятный запах. Высыпал пойманную рыбу в лодку, протухшую пустил по воде в свободное плавание по течению. Затем очистил второе крыло фитиля от дохлой рыбы, установил ловушку на прежнее место и вышел из воды на берег к одежде. Он чувствовал себя уставшим, и ему не захотелось возвращаться в вагончик прежней длинной дорогой. Решил спуститься вниз по течению реки на лодке к тропе, по которой до вагончика рукой подать.

Лодка медленно скользила по течению реки, Валентин осматривал окружающий мир и наслаждался красотой северной природы, вдыхая полной грудью воздух без запахов дыма и пыли. Солнце катилось по голубому небосводу к закату, освещая яркими лучами пихты на правом высоком берегу реки. Хвоя деревьев в солнечных лучах светилась ярко-изумрудным блеском. Лесотундра на левом низком берегу с болотами и островами кедрача напоминала ему родные места вблизи поселка Ворогово.

«Как хорошо, что я покинул большой город и вновь оказался на просторах севера, – мелькнула уже не первый раз в его голове мысль, – как здесь прекрасно, ни одной живой души, настоящая свобода!». В нем бурлила кровь предков-охотников.

Река делала поворот вправо. Выплыв из-за поворота, благодушие Валентина вмиг исчезло. В реке стояли два медведя. Он во все горло закричал:

– Э-э-э . . . Освободите дорогу человеку!

Увидя человека, они бросились к берегу. Медведи, выбежав на берег, остановились и поднялись на задние лапы. Один был худой, высокий с лохмотьями шерсти на боках, второй – медвежонок подросток. «Пат и Патошонок», – подумал Валентин.

Худой высокий медведь напомнил ему артиста Штепселя, а маленький толстый – Тарапуньку. «Почему они не убегают? Может быть, собираются наброситься на меня, когда буду проплывать мимо», - ужалила Валентина мысль.

Времени размышлять на эту тему и разглядывать медведей не было. Валентин начал лихорадочно разворачивать лодку назад, наблюдая за зверями. Он усиленно греб веслом и скрылся за поворотом. Только оказавшись на безопасном расстоянии, начал анализировать ситуацию: «Наверное, медведи подбирали выброшенную им рыбу. Медвежонок похож на медведя, встреченного им около фитиля. Скорее всего, это старая медведица с прошлогодним медвежонком. Неурожайный год заставил их искать корм около людей». . .

На следующий день Валентин вновь собрался на рыбалку. Отойдя от вагончика метров на десять, заметил на песчаной карте, залитой солнечными лучами, две коряги. «Никогда там коряг не было, - подумал он, - откуда они могли взяться?» В это время одна коряга зашевелилась. «Неужели медведи?» – мелькнула у него мысль. Чтобы проверить свою догадку, Валентин закричал во всю мощь своего голоса:

– Э-э-э-э! Э-э-э-э!

С нагретого солнцем песка поднялись два медведя и не спеша направились в березняк, росший вдоль насыпанного песка. «Похоже, это мои вчерашние знакомые, развалились на песке как курортники», – решил он и продолжил свой путь.

В это время в вагончике происходил разговор:

– Зачем кричит Валентин? Словно, его кто-то режет.

– Может, заблудился? – пошутил кто-то.

– Он в лесу не блудит, а здесь где блудить?

– Зайдет в вагончик – расскажет, в чем дело.

Валентин в вагончик не заходил, и товарищи стали беспокоиться.

– Колян, выгляни из вагончика, посмотри, в чем там дело?

Коля неохотно подошел к двери, приоткрыл ее и высунул наружу голову.

Перед его взором предстала страшная картина: около помойной ямы стояли два медведя и что-то ели. Он моментально захлопнул дверь и испуганным голосом произнес:

– Медведи съели Валентина.

– Перестань так шутить! – набросился на него Сергей.

– Я не шучу, медведи около вагончика.

По испуганному лицу Николая можно было понять, что он не шутит.

– Что будем делать? Ружей у нас нет.

– Вызывай по рации буровиков, проси приехать охотников с оружием.

Охотники приехали не скоро, от медведей уже и след простыл. Они поездили по дороге в обе стороны, но медведей не увидели.

Сергей достал бутылку водки и предложил:

– Давайте помянем раба божьего Валентина.

За этим занятием и застал Валентин своих товарищей, вернувшись с рыбалки.

3

Лето было в разгаре. Северное солнце не жалело своего тепла и щедро одаривало им землю. Валентин сидел за рычагами японского бульдозера, беспощадно срезал верхний покров тундры и обваловывал им карту для намыва песка. В кабине работал кондиционер, приятно обдувая его лицо. Закончив обваловку, он направил бульдозер на гребень вала, заглушил двигатель и осмотрелся. Внизу перед ним сварщик Яков и слесарь Володя заканчивали монтаж трубы, по которой земснаряд погонит пульпу в приготовленную карту. Дальше простирался редкий пихтач с полянами, заросшими черничником. Урожай ягод на влажном заболоченном участке привлекал к себе птиц, зверей и рабочих участка гидронамыва. Правее на зеркальной поверхности озера стоял земснаряд, от которого, как швартовый трос, тянулась к берегу труба.

– Шабаш, – сказал Яков, – работу закончили, давай покурим.

– Ты кури, а я пойду, наберу черники, – ответил Володя, взял ведро и отправился к пихтачу.

Валентин с высокого вала наблюдал за ним. Володя неспеша переходил от полянки к полянке, срывал несколько ягод и бросал их в рот. «На вкус ягоды пробует что ли?» – удивился Валентин.

Отойдя от трубы всего метров на сто, Володя, что есть силы, побежал назад. «Стометровку по бегу решил сдать что ли?» – вновь подумал Валентин.

Володя прибежал, обливаясь потом, бледный и, заикаясь, произнес: «Там медведь».

– Ты сегодня с утра, сколько выпил? – спросил Яков.

– Причем тут выпил?

– А притом, что корягу за медведя принял. Какой здесь может быть медведь, когда мы стучим по трубам, бульдозер тарахтит. Дай мне ведро, я пойду, наберу черники.

Яков взял ведро, и смело направился по маршруту Володи.

Через некоторое время Валентин заметил, что Яков взбирается на дерево, а на поляне появляется медведь. «Жаль, что у меня нет ружья, – подумал Валентин, – придется ехать на бульдозере выручать товарища».

В это время медведь скрылся за деревьями, а Яков спустился с дерева. Не успел он сделать от дерева несколько шагов, как медведь вновь выскочил на поляну. Яков, с проворством белки, взлетел на дерево. Только с третьей попытки ему удалось убежать. Складывалось впечатление, что медведь не хотел на него нападать, а только пугал.

– Зачем ведро медведю оставил? Фома неверящий, – встретил Якова Володя.

Загадка в поведении медведя выяснилась позже. Это была медведица, она отгоняла Якова от медвежонка. Осенью ее увидели с медвежонком на помойке поселка буровиков. Собаки набросились на медведей, угнали медведицу в лес, две вцепились в загривок медвежонка и уехали на его спине. Медвежонок визжал и звал мать на помощь. Собакам верховая езда стоила жизни. В поселок они не вернулись.

4

Молодому инженеру Александре поручили разбивку второй нитки газопровода, которая намечалась параллельно первой нитке. В камуфляжной одежде и в сапогах она походила на подростка. Обливаясь потом и отмахиваясь от мошки, она шла с топором в руке и устанавливала пикеты по линии будущего трубопровода. «Скорее бы начались заморозки, – думала она, – чтобы исчез надоедливый гнус». Ее взгляд постоянно останавливался на старой просеке, которую заполонил малинник. На влажной почве кусты малины выросли с человеческий рост и стояли сплошной стеной. Закончив разбивку намеченного участка трассы, Александра отправилась в малинник.

Валентин, сидя в кабине бульдозера, наблюдал за молодой женщиной. Он хорошо знал ее мужа – трубоукладчика Петра, которому часто завидовал. «Везет же людям, – думал Валентин, – жена согласилась ехать с ним в эту глухомань, а мою сюда калачом не заманишь». Голова Александры периодически мелькала над малинником. В какой-то момент он увидел вторую голову, двигающуюся навстречу ей. Повстречавшись, головы замелькали в разные стороны. Александра выскочила из малинника и со скоростью молодой косули понеслась к автомашине «Урал», в которой ее ожидал шофер. Подбежав к автомашине, она не могла открыть дверцу. Ее руки дрожали и соскальзывали с ручки. Слышались скребки по металлу. Водитель, видя ее беспомощность, открыл дверцу, помог залезть в машину и спросил:

– Что случилось?

Она потеряла дар речи, только открывала рот и глотала воздух.

– Ехать домой?

Александра кивнула головой. Водитель довез ее до вагончика и помог войти в него. К счастью, муж оказался дома. Жена бросилась к нему, произносила звуки, напоминающие мычание. Пыталась что-то сказать, но не могла.

– Что случилось? – спросил Петр у водителя.

– Не знаю, она ходила собирать малину и прибежала испуганной.

Петр достал бутылку водки, налил в стакан и заставил жену выпить.

Только на следующий день Александра пришла в себя и рассказала, что в малиннике нос к носу встретилась с медведем. Они взаимно испугались и разбежались в разные стороны.

5

Найда повязалась с собаками хантов, которых Валентин встретил в тайге. У него были планы повязать ее с крупным зверовым кобелем Барсом, о смелости которого на охоте по медведю ходили легенды. У хантов же собаки маленькие, низкорослые. Валентин первоначально расстроился, но, подумав, что ханты плохих собак не держат, успокоился и решил: «Значит, суждено мне иметь собаку новой породы». Найда родила шестерых щенков. Себе Валентин выбрал черного пушистого, как клубок мохеровых ниток, щенка и назвал его Шариком. Щенок вырос и не обманул надежд хозяина. Вот сегодня они отправились побродить по окрестностям, чтобы добыть глухаря.

Отойдя от поселка километра два, Валентин услышал лай в ельнике. Не теряя времени, он наметил направление и побежал через густой лес. Ветки елок цеплялись за одежду, царапали лицо. Ельник быстро закончился, перед ним простиралось болото с редкими сухими деревьями. Валентин остановился на кромке леса, чтобы перевести дух, и залюбовался открывшейся перед ним картиной. На сухом дереве среди болота сидел красавец северной тайги – глухарь. Его серое оперение отливалось голубизной в лучах осеннего солнца. Вдыхая полной грудью воздух, насыщенный запахами хвои и болота, Валентин думал: «Почему лай слышится левее, на гриве, заросшей кедрачом? Не мог же я ошибиться в выборе направления на девяносто градусов? Значит, Шарик перестал облаивать глухаря и убежал за более серьезной дичью».

Отдохнув несколько минут от перебежки по ельнику, Валентин перезарядил ружье картечью и быстро направился через болото в сторону лая. На гриве под кедрами сидел медведь и отмахивался передними лапами от наседающего на него Шарика, как от назойливой мухи. У Валентина с собой был только один патрон, заряженный пулей-турбинкой. Зарядив им ружье, стоя за толстым стволом кедра, думал: «Стрелять или не стрелять? Перед зверем крутится собака – в грудь стрелять нельзя – можно задеть Шарика. Стрелять в лоб опасно – пуля может отрикашетить, а второго пулевого заряда у меня нет». Во время этих размышлений Валентина Шарик повернул голову назад и, увидев хозяина, еще с большим остервенением стал нападать на медведя. Валентин медлил стрелять. Шарик оставил медведя, подбежал к хозяину, толкнул его передними лапами и умчался за медведем, который воспользовался моментом и во всю прыть помчался по лесу. Собака была недовольна медлительностью хозяина, она давала ему понять, что надо стрелять.

Когда Шарик догнал медведя, тот вновь уселся на землю и опять отмахивался от него лапами. Такими перебежками медведь и собака перешли через небольшую низину на вторую гриву, затем, сделав круг, вернулись на первый увал. Валентин неотступно следовал за ними с надеждой увидеть бок зверя, чтобы выстрелить под лопатку. Его внимание привлек повсюду под кедрами разрытый мох. «Что, интересно, искал здесь косолапый?» – подумал Валентин и продолжил бежать на лай. Медведь ушел в пихтовый стланик, росший вдоль профиля. Низкорослые пихты переплелись своими ветвями, образуя сплошной плотный хвойный ковер. Такой участок леса трудно проходим. По нему можно только пробираться ползком или на коленях. Таким способом к зверю незаметно не подойти. Лай слышался в

каких-то сотнях метров. Валентин решил обойти зверя по профилю. Он полз, скрываясь за поваленными деревьями, по кромке профиля. Лай слышался уже совсем рядом, когда его болотный сапог зацепился голяшкой за сучок и тот с треском сломался. Треск выстрелом отозвался в ушах Валентина. Он замер и услышал шум в стланике от убегающего медведя. Дальнейшее преследование зверя не имело смысла. Пришлось подняться с колен и присесть на ствол поваленного дерева. Немного отдохнув, крикнул Шарика, чтобы тот вернулся к хозяину, и пошел в кедрач, где был встречен медведь. Его мучил вопрос: зачем медведь рыл мох в кедровом лесу?

Моховой покров под кедрами был изрыт, словно здесь паслось стадо кабанов. Валентин снял небольшой участок мха и увидел лежащие небольшие кучки кедровых орехов. «Ах, вот в чем дело! – удивился Валентин, – кедровки заготовили себе запасы орехов, а медведь бессовестно их грабил». Он еще раз крикнул Шарика и отправился в поселок.

6

Зимой поверхность тундры промерзает, болота покрываются льдом, и она становится проходимой для техники. Этот период года удобен для любого строительства. Бригада дорожников укладывала слань по замерзшему топкому участку тундры. Они валили осины, трелевочник подвозил бревна к гати, рабочие укладывали их вплотную друг к другу. Затем по слани расстилали дернит – искусственный войлок. Самосвалы подвозили песок и насыпали его толстым слоем поверх дернита. Бульдозер разравнивал песок и уплотнял дорожное полотно. В летнее время под толстым слоем песка болото не протаивало.

В одном из завалов поваленных бурей деревьев трелевочник наехал на берлогу. Медведь давно слышал шум работающей техники, но продолжал дремать в уютной берлоге под толстым слоем снега. Ему не хотелось вылазить из тепла на холод. Когда же рядом с ним затрещали ветки и на него посыпался снег, он с проворством и легкостью кошки выскочил из берлоги и огромными прыжками помчался по лесу, занесенному глубоким слоем снега. Водитель трелевочника наблюдал, как медведь вздымал за собой клубы снега, прикрываясь ими, как снежной завесой. Белый снег, отражая яркие лучи зимнего солнца, слепил глаза зверя. Отбежав несколько километров, он нашел в лесозавале удобное место для продолжения зимней спячки.

В этот день Валентин шел по склону лога и проверял петли, поставленные накануне на зайцев. Всюду среди деревьев тянулись натоптанные зайцами тропы. Они были настолько утрамбованы, что по ним можно ходить, не проваливаясь в глубокий снег. Валентин шел на лыжах рядом с тропой, чтобы не портить заячью дорогу. Впереди показался куст, через который проходила тропа. Там, в петле, сидел заяц. Он попал в петлю головой и передней лапой. Увидев Валентина, заяц устроил карусель: прыгал вверх, петля натягивалась и отбрасывала его в снег. Он снова прыгал и падал в снег. Поднятый его лапами снег запеленал куст снежным облаком. Валентин обрадовался добыче и поспешил к кусту. Когда он был в нескольких метрах от зайца, петля внезапно порвалась, и заяц белым комком

полетел под уклон над поверхностью снега. Его лапы мелькали с такой скоростью, что их трудно было рассмотреть. Валентин стоял в расстроенных чувствах и наблюдал, как белый комок вкатился в лесозавал.

Под поваленными деревьями послышался шум сухих веток. Валентина охватила радость. «Заяц зацепился петлей за ветки и дергает их», - мелькнула у него мысль. Не раздумывая, он покатился вниз по крутому склону. Одна лыжа зацепилась за ветку под снегом, и он сел на лыжи, продолжая скользить вниз. Затормозить удалось около завала. Валентин поднялся с лыж и его охватил ужас: вокруг него на снегу были видны следы медведя. В буреломе стояла тишина.

Видимо, заяц с налета заскочил на медведя. Тот отмахнулся от него лапой, создав шум, который услышал Валентин.

Вместо того, чтобы тихонько уйти от лежки медведя, Валентин испуганно закричал: «Э-э-э!»

Лесной великан выскочил из-под завала с другой стороны и многометровыми прыжками помчался вниз вдоль ручья.

7

Над тайгой и тундрой второй месяц властвовала полярная ночь. Она окутала густой темнотой лес, озера, болота и дорогу от поселка буровиков. Только буровая вышка, расположенная в трех километрах от поселка гидронамыва, как маяк в безбрежном океане, светилась электрическим светом. Работы на ней велись круглосуточно.

Валентин, как обычно, в восемь часов утра был на ногах, надел ветровку поверх свитера, накинул на плечи рюкзак, взял ружье и вышел из вагончика. Окунувшись в морозный воздух, остановился, чтобы глаза привыкли к темноте, в памяти перечислил все вещи, необходимые на охоте: патроны, спички, топорик. Получалось, что ничего не забыл. Его напарник Анатолий Шевелев давно ушел на вахту, Валентин оставил записку о том, что пошел в хвойный массив леса, расположенный в пятнадцати километрах, пострелять рябчиков и тетеревов, к обеду вернется. Дичь вблизи буровой давно была распугана, и приходилось ходить охотиться на приличные расстояния. Не зря же говорится, что охота пуще неволи. В это время года светлое время суток наступало в одиннадцать часов, а к двум часам вновь наступала темнота. В полном смысле светлым этот период суток назвать нельзя, поскольку солнце не выглядывало из-за горизонта.

Немного постояв, Валентин прикинул, что к рассвету успеет добраться до места охоты, бодро зашагал от поселка. Чтобы не делать большой круг по трассе, свернул с дороги в сторону речки Моховой и побрел по неглубокому снегу. До реки было три километра, там предстояло найти поваленное бурей дерево и по нему перебраться на противоположный берег. Подойдя к реке, срубил шест и проверил им толщину льда. От удара лед затрещал. Спускаться на тонкий лед было опасно, и он побрел вдоль реки в поисках переправы.

Опираясь шестом на лед, Валентин перешел по дереву речку, воткнул шест около куста, чтобы воспользоваться им при возвращении, и направился к автомобильной дороге.

Небольшой морозец до двадцати градусов бодрил и придавал легкость в движении по накатанной дороге. Темнота к рассвету сгустилась и была такой, что он несколько раз сбивался с прямого пути и попадал ногами в снег на обочине дороги.

Вдали показался свет фар встречной машины. Валентин сошел с дороги и побрел вдоль нее по снегу. В свете фар следующей автомашины промелькнул пень на его пути. Не придав значения пню, он продолжал идти вперед. Когда следующая автомашина при повороте осветила придорожные кусты, в них стоял исполин таежных лесов – лось. Грохоча на ухабах, автомашина промчалась мимо, ослепив Валентина. Он остановился и зажмурил глаза. Выждав немного времени, стал всматриваться в темноту. Зверя не было видно.

«Хоть бы появилась на небе луна», – подумал Валентин. Он вспомнил, как недавно возвращался с охоты в лунную ночь. На ярко-желтой луне четко вырисовывались очертания лунных морей и каналов. Она сияла, как начищенная золотая монета. Мягкий лунный свет заливал желтизной снежные просторы, шапки снега на лапах елей и пнях. Даже белый песец, мелькнувший между снежных бугров на тундре, казался желтым.

Глаза постепенно привыкли к темноте, и он увидел слабый контур лося. Прицелившись в лопатку, плавно нажал на спусковой крючок. Как бичом хлестнул резкий выстрел, разорвав морозную тишину. Эхо покатилось по тайге, оповещая ее обитателей об опасности.

Около следов лося в темноте признаков крови увидеть не удалось. Валентин бодро пошел по следу зверя. При рассвете он отметил, что лось идет шагом и часто останавливается. На месте остановок виднелись мелкие кровяные бусинки. «Значит, зверь ранен, – подумал Валентин, – спешить не надо, лось может лечь и окочуриться». Преследование продолжалось все светлое время суток, после двух часов начало темнеть. Лось выбирал участки тайги, заросшие густым ельником, избегал открытых мест и полян. Валентин чувствовал, что он где-то недалеко впереди. «Почему лось не ложится?», – думал охотник. Наконец, его осенила мысль, когда почувствовал дуновение ветерка в спину: «Зверь постоянно идет по ветру, значит, он чует преследователя, надо обойти лося и зайти против ветра ему навстречу».

Оставив след, Валентин пошел вправо. Только пройдя несколько сот метров, стал делать полукруг. Его путь лежал через кедровый массив. Деревья-великаны со стволами толще, чем в обхват, постоянно преграждали ему дорогу. Видимость не дальше, чем на пять метров, мешала быстрой ходьбе. К тому же приходилось постоянно смотреть под ноги, чтобы не пропустить след. Прошло немало времени, прежде чем Валентин понял, что в темноте вряд ли он увидит зверя, если тот залег. «Надо найти его след», – подумал он и повернул влево. Через некоторое время повернул вправо, но следа нигде не было. Оставался единственный выход: вернуться по своему следу к месту, где оставил след лося.

В воздухе замелькали редкие снежинки, засыпая недавно натоптанные следы. На душе у Валентина стало муторно и тоскливо за допущенную оплошность и потерянное время. «Если начнется снегопад, – подумал он, – можно не найти оставленных зверем следов».

К полузасыпанным снегом следам лося подошел к рассвету следующего дня. «За подранком я хожу больше суток», – подумал Валентин и с новым упрямством зашагал по следу. Пока охотник обходил зверя справа, лось повернул налево. Его следы тянулись по гриве между вековой тайгой и непроходимыми болотами. Когда след пересек профиль, Валентин увидел, что вдоль следа лося появились следы лыж охотника и двух собак. Он остановился в раздумье: «Видимо, здесь белковал охотник-профессионал и наткнулся на след зверя. С собаками он быстро догонит и добудет лося. По законам тайги раненый зверь принадлежит охотнику, ранившему его, но стоит ли вступать в спор? – думал Валентин, – лицензии на добычу лося у меня нет».

На севере, за тысячи верст от цивилизации, охотоведа никто не видывал и за лицензиями к нему не ездил.

Немного постояв, Валентин направился по профилю к озеру, раскинувшемуся среди тайги, с намерением успеть в светлое время добыть боровую дичь. Заросли рябины по берегам озера всегда привлекали птиц. Рябчики искать себя долго не заставили. Когда в рюкзаке оказалось три рябчика, он вышел на кромку бора. Здесь из-под его ног вылетел табун косачей-чернышей. Тетерева расселись на березе и, вытянув шеи, наблюдали за непрошенным гостем. С красными бровями, с хвостами лирой они смотрелись как украшение на новогодней елке. «Как их здесь много! – подумал Валентин, – сбились в табун только самцы, не видно ни одной тетерки».

Валентин знал, что стоит ему сделать шаг, как птицы мигом улетят. Он стоял, не шевелясь, с ружьем в руках наизготовку, и выбирал в какого косача выстрелить. Один тетерев показался ему особенно крупным. «Видимо, старик, – подумал Валентин, – буду стрелять в него, пускай молодежь живет». После выстрела, косачи, хлопая крыльями, с шумом разлетелись, лишь один, обреченный на суп в котле, свалился замертво на белый снег. Стоя над ним, охотник любовался, как уголь, черной птицей. В душе ему было жаль добычу, но у него давно проснулся голод, и мысли переключились на утоление голода. «Следует разжечь костер и запечь рябчиков, – думал он, – но тогда придется добираться домой в темноте».

Валентин вышел на кромку леса. Перед ним простиралось труднопроходимое болото, заросшее редкими хилыми сосенками. По болоту в километре от него проходила дорога, по ней изредка проезжали автомашины. Перед ним стала дилемма: идти вдоль болота до реки Моховой пятнадцать километров или пересечь болото и доехать на попутной машине. Он выбрал второе и осторожно направился по болоту, прикрытому слоем снега. Передвигался от дерева к дереву, надеясь, что деревья растут на твердом грунте. Отойдя метров тридцать, внезапно провалился по пояс в воду. Навалившись грудью на снежный край полыньи, опираясь руками на ружье, выбрался из западни и своим следом побежал назад. Тонкий слой льда под снегом не выдержал давления от его прыжков, и он вновь провалился в трясину. На этот раз выбираться из воды пришлось дольше и труднее, он не решился подняться на ноги, к берегу пополз по-пластунски. Одежда намокла, к ней примерзал снег. Единственным желанием было – скорее добраться до леса и развести костер. Огня добыть не удалось – спички намокли, их головки отваливались при прикосновении к коробке. «Надо идти, только в

движении мое спасение», – решил Валентин и, с трудом поднимая ноги в отяжелевших чунях, побрел по снегу. Его мучил голод, вторые сутки он ничего не ел. «Голодным я не дойду», – подумал Валентин. На ходу снял рюкзак, достал тетерева, сорвал с его груди перья вместе с кожей и вонзил зубы в птицу. Мясо не успело замерзнуть, но было очень жестким. С трудом откусил небольшой кусочек грудинки и начал жевать. Отвращения к сырому мясу не было. В детстве он любил строганину из лосятины. Мясо косача было настолько жестким, что он не смог его разжевать. Пришлось достать из рюкзака рябчика, снять с него перья вместе с тонкой рвущейся кожей. Мясо рябчика оказалось нежным и вкусным, даже немного солоноватым.

Немного подкрепившись сырым мясом, Валентин брел по кромке леса, разыскивая свои вчерашние следы. Перед ним несколько раз взлетали рябчики, но ему было не до них. Все его внимание и помыслы направлены на то, чтобы найти свои следы и добраться до переправы на речке Моховой, а там до дома – рукой подать.

Когда увидел на снегу неглубокие лунки, засыпанные снегом, оставшиеся от его следов, на душе стало легче. На тайгу давно опустилась ночь, ее тишину нарушал только скрип обледеневшей одежды. Валентин изнемогал от усталости, но упрямо шел вперед, повторяя про себя: «Только не упасть, только идти вперед». Он находился в движении уже двое суток без отдыха. Порой на него находило затмение, и отключался разум, отяжелевшие ноги передвигал в полусне и полузабытьи. Старый след привел его к кусту на берегу реки, и он увидел свой шест. В затуманенной голове мелькнула мысль: «На каком берегу реки я нахожусь? Надо ее переходить или нет?» Затем разум просветлел, и он сообразил, что реку переходил один раз, значит, надо переходить на другой берег.

На противоположной стороне реки он впал в сонное состояние. Ему казалось, что служит в армии и находится на боевом посту по охране объекта, вдоль которого надо ходить в одну сторону, затем – в другую. Сколько времени длилось это состояние, он не помнит. Перед глазами появились красные блики, затем вспыхнул пожар. «Неужели горит охраняемый объект?» – где-то в подсознании шевельнулась мысль. В это время из пламени выскочил черный страшный зверь и бросился на него. Валентин машинально вскинул ружье и выстрелил. От звука выстрела он очнулся. Перед ним из снега торчал высокий пень. Первая мысль, пришедшая в голову: «Где я нахожусь?» – привела его в чувство. В лесу давно наступил рассвет. Осмотревшись, он увидел, что стоит на краю хорошо натоптанной тропы, которую мог натоптать только взвод солдат. Он пошел по этой тропе. Она привела его к поваленному дереву через реку и обрывалась. В его голове вновь появилась мысль: «На каком берегу реки я нахожусь?» Он не мог сразу сообразить, что комель дерева находится на нужном ему берегу. В это время до него донесся отдаленный сигнал автомашины. Валентин повернулся в сторону звука и, тяжело переставляя ноги, побрел в нужную сторону.

На показавшемся впереди профиле Валентин увидел человека и крикнул ему несколько раз. Человек стоял к нему спиной и не обращал внимания на его крик. Подойдя вплотную к профилю, Валентин узнал своего напарника Анатолия Шевелева и начал ему кричать и просить о помощи, но тот даже не повернулся в

его сторону. Когда до Анатолия оставалось несколько шагов, он повернулся к Валентину и застыл с открытым ртом. На его лице можно было прочитать удивление и ужас от вида обледеневшего человека. Только в глубине глаз промелькнула радость, что Валентин нашелся живым. Придя в себя, Анатолий сказал:

– Я здесь стою с утра и кричу тебя. Почему ты не отвечал на мой крик?

Валентину хотелось спросить, почему Анатолий не обращал внимания на его крики, но вместо слов из его уст послышалось слабое шипение.

– Пошли третьи сутки, как ты ушел на охоту и пропал. Мы уже хотели вызывать вертолет на поиски тебя, – продолжал Анатолий.

Он взял у Валентина ружье и рюкзак, и они медленно пошли по профилю к проезжей дороге. Когда вышли на укатанную дорогу, Валентин упал. Анатолий помог ему встать. Сделав несколько шагов, Валентин вновь упал. Его приятель заметил, что на подошвах чуней Валентина намерз толстый слой снега. Он вынул из ножен охотничий нож, срезал с подошв намерзший снег и помог приятелю подняться на ноги.

Добравшись до вагончика, Валентин переоделся в сухое белье. Анатолий достал из шкафчика бутылку водки и, налив полный стакан, протянул приятелю. Валентин выпил и стал укладываться в постель.

– Поешь хоть немного, – произнес Анатолий, – ты же голодный.

– Потом, – ответил Валентин и провалился в глубокий сон.

На заре перестройки

1

Прекрасно приполярье летом: тундра залита ярким светом, на небе нет ни облачка, теплый воздух, насыщенный влагой с ароматами цветов и болот, пьянит и туманит голову, как хмельная брага. Заросли низкорослого багульника сиреневым ковром покрывают низменные участки кочковатой тундры, по которой зеркальными блюдцами разбросаны озера. Вдали среди необозримого простора на фоне голубого неба черной стрелой вонзилась в небо буровая вышка. Вблизи нее вытянулся поселок буровиков, состоящий из нескольких десятков вагончиков и подсобных объектов, правее вдоль реки – кедрово-пихтовый лес. Валентин, закончив смену, возвращался по грязной, раскисшей после недавно прошедшего дождя, дороге. Ему давно был знаком каждый участок местности, но он не переставал любоваться окружающей природой и всегда находил в ней что-то новое. Вот сегодня над одним из озер чайки устроили хоровод. Они летали по кругу, периодически падая к воде. Их крика слышно не было, но на их зов со всех сторон подлетали сородичи. «Наверное, обнаружили легкую добычу», – подумал Валентин. Его пытливый ум искал причину этого явления. «Обмелеть озеро не могло, – думал Валентин, – видимо, скопилось много мальков». Он перевел взгляд в сторону от чаек и увидел летящего красавца лебедя. Крупная белая птица

плавно, очень медленно взмахивала крыльями, белоснежным кораблем плыла в воздухе. Грациозно вытянув шею, лебедь сиял белизной в лучах яркого солнца. «Это глава семейства разминает крылья, облетая озеро, на котором его лебедушка плавает с выводком», – решил Валентин. Окружающий пейзаж напоминал ему родные места вблизи его малой родины – поселка Ворогово на берегу Енисея. «Разве найдешь такую красоту и такие просторы в Новосибирской области», – думал Валентин. Ему вспомнился Зверосовхоз в Черепановском районе, куда привезли его десятилетним мальчишкой и где прошло его детство.

Воспоминания быстро промелькнули в голове, Валентин вдыхал аромат цветов и терпкий запах багульника. Его окружала давно знакомая картина: гора намытого песка, искусственный водоем с земснарядом. Его острый охотничий взгляд не оставлял без внимания никаких изменений в окружающей природе. Неожиданно он заметил на дороге женскую туфлю. Посмотрев по сторонам, никого не увидел. Любопытство заставило поднять туфлю. Это была почти новая черная лакированная туфелька тридцать шестого размера. «В таких туфлях ходят на танцы, а не гуляют в тундре по грязной дороге», – подумал он и стал изучать следы. Женщина спешила по тропе к водоему. Шаги были длинными, переходящими на бег. «Она даже не заметила, что одна туфля слетела с ее с ноги» – подумал Валентин. Он с туфелькой в руке последовал за женщиной, вспоминая сказку о Золушке. Он намеривался догнать ее и вручить ей потерянную туфлю. Следы привели к старому карьеру. На кромке глубокого водоема, как изваяние, стояла женщина. Ее фигура на фоне водоема в лучах яркого солнца своей изящностью и стройностью напоминала легендарную Венеру. Голубое легкое платье плотно облегало тело, подчеркивая красоту фигуры. Валентин залюбовался ее красотой и замедлил шаг. Он недоумевал, как в тундре могла оказаться женщина в одежде, предназначенной для похода в театр или кино. На его участке гидронамыва женщин не было, на объектах буровой вышки женщин работало довольно много. Работа в полевых условиях и всегда в грязи требует другой одежды. Так размышляя и приближаясь к ней, он удивлялся: «Неужели это вижу наяву или мне снится сон?» Валентин не верил в привидение, но вспомнил вдруг о нем, когда женщина мгновенно исчезла, нырнув в глубокий водоем. Предчувствуя беду, он побежал к водоему со скоростью, насколько позволяли силы и грязная дорога. На бегу сбросил с себя куртку. На крутом берегу снял резиновые сапоги и посмотрел в воду. На глубине нескольких метров в чистой воде, как дирижабль в небе, неподвижно парила женщина в голубом платье. Ее тело не опускалось ко дну. Не раздумывая, Валентин сделал глубокий вдох и, набрав полные легкие воздуха, бросился в воду головой вниз. В воде открыл глаза и увидел перед собой голубое платье. Он хотел схватить ее за платье и вытащить на поверхность воды, но рука соскользнула с материи, плотно облегающей тело. Тогда он ухватил ее за волосы и, усиленно работая ногами и одной рукой, всплыл на поверхность. Женщина не подавала признаков жизни. Берег был рядом, но крутизна не позволяла подняться на него. Пришлось подплыть к пониженному топкому участку. По илистому мелководью подтащил тело за руку, перепачкав в иле голову и платье. Затем поднял на руки и вынес на берег. Положив утопленницу поперек поваленной березы лицом вниз, начал делать искусственное

дыхание резкими нажатиями на ребра, как когда-то учили его в армии. После нескольких нажатий изо рта безжизненного тела потоком пошла вода с резким запахом водки, тело дернулось, как от удара током, женщина зашевелилась, откашлялась и начала дышать. Ему пришлось перенести ее и уложить на моховой участок берега.

Только теперь он почувствовал усталость и неприятное ощущение во всем теле.

Перед глазами Валентина предстала жалкая картина. Перед ним лежала пьяная женщина в измазанном илом платье с тиной на голове. У него исчезло впечатление женского божества, которое возникло при виде женщины на берегу водоема. Она была ко всему безразлична, не могла говорить и двигаться. Он сходил за сапогами и курткой, прополоскал свою грязную одежду и вернулся к спасенной женщине. Она продолжала лежать невменяемой, произнося нечленораздельные звуки. «Как она пойдет в поселок в таком грязном виде, когда придет в себя», – подумал Валентин, снял с нее одежду и выстирал в водоеме. Затем принес в сапоге воду, обтер мхом и облил водой грязное тело. Рассматривая вблизи красивую женскую фигуру, у него не возникло чувство тяги к женщине. Ему представлялось, что он обмывает покойницу.

Постепенно она очнулась, открыла глаза и удивленно посмотрела на незнакомого мужчину. После небольшого раздумья спросила:

– Где я нахожусь?

– Не думайте, что на том свете, – ответил Валентин.

– Кто вы?

– Я тот, кто вас вытащил из водоема.

– Вы зря меня вытащили из воды, таких людей спасать не надо, на свете жить мне нельзя, жизнь моя страшнее ада, я от вас убегу.

Она с трудом поднялась на ноги, мокрое платье плотно облегало ее стройную фигуру, и, пошатываясь, направилась к водоему.

Валентин громко выругался, схватил ее в охапку, положил себе на колено, как когда-то своего сына, задрал подол платья и начал хлестать ладонью по мягкому месту ниже спины. Он бил остервенело, потеряв над собой контроль, отходя от шокового состояния. Женщина лежала молча, лишь глубоко дышала, не чувствуя боли. Когда на теле появились синяки, Валентин прекратил экзекуцию и поставил ее на ноги. Она начала охать, не поднимая на него глаз. Затем, пошатываясь, опустилась на землю и уселась, поджав под себя ноги.

– Вы можете самостоятельно идти? – спросил Валентин.

– Мне не надо никуда идти, – невнятно проговорила незнакомка.

– Вы, где живете? – задал Валентин новый вопрос.

– В Кочках.

Валентин понял, что женщина не может адекватно отвечать на его вопросы, надо дать ей время придти в себя. Он отошел в сторону, присел на пень и закурил. У него всплыли воспоминания далекой юности, когда ему пришлось спасать Галину, тонущую в реке. Он с будущей женой купался в небольшой реке. Галина не умела плавать и лежала на надутой автомобильной камере недалеко от берега. Ему захотелось показать свое умение плавать, и он поплыл по реке. В это время течение подхватило камеру и понесло к средине реки. Галина испугалась и

соскочила с камеры. Вместо того, чтобы взяться рукой за камеру и встать на дно реки, она начала барабанить руками по воде и тонуть. Когда Валентин подплыл к ней, она уже была под водой. Вытащив ее на поверхность воды, он поплыл к берегу. Она уцепилась ему за шею и мешала плыть. Тогда мелководье было в нескольких шагах. «Хорошо, что незнакомка не уцепилась под водой за меня, – подумал он, – мне бы тогда с ней не выплыть».

Пока он придавался воспоминаниям, женщина почувствовала в себе силы и поднялась с земли. Он подошел к ней и сказал:

– Я помогу вам дойти до поселка, – и взял незнакомку под руку.

Она не делала попыток вырваться, смиряясь со своим положением, и они медленно пошли к поселку. Валентин чувствовал, как она дрожала всем телом в теплый летний день. Он понимал ее страдания и знал, что откровенным разговором она может облегчить свою душу. Кроме того ему хотелось узнать причину попытки к самоубийству.

– Меня зовут Валентином, – начал он разговор, – я работаю на участке гидронамыва. Как вы оказались здесь? Где работаете?

– На буровой, – кратко ответила она.

У Валентина не вязалось в голове, как можно работать на буровой в такой одежде.

– У вас, наверное, сегодня был праздник, и вы крепко его отметили?

– Поминки, – ответила она.

– По ком поминки, я не слышал о покойниках на буровой?

– По себе.

Валентина озадачил ее ответ, он снова попытался разговорить женщину.

– Как мне называть вас?

– Ниной.

– Нина, вам надо облегчить свою душу, - произнес Валентин и посмотрел в ее карие глаза.

Она не отвела своего взгляда, а внимательно изучала лицо спасителя, соображая: можно ли ему доверять. Валентин, в свою очередь, отметил приятное лицо женщины с ямочками на щеках и слегка припухшими губами. Ее растрепанные волосы доходили до плеч. Видимо, она собирала их заколкой, которую потеряла во время купания. По его предположению, ей было около сорока лет.

– Все неприятности вам надо выплеснуть наружу, не держать в себе, – продолжал Валентин. – После разговора станет легче. Я готов вас выслушать и дать какой-нибудь совет. Не зря же говорится, что одна голова хорошо, а полторы лучше, – пошутил Валентин.

Женщина по-бабьи громко зарыдала и присела на придорожный пень. Закрыв лицо руками, она сидела сиротливо, плакала навзрыд, вздрагивая плечами.

Валентин терпеливо стоял около нее и ждал окончания истерики.

2

Рыдания скоро закончились, и она произнесла:

– Поскольку ты меня спас от смерти, послушай печальный мой рассказ.

Она ненадолго задумалась, решая, с чего начать свою исповедь, посмотрела внимательно на лицо Валентина. Перед ней стоял симпатичный, серьезный и сосредоточенный мужчина, его черные глаза выражали сочувствие и готовность оказать помощь. По его выражению лица и отношению к ней она женским чутьем поняла, что этому человеку можно доверять. Вздохнув, повела рассказ издалека:

– До перестройки моя семья проживала в селе на плодородной Кулунде. Колхоз был богатый. Муж имел специальность механизатора широкого профиля, работал комбайнером, я – дояркой. Держали скот, птицу. Жили в труде и полном достатке. Старшая дочь вышла замуж и переехала на жительство в районное село Кочки, сын учился в средней школе и собирался на службу в армию. В летние каникулы всегда помогал отцу, освоил работу на тракторе, автомашине и комбайне. Жить бы и только радоваться.

Вдруг наступила перестройка. Крепкое колхозное хозяйство стало разваливаться по швам. Началось с того, что молочный завод в райцентре перестал принимать молоко. Дойное стадо пришлось пустить под нож. Я осталась без работы. Вскоре председатель колхоза объявил, что колхоз обанкротился, перестал выплачивать заработную плату. Людям не на что было купить зерно и сено для личного хозяйства, появилось повальное воровство. Дальше – больше. Начали делить на паи колхозное имущество и землю. Мечты о хорошей новой жизни, которую обещали творцы перестройки, не сбылись – в селе никто не богател.

У меня была отрада – дочка с зятем получили ваучеры, которые оценивались в стоимость автомашины. Я по простоте душевной думала, что купят автомашину или вложат эти ценные бумаги в производство и заживут на дивиденды. В итоге оказалась, что автор ваучеризации всей страны – Чубайс жестоко обманул простых граждан. Это был запланированный обман. Дочка осталась без автомашины и дивидендов.

В колхозе продолжался дележ имущества, каждый тащил в свою ограду, что мог. Выживали только своим подсобным хозяйством и огородом. Мой муж в уборочную страду комбайн на ночь оставлял около дома. Однажды привез в бункере комбайна пшеницу для скота и птицы. Зерно, конечно, всегда воровал, но в этот раз делу дали ход, чтобы всем было неповадно. Состоялся показательный суд, звонили во все колокола, дело получило широкую огласку в назидание всем сельским жителям. Иван получил три года срока отбывания в колонии. Нелегко мне пришлось одной управляться с большим хозяйством. Держала я корову, свиней, овец и птицу. Спасибо сыну, он мне помогал во всем.

Мужа из заключения освободили раньше срока за хорошее поведение. Пребывание в лагере его сильно изменило. Складывалось впечатление, что он прошел курс перевоспитания, стал озлобленным и ожесточенным. Начал много пить в компании новых друзей. На выпивку требовались деньги, и он, изрядно под хмелем, не думая о последствиях, с друзьями украл бычка. Воровство быстро раскрылось, и он получил сполна новый срок отбывания в заключении за колючей проволокой.

Мне было очень одиноко и стыдно перед людьми за Ивана. В тот год сын ушел служить в армию. Одной было трудно управляться с большим хозяйством. Единственной отрадой в то время были для меня письма с Дальнего Востока от сына. Жизнь для меня остановилось, превратилась в ожидание писем от сына и мужа. Сын писал, что в село возвращаться не собирается, мужу отбывать срок долго. Жить в селе стало невмоготу, и я решила переехать в Кочки, чтобы жить рядом с дочкой. Продала дом, скотину и все, что нажито трудом. Простилась с односельчанами, вышла за околицу на берег озера проститься с милыми сердцу местами. Хотела пройти проститься с фермой, на которой работала много лет, но когда увидела коровник с разбитыми окнами и сорванными воротами, ноги налились свинцом и перестали меня слушаться. Со слезами на глазах повернула назад. Село своих предков, в котором прошло детство и лучшие годы жизни, покидала с тяжелым чувством на душе. Я бежала от прежней привычной жизни, не зная, какие трудности ждут впереди.

В райцентре сокращалось производство, найти работу не смогла, хотя была согласна на любую должность, вплоть до уборщицы в любом учреждении. Меня тяготила жизнь у дочери без работы. И вот, я прочитала объявление, что требуются работники на крайний север в поселок буровой вышки. Долго не думая, написала заявление и оказалась здесь среди тундры. Живу в вагончике, полевая жизнь мне пришлась по душе, сельскому жителю не страшна любая работа. Начальник мной был доволен, всегда хвалил за усердие. Я, видимо, ему понравилась, или от скуки без женского общества стал предлагать мне сожительство. Все его попытки к домогательству отвергла, заявив, что у меня есть муж. Он не успокоился, при встречах смотрел на меня, как удав на кролика, говорил комплименты и старался меня обнять.

Недавно, отслужив срок в армии, приехал в Кочки сын. Воспрянув духом, думала, что сын устроится на работу, перееду к нему в Кочки и заживем с ним, как в прежние времена. Мечтала избавиться от домогательств назойливого человека. Но не тут-то было. Сын не смог найти себе работу, хотя был хорошим механизатором. В армии первоначально служил водителем, затем механиком в механизированном батальоне. Отчаявшись найти работу, сын попросил меня помочь устроиться ему на работу у нефтяников. Мне не хотелось обращаться к своему начальнику, я стала отговаривать сына: «Работа на буровой тяжелая, вахтовая. Тебя три года ждала твоя невеста Люба, а ты ее вновь оставишь». «Мама! – ответил сын, – мне надо заработать деньги на свадьбу, Люба еще немного подождет». «Вы, что с ней обсуждали этот вопрос?» « Конечно, обсуждали. Будем вместе с тобой летать на вахту, через год сыграем свадьбу. К тому времени, может, удастся найти работу здесь, в райцентре».

Мне пришлось уступить просьбе сына. Прежде чем обратиться к начальнику, много думала и переживала. Когда изложила ему свою просьбу, он засиял, как начищенный самовар. В глубине его глаз я увидела вспышку страсти и вожделения. Начальник смотрел на меня, словно кот – мышонок сам стремится ему в рот. Мне хотелось убежать из его кабинета, но данное сыну обещание удержало на месте.

Сыну нашлась работа водителем автомашины, но мне было поставлено условие. Я очень долго колебалась, в конце концов, ему я сдалась. Какая мать ради детей не пожертвует своей любовью, жизнью, чем угодно, даже может себя на плаху положить.

Сын стал работать на автомашине, а я все глубже тонула в трясине. Убедившись, что сын доволен работой, у него появились новые друзья, решила: чтобы прекратить свои страдания, разрубить порочный узел и покинуть таежный край, как только истечет у сына испытательный срок.

Нина на некоторое время прервала свою исповедь и посмотрела по сторонам. Отсыпанная песком дорога тянулась среди тундры к поселку буровиков. По обе стороны в лучах солнца блестела гладь небольших озер, окаймленная моховым покровом. На горизонте частоколом стояли вековые деревья Туруханской тайги.

Валентин стоял рядом, не проронив ни одного слова. Он не хотел перебивать ее горький рассказ, понимая, что ей надо выговориться, чтобы облегчить душу. Периодически украдкой, пробегая взглядом по ее мокрому платью, любовался женской фигурой и думал: «Почему она оказалась в таком одеянии, здесь все носят спецовки и сапоги». Он заметил на виске Нины комара, хотел его согнать, но передумал, чтобы она не поняла этот жест панибратским к ней отношением.

Нина шлепнула ладонью по виску, опустила взор и продолжала сидеть в задумчивости. В ее душе боролись сомнения – стоит ли откровенничать с посторонним человеком. Наконец, решившись, тяжело вздохнув, произнесла:

– Сегодня утром до начала смены ко мне в вагончик зашел начальник, я сидела за столом и заканчивала завтрак. Он не дал мне доесть, схватил в охапку и потащил к кровати. «Закрой хотя бы дверь», – произнесла я, но его обуяла такая страсть, что он не хотел ничего понимать.

Через некоторое время в вагончик зашел сын и застал меня в постели с мужчиной. После некоторого замешательства произнес: «Вот так ты ждешь возвращения отца, больше ты мне не мать, я напишу отцу письмо, в Кочках уйду от тебя жить к сестре».

Посмотрев на сына, заметила слезы на его лице. Наши взгляды встретились, в его глазах увидела горе и ненависть. «Не хочу больше тебя видеть», – прокричал он надорванным голосом и выбежал из вагончика.

Сожитель мой лишь усмехнулся, махнул рукой и отвернулся. Он не проявил никакого сочувствия, его наглая ухмылка окончательно меня погубила. Я не могла больше терпеть свой позор и вынесла себе смертный приговор. Когда в вагончике осталась одна, надела праздничное платье, достала бутылку водки и побежала топиться. Рыдая, на ходу выпивая водку по глотку, спешила к водоему, чтобы не опомниться и не передумать о принятом решении. Пока бежала, опьянела, разум помутнел. У водоема допила водку и смело бросилась в воду».

Рассказ нелегко дался Нине. Замолчав, она подняла глаза на Валентина, ожидая его реакции на ее исповедь.

Валентина тронула судьба женщины, он молчал и подбирал слова, которыми можно ее утешить. Наконец, собравшись с мыслями, произнес:

– Жизнь каждому дана от Бога и все всегда в его руках. На пути каждого из нас очень много испытаний. Накладывать на себя руки – большой грех. Самоубийц

церковь не отпевает. Твой сын вспылил в порыве гнева, ему нужно время, чтобы обдумать и разобраться самому. Не ищи с ним встреч и не оправдывайся. Время и терпение все расставят на свои места.

Нина поднялась на ноги, и они продолжили путь. Молча подошли к поселку участка гидронамыва. Больше десятка вагончиков стояли среди тундры на площадке, намытой из песка. Яркое северное солнце, отражаясь от стекол окон, слепило глаза.

– Зайдем в вагончик моего друга Анатолия, – предложил Валентин, – и попьем чая. После водных процедур в холодной воде это очень полезный напиток.

К удивлению Валентина, Нина, не задумываясь, согласилась. Он не стал приглашать ее в свой вагончик, опасаясь, что она не правильно истолкует его предложение и откажется зайти на стакан чая.

Когда Валентин с Ниной зашли в вагончик, Анатолий не мог сдержать своего удивления и восторга. Он никогда не видел эту женщину, в его голове зашевелились крамольные мысли: «Зачем Валентин привел ее ко мне? Мог бы привести в свой вагончик. Наверное, хочет познакомить меня с ней».

Не спуская с женщины очарованного взора, Анатолий, как из ведра, поливал ее комплиментами.

- Прекрати болтовню, - прервал его Валентин, - дай Нине отдохнуть и напои чаем.

Анатолий засуетился около электрической плиты, а Валентин удалился в свой вагончик.

«Почему Валентин ушел? – думал Анатолий, – надо провести разведку боем, пока его нет, и задал вопрос»:

– Вы давно знакомы с Валентином?

– Недавно, – коротко ответила она.

– Как вы оказались в наших краях? Прилетели к кому-нибудь в гости?

– Я работаю на буровой.

– Мне часто приходится бывать в вашем поселке, но я ни разу вас не встречал.

– Это не мудрено, на буровой работает больше тысячи человек.

– В каком вагончике вас можно найти?

– Меня искать не надо, вы меня не теряли.

– Ваш муж тоже работает на буровой?

Нине не хотелось отвечать на вопросы навязчивого собеседника. Ее выручил скрип дверей, в которые вошел Валентин. Он успел побриться и переодеться. У него не возникало мыслей понравиться случайно встреченной женщине, просто с юности выработалась привычка: всегда одеваться опрятно.

Горячий чай отогревал тело и душу женщины. Она смотрела на Валентина и думала: «Вот этот человек с приятным лицом, черными внимательными глазами, меня спас и не пристает с вопросами, как его приятель».

Валентин провожал Нину до поселка буровиков. Песчаная накатанная дорога тянулась стрелой через лесотундру. Слева лежал отработанный земснарядом водоем с остатками песка на берегу. За ним зеленой полосой раскинулся березовый лес. Над водоемом летали чайки, сверкая белизной в лучах заходящего солнца. Шли молча, каждый думал о своем. Валентину хотелось взять ее под руку

и идти с ней рядом, как шли от водоема, но он этого не сделал. «Сейчас такое фамильярное отношение могло быть неправильно истолковано», – думал он.

Нине Валентин понравился. Она думала, что на свете есть порядочные и тактичные мужчины.

Прощаясь, Нина тихо со слезами на глазах произнесла:

– Надеюсь, исповедь моя останется между нами?

– Не беспокойтесь, я уже забыл все, что приключилось с вами.

3

Прошло уже две недели после спасения Валентином Нины. События того дня постоянно возникали в его памяти. Ее образ возникал перед ним: то в голубом платье на берегу водоема, то испачканной илом, лежащей на берегу в бессознательном состоянии, то рассудительной женщиной с несчастной судьбой.

Вот и сегодня, направляясь в магазин поселка буровиков, Валентин подумал: «Интересно, осталась она работать в поселке или улетела домой?».

В магазине народ толпился в очереди. Некоторые женщины, свободные от смены, приходили посудачить и узнать новости. В последнее время постоянно обсуждали реформу Гайдара. Он безжалостно лишил людей денег, заработанных в тяжелых условиях севера. Многие мечтали, вернувшись на большую землю, купить квартиру или автомашину. Гайдар одним росчерком пера лишил их этой мечты. Его не просто ругали, а ругали с ненавистью словами, которые не подлежат опубликованию. Если верна поговорка, что человек икает, когда его вспоминают, то Гайдар должен был погибнуть от икоты.

Постепенно разговор перешел на работу Думы.

– Кто вчера смотрел телевизор? – спросила женщина средних лет.

– Тебя что интересует?

– Депутаты дрались или успокоились?

Раздался дружный смех.

– Они без драки жить не могут, – ответила продавщица, – для меня лучшее кино – смотреть заседание Думы.

– Жириновский-то, что учудил, – произнесла, улыбаясь, молодая женщина, – стакан воды плеснул в лицо депутату.

По лицам покупателей прокатились улыбки, они забыли про Гайдара и переключились обсуждать Жириновского.

В это время открылась дверь, и в магазин вошла Нина. Валентин, не поворачиваясь к двери, почувствовал, что это она. В грязной робе мужики посторонились, и дали возможность ей пройти вглубь магазина. Нину обступили подруги, и у них начался оживленный разговор.

Валентин узнал ее по голосу и отвернулся к окну, чтобы не вступать с ней в разговор и избежать пересудов. «Беды с ней, видно, не случилось», – подумал он в надежде, что она его не узнала.

Купив сахара и галет, сигарет для друга, Валентин вышел из душного магазина, с наслаждением вдохнул свежий воздух и быстро зашагал по влажной песчаной дороге вдоль рядов вагончиков поселка буровиков. Теплый южный ветер приятно

ласкал кожу лица. Его мысли вернулись в магазин, он подумал: «Интересно, узнала она меня или нет?» Только собрался обернуться, как услышал за спиной торопливые шаги и знакомый голос:

– Меня вы разве не узнали? – задыхаясь от быстрой ходьбы, произнесла Нина.

Валентин остановился, внимательно посмотрел на Нину и тихо произнес:

– Извините, впервые вижу вас.

От Валентина не ускользнуло удивление и разочарование на ее красивом лице.

– Не может быть, чтобы я ошиблась, – произнесла она печальным голосом, - ведь это вы спасли меня, когда была я вне себя?

– Прошу простить меня, но вас не знаю и вижу только в первый раз.

– Я ничего не понимаю, зачем вам отрицать наше знакомство?

Их диалог внезапно прервался появившимся на дороге молодым человеком в тельняшке с засученными рукавами.

– Извините, нам навстречу идет мой сын, я вас должна сейчас оставить, – испуганно произнесла Нина и свернула в проход между вагончиками.

4

Заря еще не запылала, светило где-то за горой, но горизонт за речкой уже окрашен его яркими лучами. Перед восходом солнца в природе все притаились в ожидании зари. Даже ветер не колышет листья на прибрежных деревьях, мошка и оводы не тревожат Валентина, который стоит с удочкой на берегу реки под прикрытием деревьев. Сегодня он пришел с приятелем ловить хариусов на удочку с искусственной мушкой. Эта рыба очень осторожная, если заметит на воде движущуюся тень, вмиг унесется в речную глубину. Вот поэтому Валентин выбрал место под деревьями, чтобы его тень не падала на воду. Рыбалка для него была лучшим отдыхом от работы и всех забот.

Постепенно небосвод на востоке запылал заревом, и на голубое небо выкатилось яркое солнце. Его лучи заиграли блесками на влажных от утренней росы листьях деревьев. Вскоре проснулись комары и мошки. Проголодавшись, они яростно набросились на рыбаков. Валентин легонько отмахивался от них одной рукой, внимательно наблюдая за мушкой, плывущей по течению. Только когда на лоб или щеки садился овод, он не жалел себя и с силой бил по кровопийцу. Его приятель закурил самокрутку, но дым от папиросы плохо отпугивал гнус. Тогда он отломил ветку ивы и стал хлестать себя по щекам и шее.

По воде раздался шлепок от вынырнувшего хариуса, мушка, плывущая по течению, исчезла под водой, и Валентин почувствовал резкий рывок удилища, леска натянулась как струна. Крупный хариус не хотел сдаваться без боя. Он тянул леску в глубину, метался из стороны в сторону, выпрыгивал из воды. Выбившись из сил, дал рыбаку возможность подвести себя на мелководье и выбросить на берег в траву. Его чешуя, покрытая черными точками, блестела серебром в лучах утреннего солнца.

В это время раздался голос Анатолия:

– Валентин! Хватит рыбачить. Тебя вызывает начальство.

– Мне заступать на смену вечером.

– Начальству виднее, когда тебе на смену, надо кого-то подменить. Через полчаса за тобой придет машина.

– Посмотри, какую рыбину я поймал, рыбалка только началась, а ты мне ее испортил.

– Я-то тут причем? Начальство вызывает.

– Не мог сказать, что не знаешь, куда я ушел.

Нехотя смотав леску на удилище, Валентин поставил удочку в куст ольхи, срезал веточку-рогульку, очистил ее от листьев и надел на нее единственного пойманного хариуса. Посмотрел на Анатолия и сказал:

– Пойдем, тоже мне друг называется.

У вагончика его уже ждала грузовая автомашина. За рулем сидел сын Нины Виктор. «Видимо, не случайно нам было суждено с ним встретиться», – подумал Валентин. Он передал рыбу Анатолию, открыв дверцу кабины, уселся рядом с водителем и сказал:

– Поехали.

Шофер завел двигатель, включил скорость, и машина помчалась по раскисшей от недавних дождей дороге.

Валентина не интересовало, куда они едут. «Узнаю, когда приедем», – подумал он. Глядя в упор на юношу, он обдумывал, как начать с ним разговор. Немного подумав, спросил:

– Вашу мать зовут Ниной?

– Вам откуда известно ее имя?

– Мне известно не только ее имя.

– Что же вам еще известно?

– Мне известно, что вы презираете свою мать и отказались от нее.

– Кто вы такой, чтобы вмешиваться в наши отношения?

– Ты очень много не знаешь о своей матери и судишь ее сгоряча, - сказал Валентин, не отвечая на его вопрос.

– Что же я не знаю о своей матери? – задиристо спросил юноша.

– Ты знаешь, что она недавно хотела утопиться?

– А вам откуда это известно?

– Я вытащил ее полуживой из водоема, – спокойно произнес Валентин и подробно стал рассказывать о спасении Нины, внимательно наблюдая за выражением лица водителя.

Чем больше рассказывал Валентин о домогательствах начальника и об его условиях приема на работу сына Нины, о том, что мать решила утопиться, чтобы смыть с себя позор, у парня менялось выражение лица от удивления до ненависти. Его охватило волнение, он приоткрывал рот, пытаясь что-то сказать, руки перестали управлять машиной – она стала вилять по дороге. Наконец, он произнес:

– Я убью этого негодяя!

– Этим ты не облегчишь жизнь матери, а свою погубишь, как твой отец.

– Вам известно и про моего отца?

Не отвечая на вопрос водителя, видя, что у него трясутся руки, а машина, виляя из стороны в сторону, может съехать с дороги в болото, Валентин сказал:

– Останови, сынок, машину, давай-ка выйдем подышать свежим воздухом, вон видишь впереди пригорок, нажми там на тормоза.

Они вышли из кабины машины, уселись на дерево, поваленное во время строительства дороги, и закурили. Каждый думал о своем. Перед ними простиралось болото, за которым черной стеной стоял ельник. Солнце поднялось уже довольно высоко и слепило глаза. Виктор достал из нагрудного кармана солнцезащитные очки и надел их. Он думал о мщении любовнику матери. Валентин думал, как предотвратить возможную трагедию.

Сделав последнюю затяжку, Валентин растоптал сапогом окурок сигареты и сказал:

– Я знаю, о чем ты думаешь.

– О чем, интересно? – спросил Виктор.

Не отвечая на его вопрос, Валентин продолжал:

– Ты можешь испортить себе жизнь, твоей матери от этого легче не станет. Ее это может еще раз толкнуть на необдуманный поступок. Советую тебе, сынок: помирись с матерью. Она взрослый человек и сама найдет выход из сложившегося положения. Ей очень нужна твоя поддержка.

Видя, что Виктор успокоился, Валентин предложил:

– Поехали дальше, а то начальство будет недовольно, что мы задерживаемся.

Прощаясь с Виктором, Валентин протянул ему руку и, задержав его руку в своей, спросил:

– Ты понял, о чем я тебя просил?

– Понял, – неуверенно ответил тот.

5

Рано утром Валентин закончил чаепитие и собирался идти на смену. В дверь его вагончика раздался стук.

– Входи, дверь не заперта, – крикнул он, думая, что к нему идет Анатолий.

Дверь распахнулась, и в вагончик решительно вошла Нина. Она смело посмотрела на Валентина, не отводя, не пряча глаз, как при первой встрече. Валентин почувствовал, что в ней произошли внутренние перемены, появились уверенность и самообладание.

– Я пришла извиниться за свое малодушие, – начала говорить она твердым голосом, – и поблагодарить вас не только за мое спасение, но и за то, что вернули мне сына.

– Чтобы возвращать, надо сначала забрать, – пошутил Валентин.

– Сын мне подробно рассказал о вашей с ним беседе.

– Мне приятно слышать, что вы с ним помирились.

– У него закончился испытательный срок, и его перевели работать на другой участок. Я подала заявление на увольнение и улетаю с очередным вертолетом.

– Желаю вам удачи и счастья в жизни, – почему-то грустно проговорил Валентин.

– Очень вас прошу, не судите меня строго, я всю жизнь буду вас помнить и молить Бога о вашем счастье. Если доведется бывать в Кочках, найдите меня, я буду очень рада увидеть вас.

Они по-дружески расстались и на прощание обнялись.

6

Хмурые тучи низко плыли над тундрой и лесом, наводя уныние и тоску. Холодный ветер срывал с берез пожелтевшие листья, оставляя деревья раздетыми перед наступлением зимы. Листья кружились в воздухе, цеплялись за стволы деревьев и ветки кустарников, падали на землю, покрывая ее узорчатым ковром. Пожелтевшая осока вдоль озера переливалась волнами под напором порывов ветра. Над поверхностью водоема пролетали табуны уток, спешивших с попутным ветром покинуть северные широты.

Группа рабочих участка гидронамыва сидела у костра в ожидании вертолета, который обычно приземлялся на песчаной площадке, намытой на берегу озера. Они ругали нелетную погоду и начавшуюся в стране перестройку, которая разрушила хорошо отлаженное хозяйство по добыче нефти и их личные планы. В их районе сократилось не только разведывательное бурение, но и добыча нефти. Из тридцати шести буровых вышек работали четыре. Рабочий персонал остальных был сокращен. Брошенные вышки стояли как памятники технического прогресса среди тундры, изуродованной выбросами нефти на ее поверхность. Дорогое оборудование, бульдозеры, земснаряды, подъемные краны, самосвалы, трелевочники, специальные машины списывались и передавались в частные руки. Их участок гидронамыва был полностью ликвидирован.

Над озером появился табун белоснежных лебедей и, делая разворот над водой, начал снижаться для посадки. Валентин вскочил на ноги, стал кричать и махать руками, чтобы птицы испугались и продолжили свой путь, но табун сел на воду.

– Неужели они не видят, что вся поверхность озера залита нефтью, – произнес он скорее для себя, чем для товарищей, сидящих у костра.

– Теперь они вымажутся в нефти и не смогут взлететь, – сказал Анатолий, – будут выглядеть, как их австралийские родственники – черные лебеди.

– Один табун – это мелочь, – вмешался в разговор Николай, – вы посмотрите, сколько сот уток погибло в амбаре около вышки.

Амбаром называется котлован около вышки, в который сливаются отходы производства буровой: шлам, смазка, промывочная пульпа, часто нефть. Иногда в качестве котлована используют находящиеся рядом болота или небольшие озерки.

Валентин, глядя на обреченных лебедей, вспомнил, как несколько лет назад над этим озером кружились чайки и ловили мальков. Теперь мертвое озеро стало ловушкой для пролетных птиц, которые десятилетиями привыкли на нем останавливаться во время перелетов.

– Мне кажется, что мы с вами, – продолжил речь Николай, – попали в положение этих лебедей.

– За нами рано или поздно прилетит вертолет, – возразил ему Анатолий, – а вот лебеди – смогут ли улететь – большой вопрос.

– Не знаю, как вас, а меня денежная реформа сильно подкосила, – ответил Николай, – я собирался купить дом в селе, а теперь остался ни с чем.

– Не только тебя обобрал Гайдар, – согласился с ним Анатолий, – у меня лежали деньги на книжке для покупки «Нивы», а теперь на них не купишь даже костюм.

– Мужики, – обратился к ним Валентин, – вы думаете только о своем благополучии. Посмотрите на природу, в каком состоянии мы ее оставляем после промысла нефти. Если так дальше будет продолжаться добыча нефти, здесь ничего живого не останется. В реку Моховую спустили нефть и погубили всю рыбу, множество озер осталось без рыбы. Вездеходы гусеницами изрезали покров тундры незаживающими ранами, а сколько устраивали пожаров искрами, вылетающими из выхлопных труб. Эвенки вынуждены были оставить родовые места и уйти со стадами оленей дальше на север.

– Валентин, – обратился к нему Анатолий, –ты зачем нам все это рассказываешь? Мы разве этого не знаем? Ты еще вспомни, как мы несколько дней не могли прилететь на вахту из-за дыма, окутавшего буровую.

– Меня беспокоит, что в этих когда-то богатейших краях, скоро не останется ни зверя, ни рыбы, – ответил Валентин. – Я не могу смотреть равнодушно, когда без подготовки котлована, льют нефть в болота и озера.

– Нефтяникам главное – добыча нефти, а люди и окружающая природа их мало заботят, – промолвил Николай, думая о потерянной надежде купить дом.

Вертолет за бригадой прилетел только на третий день.

– Вы, почему так задержались? – спросил Валентин у знакомого вертолетчика.

– Скажи спасибо, что прилетели, ваше начальство обанкротилось, денег не было платить за рейс.

Вертолет, поднявшись над тундрой, сделал прощальный круг вокруг буровой. Валентин прижался лицом к иллюминатору и смотрел на давно знакомые места. Внизу оставались заброшенная буровая, одиноко стоящий земснаряд, опустевшие вагончики, брошенная техника. Под вертолетом тянулась изуродованная прогрессом тундра с очагами прошедших пожаров, с озерами, залитыми нефтью. Только отдельные кедровые острова среди болот сохранились нетронутыми человеком и вселяли надежду, что природа когда-нибудь восстановит свой первоначальный облик.

Содержание

Таежная трагедия

Потомок ссыльных

В родном краю

Таежные встречи

Неожиданная встреча

На заре перестройки